

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ОСОБОЕ
ЗАДАНИЕ

Annotation

Имена президента Земного Альянса Джона Хаммера и адмирала Александра Нагумо кровавыми письменами были вписаны в историю Вселенной. Столетия назад они развязали Первую Галактическую войну.

И проиграли. Однако им удалось уйти от возмездия. Одержимые мечтой о реванше, они погрузились в многовековой сон. И вот настала пора пробуждения…

Андрей Ливадный Особое задание

Пролог

Она мечтала стать киборгом.

Для этого имелась тысяча причин, и не было смысла приводить их все.

Быть совершенной. Не ощущать недомоганий своего тела, не испытывать раздражения от того, что не успеваешь или не можешь совершить задуманное, обрести независимость от большинства эмоций и получить кристальную ясность мышления.

Все склоняло чашу весов в пользу *мечты*, но способ ее осуществления оставался так же нереален, далек, абстрактен, как мигающие искорки звезд на ночном небосводе.

От этого хотелось плакать, и опять вдруг глухим горячим комком к горлу подкатывала ярость, а тело отказывалось поддержать ее, оно как будто вело иную жизнь, не согласованную с чаяниями рассудка, хотело есть, спать, подвергалось сотням иных неудобств.

Потом навязчивые мысли и желания отступали на время – не то таились, в страхе оказаться разбитыми очнувшимся здравым смыслом, не то просто угасали, как несбыточная надежда, задавленная обыденностью, суетой, бытом.

Но мечта не угасала совсем.

Она теплилась в душе, словно искорка света в кромешной тьме, и наступил день, когда тьма расступилась, позволив надежде расправить крылья.

Она отлично помнила тот унылый непогожий вечер рано начавшейся зимы, когда дождь пополам с мокрыми тяжелыми снежинками падал в ущелья улиц, проносясь серой хмарью в свете редких осветительных панелей, – Земля жила на осадном положении, Флот Свободных колоний, оставив позади Линию Хаммера[1], угрожал вторжением в Солнечную систему.

Странно, но этим вечером, нарушая светомаскировку, над головой парил росчерк лазерной рекламы, внезапно превративший мечту в реальность.

Он манил, обещая воплотить все, о чем грезилось под гнетом одиночества, страха, осознания собственной ничтожности и бессилия перед вселенским безумием, имя которому – война.

Почему она сразу поверила, не задумываясь над сотней древних как

мир истин, например, гласящих о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке?

Ей подумалось: будь что будет. Существовали конкретные обстоятельства, частично объективные, а частью надуманные, она смотрела на неровные, искажающиеся под порывами ветра буквы, зовущие ее стать совершенной, уйти от бессмысленного существования среди безлюдных улиц опустевших городов, и верила, что жизнь может вот так, в одночасье, измениться.

Ее внутренняя готовность диктовалась не только потаенной мечтой: у любого стремления есть корни. Когда тебе двадцать, а войне идет двадцать девятый год, когда обезлюдели города и уже приходится скрываться, чтобы не попасть на один из мобилизационных пунктов и далее – в самое пекло вселенской бойни, где начатое людьми завершали машины, разум невольно цеплялся за любую соломинку.

Неровные строки, парящие в небесах, обещали ей шанс обрести новое, никогда не стареющее тело, сохранив при этом и человеческий облик, и свой рассудок, избежать оккупации и начать новую жизнь за сотни световых лет от Земли, избавиться от страха и одиночества, и она поверила, пошла на зов, потому что в ее жизни не осталось ничего, кроме холода и едва теплившейся надежды.

Пусть здесь все превратится в руины, пусть я буду далеко и стану другой.

Надежда умирает последней. Она не знала, какую цену нужно будет заплатить, но пошла навстречу своей мечте, идеалу совершенства, взлелеянному в рассудке под напором неодолимых жизненных обстоятельств.

Ей бы остановиться и задуматься, кто и в каких целях предлагает столь щедрый дар всем «уклонистам», скрывающимся среди бесчисленных уровней Вечного Города (так называли Землю обитатели мегаполиса, занимавшего девяносто процентов материков планеты), но мечта оказалась сильнее.

Ей грезилось, что оставшиеся у руля власти люди наконец опомнились и теперь пытаются спасти остатки населения Земли, применив ради этого последние достижения военных технологий.

Она ошибалась.

Чем ближе, чем неотвратимее становилось поражение Альянса, тем яростнее, исступленнее искали выход из тупика не только люди, но и вплетенные в структуры управления, уже вполне осознающие себя и окружающую действительность искусственные интеллекты.

Созданные в целях войны, воспитанные чудовищным противостоянием, они не принимали удручающей окончательности грядущих событий, для них падение Солнечной системы и капитуляция Земли являлись лишь временной неудачей, локальной победой противника, которую, применив всю сумму накопленных, но еще не реализованных на практике технологий, можно будет обратить в свою пользу.

Нужно лишь время, пусть противник поверит в собственную победу, потеряет бдительность, распылит собранные в кулак силы.

* * *

Она шла навстречу своей новой судьбе, не подозревая, что за мечту придется заплатить кровью, ибо в душе тех, чье назначение обернуть историю вспять, не должно гнездиться страха.

Сначала она пройдет через чистилище последних сражений за Землю, возможно, отдаст жизнь бренного тела, но машины сохранят ее изменившийся рассудок, который действительно обретет обещанную свободу, свою мечту о совершенстве, не утратив присущих человеку качеств, но...

...Но все случилось не так, как предполагали бездушные обладатели искусственных интеллектов.

Битва за Землю была проиграна[2] прошли столетия, а запланированное возмездие не свершилось.

Часть первая Особое задание

Глава 1

2943 год Галактического календаря.

Окраина...

Планета Эрлиза находилась на начальном этапе колонизации.

Поселения колонистов еще не превратились в города, они были асимметрично разбросаны по площади одного из материков нового для людей мира. Очаги пришлой жизни окружали уже лишенные исконной растительности, но еще не терраформированные территории. На данном этапе освоения, за периметром поселений, похожих на укрепленные форпосты, простирались мертвые пространства, на которых только начинали предварительные работы бригады почвоукладчиков.

Сюда мог прилететь на постоянное или временное место жительства кто угодно, в колонии существовала лишь номинальная администрация, в основном представленная органами самоуправления отдельных общин, сформированных по признаку национальной принадлежности к планетам-метрополиям.

Удивляло обилие частных посадочных площадок, еще не претендующих на громкое название «космопорт», порой спрятанных от посторонних глаз в диких, неосвоенных регионах планеты. Они оборудовались минимальным количеством аппаратуры, необходимой для контроля посадки или старта небольших космических кораблей, рядом, как правило, размещались приземистые постройки бункерных зон, где осуществлялся прием и сортировка грузов.

Одно из таких незарегистрированных поселений, имеющее собственный «космопорт», располагалось в горах. Космодромом в данном случае служило естественное горное плато, люди же облюбовали для себя несколько пещер, загерметизировав их при помощи суспензорного поля[3].

Вольные торговцы (так именовали себя владельцы небольших космических кораблей) вели свою, обособленную от остального мира, жизнь. Они прилетели на Эрлизу, основав поселение в горах, не в целях освоения планеты, а исключительно ради создания перевалочного пункта и складов для хранения разнообразного товара. Отсутствие в молодой колонии таможенного контроля делало планету привлекательной для собственников коммерческих судов...

...Эрик Неволдо и Ли Тан наблюдали, как над горным плато снижается очередной транспорт класса «Элизабет-Альфа», сопровождаемый эскортом

из четырех истребителей.

– Надо бы поговорить, Ли. – Эрик отвел взгляд от снижающихся кораблей.

Стоявший рядом с ним низкорослый крепыш повернул голову.

– А что, есть интересная тема?

– Так, мысли... Пойдем, потолкуем? – Эрик машинально пригладил коротко стриженные волосы. Традиционная прическа пилотов, которую в шутку называли «а-ля гермошлем».

Ли Тан в этом смысле придерживался иных традиций. Его черные волосы были аккуратно заплетены в косичку, что также не мешало ношению гермоэкипировки.

Они вошли в пещеру, совмещавшую в себе функции склада и жилого помещения. Благодаря встроенным в структуру суспензорного поля эмиттерам, зеленоватое сияние защиты раздалось в стороны, образуя небольшой проход, куда, овевая лица людей, ударил порыв воздуха, возникший из-за постоянно поддерживаемого внутри естественной полости избыточного давления. Это помогало обходиться без сложных шлюзовых устройств, хотя и вело к неизбежным потерям части атмосферы загерметизированного помещения.

Пройдя мимо штабелей контейнеров, они свернули в образованный складированными грузами проход и очутились в небольшом, приспособленном под жилье, тупиковом ответвлении пещеры.

Эрик уселся на жесткую койку, достал портативный комп, снабженный системой голографического воспроизведения, и включил устройство.

Ли без особого интереса наблюдал за его приготовлениями. Эрика он знал давно, вот уже три года они вели совместный бизнес, что по меркам неспокойного мира Окраины – солидный отрезок времени. Когда каждый полет между молодыми колониями сопряжен с изрядной долей риска, люди быстро узнают друг друга.

В последнее время бизнес шел «не очень». Несколько корпораций, набирающих силу на Окраине, старались подмять под себя, монополизировать межзвездные перевозки в секторе, и вольные торговцы ощутимо испытывали прессинг со стороны нарождающихся корпоративных флотов.

Законы Конфедеративного Содружества, подальше от влияния которых десять лет назад подался на Окраину Ли Тан, ослабевали по мере увеличения расстояния между Центральными Мирами и новыми поселениями. Торговать тут было удобно и прибыльно, но теперь все резко

и недвусмысленно изменилось. В космосе, кроме пиратов и торговцев, появилась третья сила, равно угрожающая процветанию обеих традиционно враждующих между собой сторон, так что совершенно неудивительно, что теперь бывшие непримиримые враги пытались найти точки соприкосновения, взаимную выгоду: взять, к примеру, те истребители, что сопровождали севший транспорт. Они принадлежали каперам, и в недалеком прошлом подобный союз казался просто немыслимым.

Все меняется, – философски подумал Тан, ожидая, пока Неволдо, наконец, активирует свое кибернетическое барахло.

Над дискообразным корпусом мобильного компьютера возникла бледная сфера голографического воспроизведения. Тан присел на перевернутый пустой контейнер из-под пищевых концентратов и со скучающим видом принялся разглядывать непонятную на первый взгляд схему, появившуюся в информационном пространстве виртуального монитора.

Жирный, сплетенный из десятков курсовых нитей пространственный вектор вел от точки гиперсферного всплытия к условному маркеру планеты. Ли привычно попытался сориентироваться в навигационной схеме, нашел привязку к ориентирам и понял, что перед ним система Элио.

У Эрика, верно, крыша поехала,– решил про себя Тан. Столица Конфедерации Солнц никогда не входила в сферу экономических интересов свободных торговцев. Строго регламентированный список товаров, разрешенных для импорта и экспорта, постоянные досмотры, таможенные декларации, неусыпный контроль со стороны Галактического Патруля Совета Безопасности Миров – все это плохо сочеталось с привычными полуанархическими правилами торговли в секторах Окраины.

– Ну и? – Ли ждал пояснений, и нужно сказать, что первые же слова Эрика ему совершенно не понравились:

– Я, как видишь, скинул пару контейнеров с нанопылью в точке гиперсферного всплытия системы Элио, и уже три месяца получаю информацию по каналам ГЧ, – многозначительно произнес Неволдо.

– Вижу, – без энтузиазма откликнулся Тан. – И что это за курсы?

– Военно-транспортные конвои, – ответил Эрик. – Они следуют одним и тем же путем, поднимаясь из «гипера» на удалении от основных внутрисистемных трасс и затем, как ты видишь, продвигаются к орбитам Элио, под прикрытием чисто номинального охранения.

– Что они перевозят? – поинтересовался Ли Тан.

– Точно не знаю. Вернее, каждый раз груз в военных транспортах

разный, но в основном, если верить данным сканирования, это тяжелое вооружение, изъятое с карантинных планет, иногда серв-машины, но чаще оружие и комплектующие, такие, например, как модули «Одиночка».

– Ну и зачем ты мне это демонстрируешь? Продай информацию пиратам, у них, может, и найдется пара отморозков, способных напасть на конвой ВКС Конфедерации, только смысла в подобной акции я все равно не вижу.

– Какой может быть тут смысл, кроме денег? – пробурчал в ответ Эрик. – Сначала выслушай меня, а потом будешь критиковать.

– Эрик, ты что думаешь, я стану принимать участие в действиях против *флота?!*– возмущенно фыркнул Тан.

– А куда ты денешься?

– Мы не пираты.

– Согласен. Но сколько наши корабли стоят на приколе? Месяц? Корпорации контролируют сектор, или ты забыл? У нас гора непроданного товара. Что нас вынуждают делать? Стать пилотами одной из корпораций? Горбатиться на них за мизерную зарплату? Это смешно. Мы вольные люди, но альтернативы нет. Либо тебя собьют эти бесноватые «X-страйкеры»[4] только из-за того, что ты нарушаешь «зону экономических интересов» корпораций, либо прямой путь в услужение к корпам, – последнее слово Неволдо произнес с презрением.

– И ты решил покончить жизнь самоубийством, да? – ехидно спросил Тан, рассматривая схему прохождения военно-транспортных кораблей. – Хочешь уйти эффектно и красиво?

– Перестань. Я люблю жизнь. Вот посмотри, это модель стандартного войскового транспорта. – Эрик включил дополнительный вывод данных, и на фоне навигационной схемы в пространстве голографического монитора возникло изображение четырехсотметрового космического корабля. В отличие от традиционной компоновки, в средней части транспорта были смонтированы дополнительные внешние грузовые секции, состоящие из жестко скрепленных между собой крупногабаритных контейнеров.

– Смотри, это уязвимое место любого конвоя. – Неволдо указал на внешнее крепление дополнительных отсеков. – Конфедераты сейчас активно зачищают карантинные миры, и поток грузов слишком велик, у них не хватает кораблей. Пойми, Ли, такое случается нечасто. Я случайно заметил подобный конвой, когда совершал промежуточное всплытие в системе Элио. Они выходят из гиперсферы без охраны, по данным, собранным наномашинами, истребители прикрытия появляются в точке

рандеву только спустя двадцать минут после всплытия.

– И что ты предлагаешь конкретно? – продолжал хмуриться Тан.

– Если согласишься с моим планом, мы навсегда решим свои личные проблемы. Станем богатыми и больше не будем мучиться вопросами неопределенности будущего. Сможем наплевать и на корпорации и на торговлю, потому что каждый внешний транспортный контейнер, по предварительным данным, несет груз, стоимость которого даже по бросовым оптовым ценам сделает нас миллионерами. Конфедераты перевозят военное имущество, они транспортируют его на базу РТВ Элио для изучения и последующего уничтожения. Я уверен, что любая из корпораций отвалит нам солидную сумму за обладание одним из подобных контейнеров.

– Ну, допустим, – без особого энтузиазма согласился Тан. – Если не учитывать, что все изложенное тобой смердит разбоем.

– Ты можешь один раз рискнуть, заставить заткнуться свои «принципы»?! – неподдельно возмутился Эрик, которого уже достало бездействие. – Ты понимаешь, что речь идет не только о миллионах, но и о нашей личной независимости? Если не желаешь завязывать с торговлей, можешь использовать свою долю и открыть официальный бизнес.

– Ладно. – Ли уже менее предвзято взглянул на схему. – Как ты себе представляешь саму операцию?

– Нам потребуется восемь каперских истребителей. С совершенно отмороженными пилотами, которые рискнут напасть на конвой, зная, что шансов сохранить корабли у них не будет.

– А как же они уйдут?

– На спасательных капсулах, оборудованных гипердрайвом.

– Смысл их «самопожертвования»?

– Отстрелить крепления внешних контейнеров с грузом. При стремительной атаке, по моим расчетам, они успеют «отрезать» от транспортов как минимум две-три сборки контейнеров. Затем истребители совершают отвлекающий бросок, уводя за собой силы Патруля. В этот момент, пока военные транспорты перестраиваются в оборонительную формацию, а контейнеры с грузом дрейфуют в космосе, на сцене появляемся мы – два мирных торговца с легальными маркерами. Пока в пространстве царит неразбериха, мы успеем ухватить контейнеры буксировочными полями и тут же сваливаем в гиперсферу. Таким образом, в наших руках оказывается товар стоимостью в несколько миллионов.

– А каперы?

– Они войдут в долю. Стоимость их суденышек не идет ни в какое

сравнение с добычей. Хватит всем. Единственное, о чем я не смог пока позаботиться – это о потенциальном покупателе груза. Нужно скинуть добычу оптом, потому что подобное нападение не пройдет незамеченным, второго шанса уже не будет, да и на нас откроют охоту. Наша задача – побыстрее продать груз и исчезнуть.

– Ты уже зондировал настроения каперов?

– Его нечего зондировать. Они отчаянные ребята. Поверь, нападение на войсковой транспорт несет не больше риска, чем регулярные стычки с «Х-страйкерами» корпов. Любой из них согласится принять участие в операции.

– Да, но первые попавшиеся кандидатуры нас не устроят.

– Это верно. Давай условимся: я возьму на себя переговоры с пилотами каперских истребителей и отбор кандидатов. А ты попробуй найти оптовика. Такого, который не кинет нас в точке встречи, потому что нанимать еще одну группу истребителей, для прикрытия передачи груза, слишком рискованно.

– Что верно, то верно. Иногда с корпами иметь дело проще, чем с пиратами. Я попробую. У меня есть необходимые связи в коммерческих кругах, – согласился Тан.

– И свою совесть на некоторое время заткни подальше, ладно? Чтобы не получилось срыва операции из-за твоей мнительности.

Ли Тан лишь криво усмехнулся в ответ.

Когда-то у Вольных Торговцев действительно существовал свой кодекс чести. Но потом появились корпорации и установили на окраине закон сильного, который не учитывает принципы и мнения слабых. Им, как и сотням других «вольных» капитанов, была уготована вполне определенная участь, поэтому план, изложенный Неволдо, при здравом размышлении являлся далеко не самым худшим из многих вариантов. Они никого не убивают, отщипывают пару-тройку контейнеров с грузом от конвоя Конфедеративных сил и смываются. Незаконно? Да. Но когда будущее не сулит определенности, а твоя жизнь уже и так ничего не стоит, можно рискнуть. Тан не хуже Эрика понимал, что любой пилот Окраины в глубине души авантюрист. Он тоже не исключение из общего правила. Так что со своей совестью договориться несложно, учитывая далеко не радужные перспективы ближайшего будущего.

Гораздо труднее будет найти надежного покупателя.

* * *

Встреча с потенциальным покупателем состоялась спустя два дня, на

Кьюиге.

Ли Тан прилетел в скопление Центральных Миров, составляющих костяк Конфедерации, как обычный пассажир коммерческого рейса.

Взяв у космопорта такси, он ввел в навигационную систему автопилота адрес и спустя сорок минут благополучно прибыл к местному представительству известной во всех мирах обитаемого космоса корпорации «Галактические Киберсистемы».

С планетным управляющим он был знаком лично: Тан в недалеком прошлом регулярно закупал на Кьюиге партии робототехники для продажи в колониях и сейчас решил воспользоваться своим статусом постоянного клиента, чтобы навести справки и попытаться выйти на контакт с нужными людьми.

Офис «Галактических Киберсистем», как обычно, встретил его гулкой, обманчивой тишиной огромного демонстрационного зала, где на множестве расположенных концентрическими кругами возвышений располагались образцы продукции, выпускаемой на заводах корпорации.

Здесь можно было часами блуждать, рассматривая различные кибернетические системы, начиная от несложных домашних комплексов и заканчивая огромными терраформерами, – настоящими мобильными заводами по преобразованию почвенного слоя на поверхности колонизируемых планет.

Благодаря обилию и разнообразию выпускаемой продукции, корпорация «Галактик Киб» постоянно и динамично развивалась, охватывая все новые и новые сферы инновационных технологий. Совсем недавно в офисах корпорации стали появляться первые биологические системы, способные составить конкуренцию традиционным механизмам. Этот сорт продукции имел непонятные для Тана источники технологий, поговаривали, что новые биологические машины не что иное, как адаптированная для законопослушных миров продукция запрещенных производств планеты Зороастра, о которой ходили самые противоречивые слухи.

Впрочем, сегодня Тан не стал задерживаться у стендов с новейшими образцами продукции.

Обратившись к знакомому менеджеру, он без труда договорился о встрече с управляющим.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Маргус Сент-Иво, действительный владелец и настоящий

руководитель корпорации «Галактические Киберсистемы», находился в этот момент за десятки световых лет от планеты Кьюиг.

Никто не знал, где расположен информационно-аналитический центр корпорации, ни одна из конкурирующих или контролирующих сил не имела доступа к истинным данным. Все контакты с внешним миром осуществляли планетные управляющие, которые, в свою очередь, не могли указать, где именно расположены научно-исследовательские лаборатории и связанные с ними опытные производства.

Такие меры предосторожности были оправданы. Маргус уважал мудрость своих предков, основавших корпорацию спустя несколько лет после окончания Первой Галактической.

Смутное столетие, когда рушились планетные суверенитеты, образовывались и распадались союзы, шел активный передел сфер галактического влияния, научил поколения семьи Сент-Иво приемам выживания в условиях нестабильного поствоенного пространства. Распределение производств по десяткам разных планет, строгое соблюдение коммерческих тайн, управление корпорацией через системы межзвездной связи, – все это гарантировало неуязвимость ее владельцев от происков любой недружественной силы.

Здесь, на небольшой и совершенно бесперспективной в плане колонизации планете, Маргус Сент-Иво чувствовал себя в абсолютной безопасности. Более того, по окончании смутного века безвластия, когда Центральные Миры объявили о создании Конфедеративного Содружества и в пространстве обитаемого космоса явно очертились границы, внутри которых на смену анархии пришел закон, для «Галактических Киберсистем» это не стало началом конца. Многие корпорации, процветавшие в условиях «дикого» послевоенного бизнеса, не выдержали испытания на прочность, они растаяли как дым...

Маргус усмехнулся своим мыслям.

Здесь, в тайном центре, сосредоточилось все: источники технологий, огромные комплексы лабораторий и опытных производств, которые были полностью роботизированы, что исключало влияние человеческого фактора, устраняло возможность утечки информации или обыкновенного предательства.

Законы Конфедерации существовали вне данного мира. Любой из семьи Сент-Иво, находясь у руля огромной корпорации, имел уникальную возможность создавать самые немыслимые образцы робототехники, не оглядываясь на запреты Совета Безопасности Миров. Здесь аккумулировался опыт тысячелетий, и лишь ничтожная его часть попадала

на рынки сбыта в виде готовой продукции. Таким образом, «Галактические Киберсистемы» имели огромный резерв «технологической прочности», постоянно, на несколько шагов опережая своих конкурентов.

...За многослойными стеклами панорамных окон бесновалась рыжая песчаная буря. Маргус уже закончил текущие дела и собирался покинуть оборудованный по последнему слову техники обширный кабинет, когда неожиданно заработал передатчик гиперсферных частот.

Вызов шел с Кьюига, но об этом знали только Сент-Иво и планетный управляющий. Хотя последний не догадывался, куда именно адресован сигнал, посланный по каналу «плавающей» гиперсферной частоты. Пройдя через сложную сеть принадлежащих «Киберсистемам» ретрансляторов, информационный пакет достиг удаленной звездной системы, заставив главу корпорации задержаться в своем кабинете.

Внимательно изучив поступившие данные, Маргус сначала нахмурился, но потом, немного поразмыслив, принял положительное решение.

Речь шла о возможности нелегальной покупки нескольких транспортных контейнеров, содержащих кибернетические механизмы и их элементы, относящиеся к периоду Первой Галактической.

С одной стороны, что проку главе могущественной корпорации в сомнительных партиях устаревшего вооружения, собранного при зачистке карантинных планет?

Нет, Маргус Сент-Иво хорошо знал не только историю, в общепринятом понимании данного термина, но и являлся знатоком в области узкой специализации. Он сразу понял, о какого рода технике идет речь. Эпоха второй половины Галактической войны, когда Земной Альянс сделал ставку на кибернетические комплексы, стараясь любой ценой одержать победу в затянувшемся противостоянии с колониями, до сих пор хранила множество тайн. В свое время именно обладание уникальными технологиями Альянса позволило предкам Маргуса наладить эффективное производство человекоподобных машин и нескольких видов непохожих на людей, узкоспециализированных сервомеханизмов. Собственно, с эффективных, дающих постоянную прибыль производств, не потребовавших затрат на научные изыскания, и начала свой невероятно быстрый взлет корпорация «Галактические Киберсистемы».

Любой из семьи Сент-Иво знал, что военно-промышленный комплекс Альянса ушел в своих разработках далеко за грань морального и технического фола, а значит, карантинные миры до сих пор хранят в недрах военных баз и бункерных зон такие технологии, аналогов которым нет в

Обитаемой Галактике. Образцы последних разработок военной машины Альянса постоянно попадают в руки специалистов Конфедерации, но на их использование тут же накладывается запрет. Маргус понимал – есть грань дозволенного, которую явно переступил Земной Альянс. Конфедерация Солнц не рискует повторять ошибки былого, замораживая большинство технологий, импортируемых в результате зачисток карантинных миров, и правильно делает, ибо их неосторожное использование может быстро ввергнуть процветающие миры в пучину хаоса.

Однако для «Галактических Киберсистем» любая новация – это настоящий клад, очередной импульс в развитии, еще одна ступень вверх по лестнице тотального превосходства как над реально существующими, так и над вероятными конкурентами.

«В конце концов, что такое пара-тройка миллионов кредитов? – размышлял Маргус. – Несколько минут работы многочисленных производств. Конечно, для контрабандистов это огромная сумма, но и риск с их стороны соразмерен. В любом случае вероятность нахождения в грузовых контейнерах образцов неизвестных до этой поры кибернетических устройств очень высока».

Игра стоит свеч, – окончательно утвердился в принятом решении Маргус.

* * *

Планета Эрлиза...

Результатом недолгих размышлений Маргуса Сент-Иво явилось дальнейшее развитие событий по предложенному Эриком Неволдо плану: пока Тан летал на Кьюиг, он сумел завербовать восемь пилотов из числа каперов. Все они имели личные корабли, оснащенные спасательными капсулами с гиперсферным приводом, свою задачу каждый из нанятых каперов не считал сверхсложной. Да, действовать придется на территории Конфедерации, и сохранить корабли, при обозначенном Неволдо раскладе сил, не представлялось возможным, но деньги, выплаченные Эриком в качестве аванса, уже покрывали стоимость восьми истребителей, остальная часть суммы являлась чистой платой за риск, таким образом, каждый из нанятых пилотов не чувствовал, что его пытаются использовать вслепую.

– Ты не поторопился? – в своей критичной манере осведомился Тан, узнав о выплаченном авансе, ради которого Неволдо заложил весь их груз, полностью опустошив трюмы кораблей.

– Не дергайся, Ли. Ребята рисковые, для них нападение на конвой обычное дело.

– Я не о том. Операция назначена на завтра, а деньги уже у них.

– Ну и что?

– Не смоются?

– Они каперы-одиночки. У каждого есть свое имя, известное на Окраине. Пусть не покажется тебе странным, но они дорожат своей сомнительной репутацией. Я не нанимал кого попало, только лучших, поэтому проблем не будет. Они атакуют конвой в точности, как мы договорились. Пришлось распустить кое-какие слухи, искусственная утечка информации, так сказать, – ухмыльнулся Эрик. – Теперь каждый из них станет заботиться о собственной репутации.

– Не слишком? Платишь деньги, распространяешь сплетни, – недовольно пробурчал Тан. – Думаешь, разведка Конфедерации не отслеживает слухи?

– Успокойся. – Неволдо не любил, когда его действия подвергали сомнению или критике. – Я не такой тупица, чтобы озвучить детали. Ничего определенного. Проболтался, что нанял ребят для рискованного дела. А что, где – не упоминал. Твой заказчик, между прочим, тоже фигура сомнительная. У тебя есть гарантии, что его представители прибудут в точку встречи и заплатят за груз?

– Я тебе гарантирую.

– Вот видишь. Все основывается на взаимном доверии. Так что не забивай себе голову, лучше давай еще раз проверим готовность наших транспортов. Операция начнется утром. Где передаем товар?

– На тот случай, если придется разойтись?

– Естественно. Или ты мне больше не доверяешь?

– Доверяю. – Тан пристально посмотрел на Неволдо и добавил: – Передача груза в системе третьего Омикрона. Ровно через сутки. Корабль покупателей будет иметь маркер принадлежности к торговому флоту планеты Кассия. Вот код для точного взаимного опознания. – Ли передал Эрику микрочип. – Если придется разойтись, ждем друг друга не более трех часов. Это условие покупателя. При любом исходе встречаемся на двенадцатом Омикроне, там нет власти корпораций.

– Вот это уже дело, – довольно усмехнулся Эрик, пряча микрочип в нагрудный карман. – Не дрейфь, все пройдет как надо. Вот увидишь.

* * *

Система Элио.

Главное разведывательное управление ВКС Конфедерации Солнц.

Зал тактических совещаний.

Над столицей Элио занималось утро. Свет солнца проникал и сюда, на глубину двухсот метров, краски восхода играли бликами на черных глянцевитых кожухах сложных кибернетических устройств, огромные экраны (часть которых как раз и передавала на подземный уровень панораму восхода) занимали всю свободную площадь стен, куполом звездного неба смыкались над головой, вызывая у неподготовленного человека чувство головокружения.

Сложная мозаика из сотен видеотрансляций, проходящих в режиме реального времени, отражала ситуационную обстановку в различных звездных системах Конфедеративного Содружества, сигналы следящих устройств попадали сюда с минимальной задержкой, составляющей всего две секунды для самых удаленных уголков Конфедерации.

Отдельная группа обособленных, тонких, кажущихся полупрозрачными стереоэкранов выдвигалась из пола, образуя второй информационный периметр, который задействовался по мере необходимости и служил для вывода информации с сотен аппаратов разведки, незримо присутствующих в колонизированных людьми системах, не присоединившихся к Конфедерации Солнц.

...Бесшумно скользнули в стороны несколько сегментов потолка, и в зал опустилась прозрачная транспортная кабина.

Три человека вышли из нее и молча направились к расположенному в центре зала тактическому комплексу, представляющему собой ряд глубоких комфортабельных кресел, расположенных по периметру модулей аппаратуры, управляющей глобальной информационной системой.

Глава разведуправления генерал Уилфред Стангмаер занял установленное особняком кресло, адмирал Андрей Сергеевич Нефедов и полковник Степан Алексеевич Углич устроились напротив. Степан Алексеевич, как младший по званию, тут же переключил экраны: исчезла панорама восхода, некоторые изображения, транслируемые через станции ГЧ[5] из разных уголков Обитаемой Галактики, поменялись местами, от пола, оттеняя рисунок созвездий, поднялись четыре дополнительных информационных планшета.

– Приступим, господа. – Стангмаер даже не взглянул на поднявшиеся информы, он сидел, глядя перед собой, пальцы рук генерала, сцепленные в замок, выдавали внутреннее напряжение. – Докладывай, Степан Алексеевич.

Полковник Углич коснулся нескольких сенсоров на расположенной перед ним небольшой панели управления, вызывая на информационные

экраны заранее подготовленные видеоизображения.

– За последние сутки действиями КРК[6] обнаружены три потерянные колонии. В ходе сбора предварительной информации подтвердилось, что эти миры подвергались оккупации Земным Альянсом в период Первой Галактической.

– По каким признакам сделан вывод? – прервал подчиненного генерал Стангмаер. Уилфред не выносил простой констатации фактов, его разум требовал полной, исчерпывающей информации.

– Сканирующие комплексы «Аметист» корабля «Стремительный» зафиксировали девяносто два объекта в зоне околопланетных орбит четвертого спутника звезды Х-785-А по универсальному каталогу. Анализ обнаруженных сигнатур дает положительную идентификацию. Часть спутниковой группировки является объектами стационарной планетарной обороны, структура характерна для защитных сооружений Альянса.

– А две другие системы?

– Они расположены в непосредственной близости от Х-785-А. На орбитах населенных миров также зафиксированы спутниковые группировки, но меньшей численности. Кроме того, за период наблюдения средства обнаружения фрегатов «Орион» и «Анубис» отследили точки гиперсферного всплытия. За истекшие сутки между системами перемещались восемь космических кораблей класса «транспорт» и «штурмовой носитель».

– «Нибелунги»?[7]

– Да. Однако я не склонен считать, что они по-прежнему эксплуатируются как боевые единицы. Никаких признаков военных действий в космосе не зафиксировано. Анализ энергетической активности космических кораблей, их курсы, отсутствие истребителей сопровождения позволяют сделать вывод о наличии торговых маршрутов между бывшими колониями Альянса.

Уилфред кивнул.

– Могу добавить, – вставил реплику адмирал Нефедов, – силами патрульного крейсера «Немезида» в данном секторе двое суток назад завершена зачистка системы Х-794-С. На пригодной для жизни планете ликвидирована инфраструктура технических наземных космопортов и связанных с ними ремонтных баз. Планета полностью освобождена от боевых механоформ, сейчас «Немезида» осуществляет разгрузку трофейной техники. Первая партия кибермеханизмов и программных модулей «Одиночка» доставлена на склады РТВ Элио два часа назад.

Генерал Стангмаер выслушал дополнения и кивнул, без энтузиазма глядя на сформированную тактической системой карту расположения звездных систем. Усилия флота Конфедерации дали очередные результаты: одна планета зачищена и готова принять колонистов, три вновь открыты, но с ними придется разбираться, там уже существуют достаточно развитые *цивилизации*, поддерживающие межзвездную торговлю, следовательно, с ними необходимо устанавливать контакт, после чего Совет Безопасности Миров будет проводить дальнейшую политику в их отношении.

Они либо захотят присоединиться к Конфедерации, либо отмежуются, объявив о своей независимости. И в одном, и в другом случае Уилфред видел новый очаг напряженности, возникший на границе освоенного космоса.

К полудню он должен подготовить ежедневный доклад президенту Конфедерации, где нужно не только отразить факты, но и дать предварительные рекомендации относительно вновь открытых миров.

* * *

Полдень.

Личный кабинет президента Конфедерации Солнц Генри Райта...

– Господин президент, я считаю, что передача материалов по вновь открытым мирам в Совет Безопасности преждевременна.

– Почему? – Генри Райт, девятый президент Конфедеративного Содружества, прошелся по мягкому пылепоглощающему ковру, остановился у огромного виртуального окна и переспросил, глядя на величественную панораму Раворграда – столицы десятков обитаемых систем: – В чем причина, Уилфред? Ты сам только что доложил: отслеженные перемещения космических кораблей между системами носят торговый характер. Техника Альянса, как я понял, приспособлена для мирной эксплуатации, к тому же с момента окончания войны прошло три столетия. По известным мне закономерностям, период рецидивов давно пройден, вся потенциально опасная техника уже проявила себя и нейтрализована обитателями планет. В чем причина для беспокойства?

– Конфедерация разбухает с каждым годом, – ответил Стангмаер, хотя понимал, что тема скользкая и фактически запретная. – Мы открываем все новые и новые миры, потерянные в эпоху Великого Исхода либо колонизированные Альянсом в ходе войны. Ситуация во многих недавно присоединившихся к Конфедерации системах не выглядит стабильной. Возрос процент экспорта запрещенных технологий, окраинные миры становятся прибежищем разного рода преступников, скрывающихся от

правосудия. Кроме того, все открытые на протяжении двух последних лет колонии входят в известный нам по архивам «Круг возмездия» – я неоднократно предупреждал вас о его существовании. В конце войны Альянс строил свои резервные планетарные базы на большом удалении от театров боевых действий, стремясь замкнуть колонии в кольцо, откуда, в случае поражения Солнечной системы, предполагалось нанести ответный удар...

– Который не состоялся, Уилфред, – мягко прервал генерала Генри Райт.

– Да, удар не последовал, но мы не имеем представления ни об истинном числе этих резервных баз, ни об их оснащении. Я внимательно изучал материалы, касающиеся последних разработок Альянса. Земное правительство проигрывало развязанную им же войну и ради достижения перелома было готово пойти на любые меры. Подумайте, господин президент, прошло три столетия, а мы до сих пор зачищаем планеты от опаснейших видов боевой техники, реализованной на базе искусственных интеллектов.

– Ближе к теме, Уилфред.

– Каждый вновь открытый мир должен проходить карантин, – твердо заявил Стангмаер. – Период наблюдения с внедрением разведгрупп поможет предотвратить возможные неожиданности, свести к минимуму риск военных рецидивов. Я настаиваю: прежде чем устанавливать дипломатические отношения, идти на контакт с новыми планетными цивилизациями, а тем более вводить звездные системы в состав Содружества, их нужно тщательно изучить...

– Помилуйте, Уилфред, вы предлагаете мне выйти на трибуну Совета Безопасности и заявить, что «Закон о правах Разумных Существ» отныне будет действовать избирательно? Потом мне, наверное, следует добавить, что с этой самой минуты дети станут отвечать за поступки своих родителей, а мы вновь открываем фильтрационные лагеря, как при адмирале Воронцове, но уже в масштабах звездных систем?

Уилфред Стангмаер насупился. Он мог лишь возражать президенту, но не приказывать ему. Позиция Генри Райта общеизвестна, и к голосу здравого смысла тот прислушивался неохотно...

Подтверждая невеселые мысли генерала, президент, так и не дождавшись комментариев, вновь заговорил ровным менторским тоном:

– По-моему, действия Содружества вполне понятны и обоснованны. Мы открываем новые миры, устанавливаем с ними политический контакт и даем право выбора: присоединяться к нам или нет. Для тех систем, что

входят в состав Конфедерации, и без того предусмотрена жестко регламентированная процедура изъятия любой техники времен Галактической войны. Это условие соблюдалось и соблюдается. Я прекрасно понимаю специфику работы вашего ведомства, но, пожалуйста, не путайте внешнюю разведку с внешней политикой.

– Боюсь, что вы не до конца понимаете всю сложность ситуации, господин президент, – не в силах промолчать, произнес Стангмаер. – Ваша популярность растет, новые миры, несомненно, способствуют расцвету межзвездной торговли, нам действительно необходим постоянный приток ресурсов с Окраины, но, осмелюсь еще раз напомнить: в канун поражения Альянс уже стер для себя все моральные ограничения, перешел к принципу абсолютной вседозволенности, когда для достижения конечной цели были хороши любые средства. Мы знаем сотни примеров применения технологий и изделий двойного, а то и тройного предназначения. Внешне они могут выглядеть вполне безобидно, но таят в себе потенциальную угрозу. Точное описание всех разработок военно-промышленного комплекса Земного Альянса не найдено до сих пор, данные по дислокации и специализации секретных баз исчезли еще перед капитуляцией Земли. И, исходя из этого, я повторю: чем дальше мы вторгаемся в сектора неисследованного космоса, тем больше риск, что скоропалительное присоединение очередной планетной цивилизации окажется бомбой замедленного действия.

– Я учту ваши замечания, Уилфред, – ледяным тоном произнес Генри Райт, давая понять, что тема исчерпана. – Проявляя подозрительность, мы оттолкнем от себя многие миры, что приведет в конечном итоге к образованию независимых или, хуже того, – враждебных союзов. Мне просто не позволят довести ситуацию до такого состояния.

– В таком случае мне нечего добавить, господин президент.

Глава 2

Система Эрихайм.
Вторая планета

Хмурые небеса к полудню затянуло тучами. Дождь, моросивший с самого утра, усилился, теперь он падал сплошной стеной, ухудшая видимость.

Капитан Немершев, чей взвод застрял на подступах к укрепрайону, пребывал в скверном расположении духа: разведка сработала отвратительно, на борту крейсера ему обрисовали приемлемый расклад сил, сообщив, что полуразрушенную базу Альянса охраняют только патрули пехотных андроидов да стационарные узлы обороны, часть из которых не подавала признаков энергетической активности.

На деле все обернулось неприятностями.

Ловушка захлопнулась, как только спецподразделение по борьбе с кибермеханизмами вошло в сектор руин, оставшихся на месте разрушенного временем и брошенного обитателями городка.

Тишина оказалась обманчивой, стоило бойцам взвода пересечь незримую черту, как системы сканирования боевых скафандров буквально захлебнулись, выдавая данные по внезапно активировавшимся системам противника.

Капитан мгновенно остановил продвижение, и первый ураганный обстрел его бойцы встретили в укрытиях, никто не пострадал, но двое были блокированы серьезными завалами, а расположенная за руинами города база показала зубы, продемонстрировав, что зачистка не будет такой простой, как предполагали разведданные.

Капитан переместился от одного разбитого оконного проема к другому. Постоянная смена позиций, несмотря на современную экипировку, являлась хорошей привычкой, выработанной опытом многих боевых высадок.

Усилившийся дождь сулил передышку, огневой контакт с противником был прерван, лишь изредка по руинам городка били одиночные ракетные запуски да пара бродячих минометов «DL-37»[8], появлявшаяся то на левом, то на правом фланге, тревожила непредсказуемыми залпами: двухсотмиллиметровые реактивные мины крушили стены зданий, оставляя глубокие воронки.

– Ноль семь, на связь!

– Слушаю.

– Спишь? Опять маркеры «тридцать седьмых» в твоем секторе! Сними их, пока беды не наделали!

– Они держат дистанцию, – спокойно ответил один из двух снайперов группы. – Бьют из-за укрытий. Используют складки местности. Мне их не достать.

– Понял. Следи, жди удобный момент. – Немершев был зол, но контролировал свои эмоции. В принципе он мог обойтись и без лишних напоминаний, ребята во взводе опытные, и покажись бродячие минометы хоть на секунду в зоне эффективного огня снайперской пары, уже дымились бы на каком-нибудь пригорке...

Решение, капитан,—Немершев по привычке мысленно беседовал сам с собой. —*Тянешь время.*

Узелок тугой, враз не разрубишь. В двух километрах – отлитые в стеклобетоне капониры батареи «Фалангеров», тяжелые серв-машины готовы к повторному массированному залпу, их тяжелые ракеты способны достичь зоны низких орбит, поэтому крейсер «Фаргос» вынужденно отошел на почтительное удаление от планеты. По флангам «Фалангеров» страхуют два звена «Хоплитов», тоже не слабый противник, плюс андроиды пехотной поддержки и стационарные батареи самой базы.

Начинать действовать нужно сейчас, пока ливень блокирует лазерные установки легких серв-машин.

На связь внезапно вышел «Фаргос»:

– Как обстановка, капитан?

– Застряли.

– Дождик помогает?

– Да, бойцы меняют позиции, готовимся. А что, ливень – ваша работа?

– Стараемся, Вадим. Пока – чем можем. На метеоракеты «Фалангеры» не отреагировали, уже хорошо. Если оттянешь взвод на безопасную дистанцию, – накроем базу с дальних орбит.

– Нет, не пойдет, – отклонил предложение Немершев. – У меня после ракетного обстрела двое бойцов под завалами. Пока их вытащу, потеряю время и инициативу.

– Твое решение?

– Буду атаковать. Двумя группами по флангам. Сколько продержится завеса дождя?

– Час гарантированно.

– Штурмовики готовы?

– Уже в шахтах.

– Хорошо. Как только блокирую «Фалангеров», дам знать. Фиксируйте сигнатуры[9], те огневые точки, что обозначили мне как статичные, на самом деле активно работают. Там три генератора плазмы плюс ракетные батареи. Их надо подавить.

– Сделаем. Постарайся их расшевелить, пусть обозначат себя, будем бить точечными запусками, без рассеивания по площадям, твоих ребят не заденем.

– Все равно осторожнее. О каждом запуске предупреждайте. Радиус поражения немаленький.

– Отошел бы ты.

– Сказал – не могу. Мы сейчас в зоне рассеивания тяжелых ракет крейсера. Где гарантия, что «Хоплиты» андроиды и не поднимутся в атаку, пока я откапываю бойцов? Если такое случится, нас сомнут, и орбитальная поддержка только навредит. Нет. Я их «помечу», чтобы штурмовики отработали без помех.

– Добро. Полагаюсь на твой опыт, Вадим.

* * *

Зачистка карантинных миров – дело трудное, но необходимое.

Никто не хотел повторения эпизодов Первой Галактической, поэтому анклавы самодостаточных машин, оставшихся в наследство от того страшного противостояния, нужно уничтожать, но тут не подходят удары с орбиты: во-первых, сигнатуры часто бывают ложными, и результат бомбометания, как правило, неудовлетворителен, а применять ядерные боезаряды – значит погубить все живое, превратить целые регионы пригодных для колонизации планет в мертвую и опасную пустыню. К тому же всегда существовал шанс, что в недрах обнаруженных укрепрайонов сохранилась стратегически важная информация, которой так остро не хватало штабу Флота для точного планирования операций и понимания системы расположения резервных баз Альянса.

Нет, сыты мы по горло и орбитальными бомбардировками, и радиоактивными пустошами,– подумалось Немершеву. Он взглянул на посеченную осколками, умытую дождем зелень проросшего в руинах кустарника. Последнее дело: губить природу кислородных планет ради уничтожения десятка серв-машин. Не в первый раз. Справимся.

* * *

Дождь поливал как из ведра, косые струи, сминаемые ветром в тяжелую, мятущуюся завесу, предохраняли перегруппировавшихся бойцов

от лазерных разрядов и некоторых систем обнаружения, давая минимальное преимущество в скрытности.

Справа вновь зачастили отсветы от неприцельного «тревожащего» огня «DL-37», среди построек давно покинутого людьми города взметнулись несколько разрывов, и вновь все стихло, только шелестел дождь да слышалось собственное дыхание.

– Первая пара, за мной, группа прикрытия: занять позиции для ракетных запусков, снайперам, сопровождать продвижение.

Пять фигур в бронескафандрах растворились среди дождя.

С капитаном Немершевым остались двое: Кирилл Вронин и Лео Рапшар.

– Эмиттеры?

– Готовы, командир.

– Вперед. Ставим четыре генератора в заданных точках.

Группа скрылась за пеленой дождя.

* * *

Два снайпера взвода расположились в руинах. С одной стороны, их позиции казались ненадежными, наивысшие точки полуразрушенных зданий, куда они вскарабкались еще час назад, грозили рухнуть от любого близкого попадания, но оно могло оказаться только шальным, как, например, неприцельный залп бродячих минометных установок. Самих снайперов скрывали маскирующие поля, а произведенные ими выстрелы многократно дублировались заблаговременно размещенными в других точках устройствами имитации.

Благодаря современным системам сканирующих комплексов оба снайпера могли без труда отслеживать перемещение командира взвода и двух сопровождавших его бойцов.

* * *

Первый эмиттер установили без проблем, всего в полукилометре от позиции «Фалангеров», дальше пошло сложнее, действовать пришлось на открытом участке местности, расчищенном машинами для обеспечения эффективных секторов обстрела на подступах к базе.

– Седьмой – первому. Вижу трех пехотных дройдов. Выдвигаются к вам. Следом начал движение «Хоплит».

Со стороны руин раздался приглушенный хлопок, затем еще один, синхронно с ними сработали имитаторы выстрела, словно в данный момент среди зданий города действовали не два снайпера, а как минимум два

десятка десантников.

Капсулы с наномашинами, выпущенные из подствольных гранатометов, бесшумно раскрылись над позициями серв-машин, микрочастицы высокотехнологичной пыли мгновенно образовали локальную сеть, данные от которой принимали все бойцы взвода.

Сигнатуры сервомеханизмов тут же стали четкими, исчезла всякая двусмысленность. Не прошло и двух секунд после раскрытия капсул, как появившиеся в опасной близости от группы капитана Немершева пехотные дройды с глухим стуком рухнули на землю, – снайперские «ИМ-177» били беззвучно, но попадания разрывных зарядов с начинкой из магнитного порошка поражали кибермеханизмы с первого раза.

В ответ с позиции «Фалангеров» по ложным целям ушел рой тактических ракет. Два здания в центре города покрылись отсветами разрывов, в то время как группа капитана Немершева уже устанавливала третий эмиттер.

Все... Остался один.

Вадим развернулся, страхуя бойцов; сквозь завесу дождя медленно продавливалась сигнатура легкой серв-машины. «Хоплит» был вооружен лазерами вместо стандартного набора кинетических орудий, и проливной дождь не позволял ему огрызнуться в ответ на выстрелы снайперов. В данный момент сервомеханизм, оснащенный модулем искусственного интеллекта, вел активное сканирование, пытаясь обозначить цели для стационарных огневых точек бункерной зоны.

– Готово, командир... – голос Вронина показался Немершеву прерывистым от участившегося дыхания.

– Отходим. В укрытие. – Капитан вслед за двумя бойцами метнулся к ложбине между двумя выпирающими из-под земли стеклобетонными укреплениями. Они находились всего в ста метрах от передовой линии стационарной обороны.

Обнажившиеся из-под земли сооружения являлись монолитными фундаментами, видимо, строительство базы не было завершено к моменту капитуляции Земного Альянса. Судя по площади фундаментных блоков, здесь предполагалось разместить батареи тяжелых комплексов противокосмической обороны.

Укрывшись за мощными отливками из стеклобетона, Вадим вышел на связь.

– Орбита, здесь первый.

– Слышу тебя, капитан.

– Я установил эмиттеры. Минутная готовность. Начинаю разведку

боем.

– Понял тебя. На подлете три ракеты класса «космос—земля». Идут в режиме дрейфа[10]. Позиция надежная?

– Выдержит.

– Тогда с богом. Активация автоматическая, по пеленгу сигнатур. После удара по огневым точкам жди штурмовики.

– Хорошо, мы начинаем.

* * *

Благодаря облаку нанопыли, рассеянному порывами ветра над площадью передовых укреплений, все оставшиеся в черте города бойцы получали точные координаты целей. Сейчас каждый из них, установив и запрограммировав одноразовую ракетную установку, менял позицию, чтобы произвести залп из ОРК[11].

...Пять тактических ракет, оснащенных системами фантом-генераторов, синхронно ударили в сторону укрепрайона. Маскирующие устройства имитировали запуск иного класса: на сканерах следящих систем древней базы тут же появились данные о пяти кассетных боеголовках, стартовавших с пилонов боевых машин космодесанта.

Создание иллюзии было необходимо для разведки системы тяжелых вооружений, которая до сих пор не проявляла активности. Одновременно с залпом лейтенант Вронин включил цепочку эмиттеров.

Вовремя.

Три разряда плазмогенераторов ударили в сторону руин населенного пункта, но похожие на шаровые молнии плазмоиды практически сразу после запуска начали отклоняться от заданной траектории: эмиттеры электромагнитного поля гасили энергию ионизированного газа, деформируя и разрушая структуру плазменного сгустка. Со стороны зрелище могло потрясти самого искушенного наблюдателя: три ярко-фиолетовых сгустка задрожали, теряя очертания, замедляясь, пока на третьей секунде их полета не произошло разрушение устойчивой структуры. Плазмоиды взорвались на высоте пятидесяти метров от земли, так и не преодолев внезапно возникшую преграду. Окрестности озарил мертвенный свет тройной вспышки, вдоль земли метнулись сполохи, похожие на северное сияние, вслед которому рванули не выдержавшие напряжения эмиттеры, порождая губительный для кибернетических систем электромагнитный импульс.

В следующий миг, пока шла перезагрузка резервных систем боевых

скафандров бойцов группы Немершева, пять ракет достигли своих целей, выбивая многометровые султаны раскисшей под дождем почвы, а над зоной внезапного, яростного огневого контакта, в пределах стратосферы второй планеты Эрихайма, уже разделялись головные части трех, получивших явное указание на цель ракет, загодя запущенных с борта крейсера «Фаргос».

...Немершев едва пришел в себя после катастрофического разрушения плазменных сгустков, как сквозь хмарь дождя прорвались отсветы от десятков ощутимо поколебавших землю разрывов, – разделившиеся боеголовки накрыли площадь в пять квадратных километров, уничтожив плазмогенераторы, обрушившись на позиции обездвиженных электромагнитным импульсом «Фалангеров» и сровняв с землей две батареи ПРО, попытавшиеся противодействовать уничтожению целей.

– Вадим, штурмовики на подлете.

– Понял. – Немершев привстал. – Снайперам, маркировать «Хоплитов».

Короткий рывок до капониров, где ворочались, пытаясь справиться с последствиями сбоя систем, пять серв-машин класса «Фалангер», занял меньше минуты. Оказавшись на вершине стеклобетонного бруствера, Вадим и сопровождавшие его бойцы выстрелили специальными сигнальными устройствами в корпуса многотонных исполинов и тут же метнулись прочь.

Разрывая дождливые небеса, над землей катился высокочастотный вой пикирующих в конусе атаки штурмовиков.

Еще секунда, и сокрушительные ракетные залпы подняли тонны земли, перемешанной с обломками сервомеханизмов.

– Никому не высовываться!

Два звена штурмовиков пронеслись над дымящимися руинами внешних укреплений бункерной зоны и исчезли из вида, разворачиваясь для повторной атаки.

– Внимание, орбита, говорит Первый. Отработали на «отлично». Можно выдвигаться к планете. «Фалангеры» уничтожены, батареи ПРО разрушены. Мы начинаем проникновение после второго захода штурмовиков.

* * *

Вход в подземную часть бункерной зоны пришлось подрывать: массивные створы модульных ворот не реагировали на прямое подключение питания к системам их привода.

Когда отгремел взрыв, капитан Немершев вышел на связь с подразделением:

– Снайперам оставаться на месте. Остальным приступить к разборке завалов. Старшим – Горюнов. Мы идем внутрь, контрольное время возвращения – час. Связь может оборваться.

Обычное дело. Привычная, успевшая стать *будничной*работа.

Сразу за взорванным шлюзом открывалось сумеречное пространство разветвленной системы тоннелей. Одни уходили вглубь, под уклоном, другие образовывали структуру первого уровня базы.

На проекционных забралах гермошлемов система анализа чертила условную схему коммуникаций, постоянно пополняя ее новыми деталями и отметками.

Перевернутый, сорванный с креплений мощным взрывом бронепластиковый бастион. Разбитая турель стационарного лазера. Хруст сорванной со стен пластиковой облицовки, обнаженный каркас, сквозь ребра которого проложены кабели питания.

Тишина. Глубокая, вязкая, обманчивая, готовая в любую секунду огрызнуться залпом уцелевших подсистем охраны уровня.

Они двигались медленно, поддерживая постоянные каналы взаимного обмена данными.

– Четвертый сектор, энергетическая активность! – Голос лейтенанта Вронина продублировал показания сканеров.

Пять сигнатур. Приближаются. Тоннель достаточно широк для продвижения серв-машин.

– Рассредоточиться. – Немершев мгновенно нашел укрытие за выступом перевернутого бронепластикового бастиона.

– Командир, головная сигнатура принадлежит «Хоплиту».

– Вижу. Отсекайте дройдов поддержки.

Вадим поднял правую руку с закрепленной на ней ракетной установкой штатного ОРК. На внутренней поверхности проекционного забрала тут же открылось виртуальное оперативное окно системы точного наведения. За три столетия, минувших после войны, техническое оснащение десантных подразделений значительно усовершенствовалось, теперь встреча бойца с легкой сорокапятитонной серв-машиной уже не грозила человеку фатальными последствиями. Тяжелые боевые скафандры с трехслойным бронированием и антилазерным покрытием, совмещенным с фототропным маскирующим составом, выдерживали прямое попадание пятидесятимиллиметровых снарядов штатных орудий «Хоплита». Конечно, подставляться под прицельный огонь даже в такой экипировке Немершев

не собирался. Он точно знал, где расположены наиболее уязвимые места серв-машины, кроме того, специально разработанные боевые части тактических ракет, невзирая на скромный калибр, обладали огромной разрушительной силой. Независимые системы распознавания и преследования цели позволяли вести огонь с больших дистанций или в условиях сложной геометрии препятствий, когда цель находилась вне пределов прямой видимости.

– Кирилл, подстрахуй.

Лейтенант Вронин тут же отреагировал, выстрелив в глубины наклонного тоннеля капсулой с наномашинами.

Как только в глубине коммуникаций включилась локальная сеть, образованная нанопылью, Вадим выпустил первую ракету. Теперь он отлично видел находящегося в полукилометре за изломом магистрального прохода «Хоплита» и мог действовать спокойно, зная, что Вронин страхует запуск на случай промаха.

В отличие от боевой части ракеты, серв-машина не могла поражать цели, находясь вне зоны прямого контакта. Ни снаряд, ни лазерный луч не способны огибать препятствия.

Три выпущенные с секундным интервалом тактические ракеты, завывая, ушли в широкий зев тоннеля. Их траектории напоминали пересекающиеся синусоиды, а дополнительные двигатели ориентации позволяли плавно огибать препятствия, следуя поворотам тоннеля.

Оружейные пилоны серв-машины огрызнулись разрядами когерентного излучения, но постоянно маневрирующие боеголовки уклонились от зенитного огня, ударив в три заранее рассчитанные точки: первая изуродовала и сорвала бронированный кожух поворотной платформы «Хоплита», вторая поразила его главный сервомоторный узел, третья ударила в рубку, прожигая броню с расчетом на уничтожение кристалломодуля «Одиночка».

Немершев констатировал попадания и, оставаясь за укрытием, приказал:

– Лео, разберись с дройдами.

Лейтенант Рапшар выпустил две ракеты со шрапнельной начинкой, и спустя пару секунд в глубине тоннеля полыхнули еще два взрыва.

– Вперед!

Первым в наклонный проход выдвинулся Рапшар. Данные от сканеров его экипировки дополняли картину, транслируемую значительно поредевшим облаком нанопыли: поврежденный «Хоплит» застыл за поворотом тоннеля без признаков функциональности, вокруг были

разбросаны изрешеченные фрагменты андроидных механизмов.

Порядок, командир.

Вадим уже перезарядил ОРК и привстал, готовясь последовать за лейтенантом, когда внезапно резервный аларм-процессор систем сканирования выдал злобный предупреждающий сигнал.

– Лео, назад!

Приказ Немершева хоть и опоздал на доли секунды, но все же спас Рапшару жизнь, – лейтенант машинально подчинился внезапному окрику, отпрянув назад, и лазерный залп, произведенный «Хоплитом», ударил не в грудь и голову, а лишь задел плечо и правую руку, изуродовав разряженные пусковые тубусы ракетной установки.

– Фрайг, зацепило...

Немершев видел, по данным телеметрии, что один луч все же нашел уязвимое место в локтевом соединении сегментов брони.

– Лео, не двигайся! Замри!

Лазеры «Хоплита», смонтированные вместо традиционных подвесных орудий, вновь разрядились, используя угол поворота независимых сервомоторов оружейной подвески. Теперь серв-машина пыталась выжечь десять сантиметров стеклобетона, образующих выступ с амбразурой, на повороте тоннеля, за который успел отпрянуть Рапшар.

Вадим мгновенно сообразил, что сервомеханизм имеет нестандартную конфигурацию оборудования. Ракета, выпущенная по традиционной точке внутреннего крепления ядра кибернетической системы, лишь впустую пожгла броню, модуль «Одиночка» не пострадал, он находился в другом месте и продолжал руководить действиями серв-машины.

– Кирилл, выведи Лео с линии огня!

«Хоплит» с разрушенным сервомотором не мог двигаться, превратившись в стационарную огневую точку, но, учитывая ограниченное пространство тоннеля, он представлял серьезную опасность. Независимые приводы оружейных пилонов обладали достаточным углом поворота подвески, чтобы блокировать огнем дальнейшее продвижение группы.

Атаковать в лоб бессмысленно. Вадим догнал Вронина и помог ему оттащить Рапшара за поворот тоннеля.

– Как ты?

– Жить буду... Локтевой активатор заклинило.

– Самого зацепило?

– Слегка.

– Кирилл, вызови модуль эвакуации.

– А ты?

– Я попробую пройти по другому тоннелю. Поворотная платформа «Хоплита» разбита. Зайду ему в тыл.

Вронин не ответил, лишь кивнул, хотя это движение осталось почти незамеченным из-за жестких сочленений гермошлема с плечевыми пластинами брони.

* * *

Все оказалось намного сложнее, чем предполагало командование при планировании операции.

На минус четвертый уровень подземных коммуникаций взвод капитана Немершева пробился лишь спустя тридцать два часа изнурительной зачистки подземелий.

Ниже располагался только реактор, погасить который являлось основной задачей прорыва через бункерную зону. Оставшись без стационарного энергопитания, охранные системы проработают еще некоторое время на автономных накопителях, но общая участь комплекса укреплений будет предрешена.

Отправив группу к реактору, Вадим, безмерно уставший, вместе с Ворониным принялся за осмотр помещений четвертого уровня.

Вопреки его опасениям тут располагались не ангары боевой техники, а склады.

Огромные помещения, вырезанные в монолите материковой породы, были пусты. Лишь в двух складах им попалось нечто любопытное. В одном они обнаружили штабели консервационных контейнеров, в которых оказались тщательно упакованные для длительного хранения андроиды серии «Хьюго-БД12».

Учитывая то, что база на Эрихайме не была достроена и датировалась последним годом Галактической войны, наличие тут бытовых сервомеханизмов, которыми комплектовались колониальные транспорты эпохи Первого Рывка, показалось более чем странным.

На Элио разберутся,– подумал Вадим, передав по сети, образованной все теми же наномашинами, сведения о неожиданной находке.

В следующем помещении их ожидал еще один сюрприз. В огромном помещении на специальных постаментах были установлены четыре массивных контейнера. Сканирование содержимого внезапно натолкнулось на мощную экранировку, под внешним слоем пластика находилось еще как минимум два корпуса защитных оболочек, одна из которых препятствовала работе сканирующих устройств.

Что заключено внутри трехметровых обтекаемых капсул, к которым тянулись кабели стационарного энергопитания, оставалось только гадать.

Вскрывать контейнеры, чтобы выяснить их содержимое, Немершев не стал. Для этого есть специалисты на базе РТВ Элио, а он свое дело сделал.

Усталость, которую уже не могли подавить инъекции стимулирующих препаратов, порождала знакомое чувство безразличия.

– Земля, Первый на связи, – вызвал он временный лагерь, организованный для приема грузов. – У нас четыре непонятных контейнера. Сканеры не могут определить их содержимое. Нужен эвакуатор с запасом энергии.

Все, – подумалось Вадиму. – *С Эрихаймом, похоже, закончили.*

Хотелось одного: освободить тело от бронированной скорлупы боевого скафандра, принять душ и по-человечески выспаться.

Он даже не подозревал, что в одном из загадочных контейнеров скрывается нечто, способное в корне изменить его жизнь.

* * *

Система Элио. Тремя сутками позже...

Над столицей Элио – Раворградом парила теплая летняя ночь.

Супермегаполис, похожий на исполинскую подкову, нисходил к маслянистым водам залива Эйкон[12] уступами жилых массивов. В трехстах километрах в стороне от главного города Конфедерации Солнц располагались стартопосадочные поля и здания двух космопортов. Пространство между ними и Раворградом выглядело с высоты как хорошо спланированный, тщательно ухоженный газон, площадью в тысячи гектаров, где на фоне зелени четко выделялись ленты скоростных магистралей, соединяющих столицу и космические врата планеты Элио.

Здесь ни днем, ни ночью не останавливалось движение, да и сам Раворград круглосуточно бурлил: жизнь не утихала ни на минуту, и только величественные Раворы[13], пламенеющие на мелководье залива, гордо и величаво возносились к небесам, как символ некоей незыблемости, синтеза биосфер, сохранившийся с той далекой поры, когда первые люди ступили на эту землю с борта колониального транспорта «Кривич»[14].

Совсем иная картина наблюдалась сразу за стеклобетонными равнинами посадочных полей: там располагалась военная база, огороженная высоким бетонным забором. Она могла сравниться по своей площади с двумя космическими портами, но имела совершенно иную структуру, – все здания здесь были либо одноэтажными постройками с

толстыми стенами, либо вовсе находились под землей, в так называемой «бункерной зоне». Дело в том, что база РТВ[15] располагалась точно в зоне подлета и снижения космических кораблей, которые регулярно проносились над приземистыми постройками, сотрясая толстые стены отзвуками работы планетарных двигателей.

Такое расположение диктовалось наличием на базе РТВ двух собственных стартопосадочных мест, предназначенных для приема опасных грузов.

Очередной корабль прибыл глубоко за полночь.

Он двигался как призрак, без надсадного рева планетарных двигателей, снижаясь в конусе посадочного луча.

Грузовой армейский транспорт снижался по пологой траектории; над территорией посадочного поля он притормозил и, погасив горизонтальную скорость, начал так же беззвучно опускаться, скользя между исполинскими, изогнутыми в виде подков, электромагнитами удержания.

Система окончательной посадки преследовала двоякую цель: во-первых, бездействующие двигатели космического корабля не производили шума, способного потревожить расположенный не так далеко город, во-вторых, незримые электромагнитные поля, проникая сквозь обшивку, дезактивировали любые устройства, находящиеся в грузовых отсеках войскового транспорта.

Мера предосторожности не излишняя, учитывая то, что на базу РТВ доставлялись (для последующей утилизации) кибернетические системы, собранные спецподразделениями при зачистке карантинных планет.

Люди на борту совершающего посадку корабля терпеливо ждали окончания автоматизированной процедуры.

Наконец легкий толчок и приглушенный лязг, сопровождаемый особенно четко слышимым в тишине гудением включившихся силовых амортизаторов, возвестил об успешной посадке.

Капитан Немершев, сопровождавший груз, подмигнул молодому пилоту:

– Привыкнешь со временем, – произнес он. – В первый раз всегда жутковато.

Лейтенант Хайтон старался держаться бодро, но все равно на его побледневших щеках проступили пунцовые пятна. Снижаться из зоны околопланетных орбит без включения двигателей, полагаясь только на наземную аппаратуру, ему пришлось впервые.

Штатное расписание требовало присутствия на борту трех человек –

пилота, навигатора и сопровождающего груз старшего офицера. Бывали случаи, когда наземная автоматика давала сбой, и тогда только действия экипажа могли предотвратить катастрофические последствия.

Свет в рубке стал ярче. Заработали бортовые системы, включились экраны обзора.

– Борт-17, доложите обстановку, – пришел приказ по внешней связи.

Ганс Хайтон посмотрел на отчет внутренних систем.

– Борт-17 на связи. Докладывает первый пилот, лейтенант Хайтон. Системы реактивировались, грузовые отсеки запечатаны. Готовы к дальнейшим докировочным процедурам и передаче груза.

– Пять минут, лейтенант. Сейчас охладим обшивку.

Ганс взглянул на экраны. Ограждение базы РТВ не могло заслонить величественный вид на огромный мегаполис, царящий над равниной. Уступчатые пирамидальные постройки, устремленные к небесам, сливались с мраком ночи, но щедрая иллюминация все же подсвечивала их, а расстояние скрадывало детали, превращая столицу Конфедерации Солнц в призрак мегаполиса, парящий в воздухе. По крайней мере так казалось со стороны.

– Почему база расположена так близко от города? – Ганс покосился на капитана Немершева.

– Наследие войны, – скупо ответил Вадим, но, заметив недоумение на лице Хайтона, пояснил: – Во время Первой Галактической Раворград был значительно меньше, а на территории базы РТВ располагался парк боевой техники. Дальше, как сам видишь, начинается горный массив. Соседство города, космопорта и военной базы в ту пору являлось необходимостью, а после окончания войны перепланировывать существующую структуру не стали, лишь защитили выросший мегаполис суспензорными установками. Очень красочное, скажу тебе, зрелище. Я не раз наблюдал за посадкой крупных кораблей, которые не удержать буксировочным лучом.

Ганс попытался представить себе картину, о которой говорил капитан, но не смог зримо вообразить, как суспензорное поле, работу которого он видел лишь в локальном варианте, когда перекрывались небольшие площади пробоин в обшивке корабля, может встать стеной, поднимаясь на несколько километров, чтобы уберечь мегаполис от воздушной волны и нестерпимого грохота, возникающих при работе планетарных двигателей. Наверное, зрелище действительно впечатляющее.

Вообще Элио, в представлении молодого офицера, казалась загадочным, великолепным и манящим миром, – все же столица Конфедерации, одна из первых колоний Великого Исхода...

– У нас будут целые сутки, чтобы побывать в Раворграде, – неожиданно заявил молчавший до этого навигатор.

– Серьезно?

– Вполне. Пока Вадим Петрович сдает груз, я, так и быть, проведу для тебя экскурсию.

– А кто нам разрешит покидать территорию базы?

– Капитан и разрешит. – Криган хитро подмигнул Немершеву. – Как, капитан?

– Да без проблем, – усмехнулся тот. – Условия ты знаешь. Крепких напитков не употреблять, вести себя достойно и вернуться к шестнадцати ноль-ноль завтрашнего дня.

Эл Криган обернулся к Хайтону, подняв большой палец, как бы говоря: капитан – наш парень. Другой бы заставил мариноваться в отсеках, ожидая окончания разгрузки и разрешения на старт, но Немершев был боевым офицером, служба на «Фаргосе» отнюдь не являлась синекурой, и он понимал: когда еще судьба вновь приведет их на Элио? Он бы сам охотно присоединился к младшим офицерам, но тут уж ничего не поделаешь, груз сдавать ему.

Пока они разговаривали, обшивка транспортного корабля достаточно остыла, и посадочная плита внезапно дрогнула, медленно, с ощутимой вибрацией проседая вниз, в глубины бункерной зоны, где располагались основные коммуникации базы РТВ планеты Элио.

На работающих экранах обзора промелькнули габаритные огни исполинского лифтового ствола, затем появились своды зала, по которым были проложены тысячи разнообразных кабелей, но через несколько секунд потолок помещения, куда опускался корабль, исчез в дымке, посадочная плита еще раз ощутимо вздрогнула и прекратила движение.

– Минус пятьдесят метров. Не слабо, – прокомментировал Криган показания приборов.

Хайтон с любопытством осмотрелся.

В стенах огромного ангара через равные промежутки располагались массивные, плотно сомкнутые в данный момент модульные ворота. Судя по их габаритам, через расположенные за ними тоннели вполне могли продвигаться не только погрузочные механизмы, но и серв-машины.

– Все, приехали. – Вадим Немершев отстегнул страховочные ремни и встал. – Пилотажные системы отключить, и можете быть свободны. О пропусках я договорюсь.

– Помощь точно не нужна, командир? – на всякий случай переспросил Криган.

– Разберусь. Отдыхайте. Покажи Гансу Раворград, только помни – опоздаете к старту, получите взыскание. И остальные экипажи подведете.

– Не подведем. – Навигатор встал и, обернувшись к Хайтону, произнес: – Пошли переодеваться.

* * *

Отправив подчиненных и договорившись с дежурным офицером базы о пропусках, Вадим прошел в грузовые отсеки.

Транспортный корабль уже подключили к стационарному питанию, и в отсеках горел яркий свет.

Открыв первый парковочный бокс специальным, имевшимся только у него электронным ключом, капитан Немершев оказался перед исполинской фигурой серв-машины. Застывший в захватах крепежных ферм «Хоплит» выглядел устрашающе: чуть согнутые ступоходы придавали его облику дополнительный штрих, словно боевая машина приготовилась к прыжку. На фоне массивных активаторов шагающего привода, закрытых покореженными в бою бронированными кожухами, ажурные крепежные фермы выглядели хрупкими и несерьезными. Удержать серв-машину во время полета они могли, а вот *остановить*«Хоплит», вздумай тот освободиться из плена, – вряд ли.

Впрочем, капитан уже давно не испытывал трепета перед реликтами отгремевшей войны. Десять лет службы в подразделении по борьбе с сервомеханизмами, постоянные операции по зачистке карантинных миров давно стерли ощущение новизны, ежедневный смертельный риск превратился в работу, которая постепенно трансформировалась в понятие «смысл жизни».

Если учитывать, что в боевых подразделениях Флота год службы засчитывался за два, Немершеву оставалось служить не так уж и много, и он все чаще задумывался над тем, что станет делать, когда придется оставить флот?

Ответа он пока не находил.

В коротком коридоре транспортного корабля появились два знакомых техника с базы РТВ.

– Вадим, привет! Давненько тебя не видели. Как сам?

– Нормально. – Капитан широко улыбнулся, пожимая протянутые руки.

Лейтенант Шелтон посмотрел на зловещую фигуру «Хоплита».

– Очередная головоломка? – интуитивно предположил он.

– Да. Неизвестная модификация. В полевых условиях отследить

расположение модуля «Одиночка» не удалось. Придется вам повозиться.

– Брали активным? – уточнил второй техник базы Дэвид Ленгли.

– Еще как брали... – Немершев слегка помрачнел. – Двух бойцов отправил в госпиталь.

– Откуда машина?

– С Эрихайма. Бывший форпост Альянса, – ответил капитан.

– И что, сейчас он активен?

– Уже нет. Зачистили по полной, но и повозились изрядно.

Шелтон тем временем осмотрел «Хоплит». Комплектация серв-машины действительно отличалась от стандарта, даже беглый внешний осмотр выявил ряд усовершенствований. Например, полное отсутствие кинетического вооружения. Вместо импульсных орудий «Хоплит» был оснащен сборками лазеров, мегаватт по пятьдесят каждая. Барабаны с вращающимися излучающими трубками позволяли серв-машине вести плотный эффективный огонь на средних дистанциях, не заботясь о боекомплекте. Единственным недостатком такой компоновки справедливо считался сильный перегрев от форсированной работы реактора. С избытком тепла обычные теплообменники справиться не могли, но никаких дополнительных элементов охлаждения Шелтон не видел.

– Интересная машина. Говоришь, что модуль «Одиночки» найти так и не смогли?

– Да. Конфигурация киберсистемы нестандартная. Большинство положенных соединений отсутствует. Кабели энергопитания идут только к механическим устройствам. Все элементы бортовой сети имеют автономные накопители и устройства беспроводного обмена данными. Отыскать ядро системы мы, конечно, могли бы, но разбирать машину «по винтику» в полевых условиях – занятие неблагодарное.

– Правильно решили. Мы с ним разберемся, можешь не сомневаться. Не такие еще попадались.

– Ладно, давайте к делу. Кроме «Хоплита» у меня еще три десятка обезвреженных «Одиночек», плюс полсотни дройдов модификации «Хьюго».

– БД-12? – искренне удивился Ленгли. – На планете существовала колония?

– Нет, колонии там не обнаружено. Искали со всем тщанием, но без результатов. Да и у дройдов странная модификация, не бытовая колониальная модель и не пехотная поддержка. Такое ощущение, что там, на базе, заменили личный состав на кибермеханизмы, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Чем глубже под землю, тем больше интересного, да?.. – иронично-философски заметил Шелтон. – Начнем выгрузку с «Хоплита». Его реактор обезврежен?

– Нет, только погашен.

– Скверно, капитан. Как бы наш ископаемый монстр не начал проявлять нежелательную инициативу. Программное обеспечение на месте, лазеры на пилонах – это уже бардак, если не преступная халатность.

– Ладно, полегче! – оборвал его Вадим. – Видишь, во что превращен его сервомоторный узел?

– Проехали. – Шелтон примирительно поднял руки. – Разберемся. – Он включил коммуникатор. – Десятая бригада в ангар. Четвертый сектор, тревога. Мне нужны электромагнитные станнеры для крупного объекта и эвакуатор.

– Вот это другой разговор. По существу, – усмехнулся Вадим.

– А что, капитан, правду говорят о прибытии «Фаргоса»?

– Да, – кивнул Немершев. – Ты разве не слышал о недавнем нападении на конвой войсковых транспортов?

– Слышал. Каперы вроде бы отхватили несколько внешних контейнеров и смылись.

– Вот именно. Конвои решили пока не проводить, до полного выяснения всех обстоятельств нападения. Потому пришлось остатки техники вывозить в грузовых отсеках «Фаргоса».

– Понятно... Ага, а вот и наша группа поддержки. Сейчас мы твоего «Хоплита» спеленаем, как положено...

* * *

Вечер 13 июля 2943 года...

Планета Элио.

Окраина Раворграда, районы малоэтажных застроек...

Пригороды Раворграда изобиловали зеленью. Огромный мегаполис возвышался над двухэтажными коттеджами, утопающими под кронами деревьев лесопарковой зоны, как брызжущий разноцветьем феерических огней драгоценный камень, тщательно ограненный и изысканно освещенный, с тем чтобы выгодно продемонстрировать свое великолепие.

Жизнь в мегаполисе бурлила, била через край, выплескиваясь в небеса сотнями лазерных реклам, пригород же, напротив, глох в тишине, здесь селились люди, ценящие уединение и покой. Нужно сказать, что на Элио за тишину приходилось платить, поэтому обитатели аккуратных домиков с живыми изгородями и обязательными табличками «Private» у

входа на территорию частных владений в основном представляли политическую и бизнес-элиту главной планеты Конфедерации.

Только здесь можно было встретить раритетные или, напротив, наиболее современные модели андроидов. Одних отличала некоторая угловатость форм, наличие малоподвижной пеноплоти, – антикварные «Хьюго БД-12» относились к эпохе Великого Исхода, именно такими машинами комплектовались все без исключения колониальные транспорты. Позже, после окончания войны, их запретили из-за наличия трех степеней программной свободы[16] и интегрированных модулей искусственного интеллекта, но затем, после ввода технических ограничений на эксплуатацию, андроиды, помогавшие выжить первым поколениям колонистов, были «амнистированы».

Современные модели человекоподобных машин практически не отличались от людей. Пеноплоть на их лицах обладала способностью к мимике, искусственные кожные покровы имели характерную для человека температуру, но на внешних признаках сходство заканчивалось, по своей внутренней структуре дройды, выполнявшие обязанности прислуги, являлись чистыми сервомеханизмами, исполнительными, функциональными, никогда и ни при каких обстоятельствах не выходящими за рамки заложенных в них программ.

* * *

...Джимми Райбен, доверенное лицо сенатора планеты Кьюиг, ложился рано. Обычно свет в окнах его дома гас ровно в одиннадцать вечера, лишь в холле за тонированными дверями из стеклопластика оставалось дежурное освещение.

Этим вечером привычный распорядок дня был нарушен. День выдался тяжелым, насыщенным деловыми встречами, и Джимми решил лечь пораньше, изменив своей привычке просматривать перед сном последний вечерний выпуск галактических новостей.

Улегшись в постель, он мысленным приказом затемнил окно, закрыл глаза, предвкушая долгожданный отдых, но сознание еще не успело погрузиться в пучину грез, как вдруг, нарушая зыбкое состояние дремы, в рассудок ворвался недвусмысленный тревожный сигнал: сработала система охраны.

Проклятье... – Райбен, не открывая глаз, мысленно вышел на связь с кибернетической системой, контролирующей все функции автоматики, начиная от бытового обслуживания до охраны частного владения. В распоряжении «Кимпс-73» находились два десятка стационарных

комплексов различного предназначения и пять андроидов, выполняющих работы по дому, ухаживающих за территорией, иногда (во время приема гостей) прислуживающих за столом.

В чем дело?– раздраженно подумал Джимми. Его мысль была мгновенно считана специальным устройством импланта, распознана, преобразована в понятный для кибернетической системы код и передана через устройство беспроводного обмена данными в качестве запроса.

Ответ пришел незамедлительно.

Вместо долгожданного сновидения мистер Райбен увидел изображение с расположенного на фасаде дома видеодатчика.

По улице поселка, виляя из стороны в сторону, стремительно продвигался шикарный флайкар с открытым верхом. В салоне сидели две молодые особы лет двадцати пяти. Автопилот флайкара явно не функционировал, и подруги забавлялись, с хохотом и визгом отбирая друг у друга манипулятор ручного управления.

Райбен открыл глаза.

Если сейчас раздастся треск ломаемой живой изгороди, он не поленится и сделает все, чтобы две молодые особы провели остаток ночи в полицейском управлении.

Бессмысленно злясь на кибернетическую систему, неспособную предпринять без его ведома никакие радикальные действия, он накинул халат и спустился в холл.

На улице уже не раздавался заливистый, показавшийся Джимми немного истеричным смех, видимо, «Гранд-Элиот» благополучно миновал поселок и теперь мчался по одной из скоростных магистралей в сторону космопорта.

Райбен на всякий случай просмотрел отчет системы, еще раз обратив внимание на нездоровое, чрезмерно бурное веселье двух симпатичных молодых особ, укоризненно покачав при этом головой.

Хотя его раздражение все еще не угасло, Джимми усмехнулся краешком губ, внезапно вспомнив свои студенческие годы. Это сейчас он превратился в полноватого вальяжного чиновника, а раньше... Что греха таить, баловался и эреснийской травкой,[17] и другой легкой «дурью».

И все-таки это не дело, – подумал Райбен. – *Ведь ясно указано: транзитный проезд через населенные пункты запрещен. Для этого есть проложенные в удалении скоростные автомагистрали, так нет, дай им покуражиться, повыпендриваться среди частных владений... Обязательно с утра свяжусь с управлением, пусть поставят на въезде дополнительный*

пост. А то половина населения Раворграда потянется «на природу», нарушая покой почтенных граждан...

Джимми включил сферовизор, посмотрел последние пять минут галактических новостей, чувствуя, что сон окончательно ушел.

Рано утром ему надлежало быть в Совете Безопасности Миров, грядущий день обещал мало приятного, запланированное заседание конфликтной комиссии по вопросам спорных колоний могло затянуться до позднего вечера, и выспаться нужно обязательно, иначе скверное самочувствие может повлиять на ход непростого диалога.

С такими мыслями Джимми Райбен выпил снотворное, поднялся в спальную комнату, но уснуть ему удалось минут на десять, не более.

На этот раз сигнал тревоги, проникший в сознание даже через действие успокоительного препарата, оказался столь силен, что Райбен резко сел в кровати, ощущая, как ледяной пот струится по телу.

– Фрайг побери!.. – сквозь зубы прорычал он. – Что происходит?!

На панели интеркома зажегся трепетный огонек индикации, и мягкий голос кибернетической домохозяйки сообщил:

– Прошу прощения, сэр. Чрезвычайная ситуация. Вторжение на частную территорию, нападение, умышленная порча имущества. Наряд полиции уже вызван. Копы прибудут через две минуты.

– Толком объясни, что случилось? Опять эти девки?

– Источник вторжения не определен, сэр.

Райбен с обреченным вздохом встал, вновь накинув халат.

Теперь помимо полиции нужно вызывать еще и техников, – подумал он, выходя из спальни. – *Не определить источник вторжения, когда дом буквально напичкан электроникой, – это уже явный сбой системы.*

Выйдя на узкий внутренний балкон, он взглянул вниз и остолбенел.

Входные двери из бронированного стеклопластика были разбиты вдребезги. На пороге лежал андроид – раритетная модель системы «Хьюго», за которую он выложил приличную сумму в антикварном магазине.

Некоторое время Джимми стоял, словно оглушенный, потом, спохватившись, затребовал данные по остальным дройдам.

Ответ домашней киберсистемы подействовал на него, как ледяной душ, изгоняя остатки сонной одури и пробуждая холодную ярость.

Разрушены... Все пять андроидов разрушены... Как подобное могло произойти?! Почему я ничего не слышал, какого фрайга охранные датчики так поздно подняли тревогу?!

На улице без завывания сирены появились проблесковые маячки

полицейского флайбота.

Райбен спустился по лестнице, перешагнул через распластавшийся у порога корпус изуродованного андроида и в полнейшем замешательстве вышел навстречу блюстителям порядка.

– Что произошло, сэр? – Старший патрульной группы со знаками различия лейтенанта шел ему навстречу по гравийной дорожке, на всякий случай удерживая правую руку на оружии.

– Это вы сейчас будете объяснять мне, что случилось! – раздраженно ответил Райбен. – Для чего я плачу управлению полиции, ставлю свой дом на охрану?! Чтобы просыпаться среди ночи и видеть вот это?! – Голос Джимми Райбена вдруг сорвался на визг. – Дьяволы Элио, моя система охраны докладывает, что все дройды уничтожены, а источник вторжения не определен! Офицер, – он ткнул указательным пальцем в грудь лейтенанта, – вы ответите за это! Знаете, сколько стоит андроид серии «Хьюго»?!

– Мы сейчас во всем разберемся.

– Надеюсь на это, – саркастически произнес помощник сенатора, демонстративно развернувшись, чтобы вернуться в дом.

* * *

Лейтенант Дейв Гримур, осмотрев место происшествия, пришел в состояние легкого шока.

Сканеры охранного комплекса как будто ослепли, данные системы указывали, что они не работали в момент совершения преступления, последний файл отчета, составленный перед необъяснимым отключением, демонстрировал изображение пустынных подступов к строению, такой же пустой холл, хуже того, ни в одном из спектров сканирования не было зафиксировано посторонних сигнатур, на записи присутствовали лишь сигналы, излучаемые андроидами, которые в тот момент еще были целы и занимались мелкими хозяйственными работами.

Далее следовал полный провал: какие-либо данные отсутствовали на протяжении семи минут, а когда комплекс охраны включился вновь, то в усадьбе и на территории дома сканерами были зафиксированы затухающие сигнатуры изувеченных бытовых машин, а ядро кибернетической сети находилось в состоянии самотестирования после явного сбоя и еще минуту не реагировало на тревожные показания датчиков.

Ладно бы в деле присутствовали только технические неполадки, но лейтенант, осмотрев первую из пяти пострадавших человекоподобных машин, тут же понял, что технические неполадки в системе – еще не самое

удручающее обстоятельство.

Внимательно изучив следы, Дейв Гримур пришел к выводу, что андроида кто-то приподнял, с силой швырнув в двери особняка, затем по корпусу человекоподобной машины было нанесено несколько ударов тупым предметом, от которого остались вмятины на сорванном грудном кожухе. Видимо, от сокрушительных ударов механизм на несколько секунд отключился вследствие динамического шока. Этих мгновений хватило злоумышленнику, чтобы вырвать из открывшейся за сорванным кожухом полости ядро системы и превратить его в крошево из осколков бронепластика, элементов вычислительных устройств, разбитых (или раздавленных) модулей памяти и с особым тщанием уничтоженных нейромодулей.

Учитывая древность модели, ее явную историческую ценность, налицо был как минимум акт вандализма.

С другой стороны, после осмотра четырех похожих механизмов, уже не подлежащих восстановлению или реставрации, у лейтенанта Гримура промелькнула мысль о маньяке, – он не видел никакого смысла в варварском уничтожении древних дройдов. Ладно если бы их попытались украсть, но нет, машины были изувечены...

Надо вызывать экспертов и подкрепление, – решил он, стараясь пока что не попадаться на глаза разгневанному помощнику сенатора.

* * *

Вадим задержался на базе РТВ до одиннадцати часов вечера. Сдав груз и заполнив все необходимые документы, он решил, что его личное присутствие при проверке доставленных кибермеханизмов вовсе необязательно, и, получив пропуск, взял служебную машину, чтобы провести остаток ночи в мегаполисе.

Его остановил патруль в пригородах Раворграда.

– Лейтенант Ромеро, – представился старший временного поста, – ваши документы, пожалуйста.

– Капитан Немершев, подразделение по борьбе с кибермеханизмами, – представился Вадим, протягивая через приспущенное ветровое стекло взятого на базе РТВ флайкара свое удостоверение с впаянным в пластик микрочипом.

Илфрид Ромеро находился в скверном расположении духа. Во-первых, его подняли среди ночи и отправили сюда, не объясняя причин, во-вторых, приказ о задержании и досмотре всех машин исходил не от прямого начальства, а от следователя по особо важным делам, полковника

Штиммеля, которого Ромеро не выносил за туповатость и надменность. Им приходилось несколько раз «пересекаться» в схожих ситуациях, но сотрудничество ограничивалось сухими, надменными приказами (часть из которых казалась Илфриду нелепыми). Он понимал, что следователь старается использовать приданных ему людей на черновой работе, нисколько не сообразуясь с их профессиональными качествами.

Считав данные со статкарточки, лейтенант насторожился. Как он успел выяснить (по своим каналам, минуя прямое обращение к руководившему операцией Штиммелю), в расположенном неподалеку поселке кто-то вломился в особняк помощника сенатора планеты Кьюиг и изувечил несколько дорогостоящих человекоподобных машин. Единственная ориентировка, которую ему дали, касалась двух молодых женщин, проследовавших незадолго до инцидента в сторону космопорта.

Как понял лейтенант, кибермеханизмы были изувечены быстро и профессионально, при этом попутно злоумышленник блокировал охранную систему. Такое не под силу двум перебравшим подружкам, колесящим по округе в открытом «Гранд-Элиоте», а вот капитан, следовавший в сторону Раворграда на флайкаре с армейскими маркерами, показался ему весьма подозрительным. И специализация что надо – подразделение по борьбе с роботами.

– Извините, капитан, я вынужден вас задержать. Совершено преступление.

– Надолго? – хмуро осведомился Вадим, которому совершенно не понравилось происходящее.

– Сейчас я свяжусь с начальством, – сухо ответил офицер, отойдя к слабо светящейся в темноте разметке обочины.

* * *

Минуту спустя лейтенант Ромеро вернулся, протянул Немершеву удостоверение и произнес:

– Вам придется проследовать за мной. Полковник Штиммель желает лично задать вам несколько вопросов.

Вадим не стал возражать. Возможно, действительно случилось что-то серьезное. Ну а если его задержали необоснованно, он всегда может подать рапорт по команде.

В любом случае, встретиться со своими подчиненными в условленном месте он уже не успевал, поэтому решил не сопротивляться, добровольно последовав за лейтенантом.

* * *

Через некоторое время они свернули с автобана и въехали на территорию пригородного поселка. Взгляд Вадима сразу же отметил необычное оживление подле двухэтажного особняка.

Не имея привычки гадать, Немершев внимательно смотрел по сторонам, стараясь не упустить ни одной детали происходящего.

Лейтенант Ромеро провел его за живую изгородь.

Подле ярко освещенного входа на осколках разбитых сдвижных дверей лежал андроид. Капитан не стал подходить ближе, вняв предостерегающему жесту лейтенанта, но ему и отсюда все было видно... Интересный случай.

Из дома вышли двое. По-видимому, хозяин особняка и следователь. Оба остановились, заметив вновь прибывших, при этом Райбен недружелюбно смерил капитана Немершева полным злой растерянности взглядом и отвернулся, а следователь, очередной раз перешагнув через андроида, направился к ним.

– Ромеро, вы свободны. Возвращайтесь на свой пост. И не забывайте докладывать обо всем подозрительном.

Лейтенант молча развернулся и исчез за живой изгородью. Видимо, отношения со следователем у него не складывались.

Дождавшись, пока патрульная машина отъедет от дома, человек в штатском, наконец, заговорил, протягивая руку:

– Извините, что пришлось задержать вас, капитан. Полковник Штиммель – представился он, – особый следственный отдел.

Вадим пожал протянутую руку и спросил:

– Проблемы, полковник?

– Как видите. Мои специалисты еще в пути, а я, – он понизил голос, – я вынужден оправдываться перед помощником сенатора, потому что не могу толком объяснить ни себе, ни ему, что тут произошло.

– Значит, я не подозреваемый? – усмехнулся Вадим.

– Считайте себя добровольным консультантом, договорились? Вы ведь из подразделения по борьбе с сервомеханизмами, верно?

– Верно.

– Я представлю вас господину Райбену.

Немершев кивнул.

Что-то здесь не так... – подумалось ему. Штиммель не производил впечатления тупицы, который обращается за помощью к случайно оказавшемуся поблизости специалисту. Если рассуждать здраво, то Вадим

на его месте дождался бы собственных экспертов.

Скорее всего он все же подозревает меня. И пытается проверить свои подозрения самым незатейливым способом.

– Это ваш долгожданный специалист? – буркнул Джимми Райбен.

– Капитан специализируется на сложных делах, связанных с киберсистемами, – уклончиво ответил Штиммель. – Что вы нам скажете, Вадим Петрович?

Немершев присел на корточки подле изуродованного дройда.

– Я, между прочим, заплатил за эту колониальную модель солидные деньги. Сейчас отыскать роботов серии «Хьюго» очень сложно.

Вадим внимательно осмотрел сбитый ударами грудной кожух, затем перевел взгляд на разбитые кристаллосхемы, и, безошибочно узнав некоторые маркировки микрочипов, понял, что дело скорее всего примет совсем скверный оборот.

Как поступить? Следователь и хозяин особняка особого оптимизма в плане конструктивного сотрудничества не вызывали. Вадим припомнил, что существуют определенные инструкции относительно действий в подобных ситуациях, но он привык больше полагаться на логику и интуицию, вот только опыта работы в густонаселенных районах у него было маловато. Вид нескольких микрочипов, которые никак не соотносились со схемами бытового андроида, обязывали его как минимум сообщить о случившемся на «Фаргос» и связаться с управлением разведки штаба флота. Однако прежде неплохо бы до конца разобраться в ситуации...

Продолжая внимательно рассматривать фрагменты бытовой машины, Вадим поднял голову и спросил, взглянув на Джимми Райбена:

– Вы помните, где и когда приобрели данного андроида?

– Естественно, – раздраженно фыркнул Райбен.

– Тогда советую вам подать иск к владельцам антикварного магазина. Это не «Хьюго-БД12».

– То есть... как?

– Очень просто, господин Райбен. Вам подсунули похожую модель: опасную, более позднюю версию. Если говорить конкретно – перед нами боевой сервомеханизм пехотной поддержки времен Первой Галактической. Пехотный дройд, которому просто отключили большинство опций и установили дополнительный программный блок. Эти механизмы крайне опасны, – Вадим указал на обломки микрочипов, вставленных в гнезда по периметру «позвоночника». – Боевые модули на месте, они могли включиться в любой момент.

– И что? – выражение лица Джимми Райбена было словно у

обиженного ребенка, которому вместо желанной игрушки подсунули дешевый муляж. Слова капитана относительно потенциальной опасности его «бытовых механизмов» помощник сенатора, по-видимому, пропустил мимо ушей.

– Вы бы не проснулись, – скупо осведомил его Вадим.

– Вы... Вы хотите сказать, что готовилось покушение?! – Джимми Райбен смертельно побледнел. – Поэтому отключилась охранная система?

Вадим посмотрел на полковника Штиммеля, вопросительно приподняв бровь.

Тот, конечно, понял, что совершил глупость, допустив на место преступления постороннего человека, но менять что-либо теперь было уже поздно, и Штиммель лишь мрачно кивнул, подтверждая, что помощник сенатора говорит правду.

– На минуту, полковник.

Они отошли в сторону.

– Дело серьезное. – Вадим не стал ходить вокруг да около. – Вы хотели проверить меня на причастность?

– Да, – после секундной паузы кивнул Штиммель.

– Слово офицера, я здесь ни при чем. У меня железное алиби. Десяток сотрудников базы РТВ подтвердят, что я находился там и всего полчаса назад покинул пределы периметра, закончив дела и выписав пропуск.

– Надеюсь, вы не станете распространять полученную информацию?

– Не беспокойтесь, через сутки меня уже не будет на Элио. Мы зашли в систему, только чтобы передать раненых и отправить предназначенный для утилизации груз на базу РТВ.

– Да, я слышал о прибытии крейсера «Фаргос». Мои извинения, капитан.

– Ни к чему. Но я готов остаться и помочь. Ведь перед нами не единичный экземпляр уничтоженного кибермеханизма, верно?

– Вам сказал Ромеро?

– Нет. Но если действительно готовилось покушение, у боевой машины должен быть напарник. Один как минимум.

– Как вы сказали? Напарник?

– Напарник, дублер, называйте, как хотите. Так я прав или нет?

– У господина Райбена имелось пять бытовых машин, и все они уничтожены. – Видимо, Штиммель решил принять предложенную помощь. – Ни одна камера наблюдения не зафиксировала произошедшие события. Тревога включилась, когда все андроиды уже были изувечены. Тот, кто это сделал, не оставил следов, только обломки.

– Есть конкретные подозреваемые?

– Нет, – покачал головой Штиммель. – За несколько минут до нападения по территории поселка проехал «Гранд-Элиот» двести пятнадцатой серии. В нем находились две молодые особы. Их зафиксировали системы наблюдения.

– Вы исключаете их?

– Помилуйте, капитан, они были навеселе, и вообще, как вы это себе представляете? Все удары нанесены с нечеловеческой силой.

– И точностью, – добавил Вадим, обративший внимание на вмятины в кожухах, которые соответствовали местам креплений внутренних замков. – Где остальные дройды?

– В кустах подле дома. Пошли, покажу.

* * *

Осмотр четырех сервомеханизмов не добавил ясности. Поначалу Немершев предполагал, что у одного из пехотных дройдов до времени включились боевые программы, и тот начал действовать, отключив охранную систему и уничтожая все вероятные источники сопротивления, но положение разбитых корпусов, одинаковый характер повреждений говорили в пользу внешней силы. Пока Вадим осматривал уничтоженные системные блоки, Штиммель угрюмо стоял в стороне.

Капитан первым делом проверил пеноплоть на руках машин. Никаких характерных ссадин или повреждений. Ночное происшествие казалось ему все более запутанным и загадочным, особенно после того, как он, перевернув одного из андроидов, внезапно увидел надпись на его спине:

«Предатель».

Даже без анализатора Вадим смог определить – надпись нанесена недавно при помощи... обыкновенной губной помады.

– Полковник.

Штиммель несколько секунд смотрел на надпись, потом, видимо, осознав природу ее происхождения, невнятно выругался.

– Вам придется объявить этих девушек в розыск. А мне было бы неплохо получить доступ к системе охраны.

– Зачем?

– Нужно понять, как заблокировали сеть. Потасовка между андроидами исключена. Здесь действовал кто-то извне. Есть два варианта: либо это доброжелатель, предотвративший покушение на господина Райбена, но пожелавший остаться инкогнито, либо...

– Договаривайте, капитан.

– Мне нужно взглянуть на процессы, происходившие в локальной сети.

– Хорошо. Пойдемте в дом. Но потом вы сообщите мне *все версии*,капитан?

– Безусловно.

* * *

Осмотр локальной сети дал Немершеву нужную информацию, а именно, способ отключения системы охраны и изображения двух молодых девушек, которые он скачал в устройство временного хранения данных своего импланта.

Отключившись от кибернетической системы особняка, он взглядом предложил Штиммелю выйти на улицу.

– Ну что, капитан?

– Сеть была блокирована извне. Взлом занял несколько мгновений. Скажите, полковник, для вас лично чем обернется эта история?

– В смысле?

– В смысле скандальных последствий.

– Да, скандала не избежать. Сенатор Кьюига не оставит без внимания...

– ...попытку покушения на его помощника, – завершил начатую полковником мысль Вадим. – Это дело вы не раскроете никогда. На мой взгляд, оно несет отпечаток иррациональности. Никакого покушения не планировалось. В этом я убежден. Есть только один неоспоримый факт – продажа боевых дройдов под видом антикварной модели «Хьюго». Все остальное слишком туманно и неопределенно. Мне показалось, что господин Райбен ухватился за идею о покушении. Он здорово трусит, но в то же время такая мысль ему льстит. Я проверил по базе данных магазин, через который проданы сервомеханизмы. Он вот уже полгода не существует. Фирма закрылась. Если вы сотрете губную помаду со спины номера пятого, то уже к утру окажетесь в героях, раскрыв целый заговор. Об этом будут много говорить и писать, но никто не найдет реальных зацепок. Чтобы версия о преждевременной активации боевых программ одного из дройдов выглядела правдоподобно, возьмите любой обломок и сдерите пеноплоть на фалангах пальцев у двух, или лучше у трех машин. Получится, что они уничтожили друг друга.

– А на самом деле?

– На самом деле я не могу сказать, как именно все произошло. Расследование явно выше компетенции полицейского управления. Я

доложу все обстоятельства дела своему начальству. Будет проведена тщательная проверка, но для ее успеха нужна версия, которая заставит преступника поверить, что он не распознан.

– Значит, никакой подготовки к покушению не было? – переспросил Штиммель, до которого с трудом доходила логика капитана Немершева.

Вадим нахмурился. Сколько еще будет тупить полицейский чин? Сказать ему правду нельзя: во-первых, не поймет, во-вторых, не поверит, в-третьих, Немершев уже не имел права разбрасываться полученной информацией.

– Я вижу здесь акт вандализма, – произнес он, формируя для полковника более или менее убедительную версию. – Акт вандализма, – повторил Немершев, – который совершил человек, – поступок явно спонтанный, не подготовленный заранее, но способ нейтрализации системы охраны говорит, что наш злоумышленник неординарная, одаренная личность.

– Не понимаю...

– Вы слышали когда-нибудь такое понятие, как зомби-сеть?[18]

– Нет.

– Тогда кратко поясню. Существует целый ряд программных вирусов, которые внедряются в кибернетические системы, но не разрушают их, не наносят вреда, однако зараженные системы могут быть использованы злоумышленниками для атак на другие сетевые узлы, сбора информации и так далее. При этом пользователи зараженных компьютеров или кибернетических систем даже не подозревают о действиях, совершаемых от их имени.

– Вы нашли здесь нечто аналогичное?

– Зомби-сеть была организована в рамках компьютерных систем поселка, вирус внедрен через устройство беспроводной связи, возможно, с импланта человека. Атака последовала незамедлительно, что привело к зависанию охранной сети в особняке господина Райбена, дав преступнику приблизительно пять минут на расправу с андроидами. При этом я совершенно не вижу логики нападения. Плюс надпись, сделанная губной помадой, не забывайте о ней. – Вадим многозначительно усмехнулся и перешел в атаку: – Мои слова вы к делу не подошьете, зомби-сеть уже самоликвидировалась, вирус подчистил все следы воздействия, и к приезду вашей группы любые доказательства исчезнут.

– Хотите сказать, что пока сенатор Кьюига станет раздувать шумиху вокруг «покушения», я буду вынужден говорить о гипотетическом маньяке,

уничтожившем пять человекоподобных машин, причем главными подозреваемыми, следуя фактам, нужно признать двух молодых леди? – До полковника, наконец, начала доходить вся незавидность ситуации, в которую он попал.

– Именно так, – кивнул Немершев. – Будет очень некрасиво. Вы испортите себе репутацию и ничего не докажете.

– Значит, предлагаете поддержать вопли Райбена о покушении?

– Да. Сотрите надпись, сдерите пеноплоть, организуйте облаву по адресу фирмы, продавшей андроидов. Все закончится достаточно быстро, без нанесения ущерба вашей репутации. А я вам гарантирую, что специальный отдел штаба флота тем временем проведет собственное расследование.

– Я узнаю о его результатах?

– Вероятно, нет, – покачал головой Немершев. – Разведка флота не станет делиться информацией. Человек, действовавший тут, крайне опасен. Он, несомненно, болен, но при этом обладает уникальными знаниями и способностями. Его нужно нейтрализовать как можно быстрее.

– А разве человек мог нанести такие удары? – с сомнением переспросил Штиммель.

– Мог. Если у него кибернетические протезы, – ответил Вадим. – Если все еще сомневаетесь относительно меня, свяжитесь с базой РТВ и командиром крейсера «Фаргос». Только поторопитесь с решением, похоже, ваша оперативная группа на въезде в поселок.

Штиммель размышлял недолго. Собственная карьера и репутация в кругах политической элиты волновали его больше других аспектов этого странного дела.

– Помогите мне содрать пеноплоть в нужных местах, – попросил он Немершева.

Глава 3

Разведывательное управление штаба флота.
Утро 13 июля 2943 года...

Уилфред Стангмаер просматривал сводку происшествий, которую обычно получал по утрам вместе с отчетами от различных подчиненных ему служб.

Откинувшись в кресле, генерал, как могло показаться, дремал, полуприкрыв глаза, но на самом деле его рассудок напряженно работал, анализируя разнообразные сведения, поступающие через имплант с терминала информационной системы.

Нарушая тишину, прозвучал негромкий предупреждающий сигнал, вслед которому голос электронного секретаря сообщил о посетителе:

– Прибыл капитан Немершев, сэр.

Уилфред открыл глаза, поменял позу.

– Пусть заходит.

Дверь кабинета неслышно скользнула в сторону.

Стангмаер выслушал уставное приветствие, затем жестом указал капитану на кресло:

– Присаживайтесь, Вадим Петрович. Удивлены вызовом?

– Нет, – ответил Немершев. – Но личной встречи не ожидал, признаюсь.

– На то есть причины. – Генерал дождался, пока из открывшейся в полу между креслами ниши поднимется столик с двумя чашками кофе. – Просмотрел ваш рапорт, капитан. Вы никогда не задумывались о переходе на более интересную работу?

– Нет, – ответил Вадим. – Меня устраивает и должность, и боевой коллектив, в котором я служу.

– Похвально. Но тем не менее сегодня ночью вы проявили себя с лучшей стороны, не только как специалист по борьбе с кибернетическими механизмами, но и как оперативник. Мне доложили содержание вашей беседы с полковником Штиммелем. Нужно сказать, ни один из моих сотрудников не смог бы справиться лучше. Вы отвели следствие в нужное русло и сразу же передали сигнал о нештатной ситуации командиру «Фаргоса». Он, в свою очередь, связался с моим ведомством.

– Я действовал по обстановке, – ответил Немершев.

– Почему вы решили направить следствие в определенном

направлении?

– Это долго обосновывать, – сдержанно ответил Вадим. – Тот человек, что изувечил дройдов, действовал дерзко, решительно и профессионально. Не хочу ставить под сомнение способности полковника Штиммеля и его экспертов, но все, обнаруженное мной на месте преступления, требует участия в расследовании специалистов узкой квалификации. Учитывая, что потерпевший – известное лицо, связанное с политическими кругами, я понял, что происшествие неизбежно получит широкую огласку. Кто бы в дальнейшем ни занимался данным делом, правдивая информация в прессе принесет лишь вред, заставит преступника насторожиться.

– Значит, вы сразу отвергли версию подготовки покушения? – заинтересованно уточнил генерал. – На что вы опирались в своих выводах?

– Во-первых, версия покушения была предложена самим Джимми Райбеном, как только он услышал словосочетание «боевой андроид». Но она не показалась мне достоверной. Осмотрев разбитые системные блоки машин, я обратил внимание полковника Штиммеля на наличие боевых чипов, но не стал уточнять их специализацию. На самом деле ядро системы, где хранятся базовые программы, даже в разбитом виде не выглядело «свежим». Я могу отличить недавнюю сборку от древней. Налицо мошенничество. Господину Райбену подсунули боевых дройдов, которые действительно созданы на базе модели «Хьюго», но они не представляли той степени угрозы, которая примерещилась помощнику сенатора. Я просто не стал разубеждать его, дав возможность поверить в выдвинутую им же самим версию.

– Хорошо, капитан, давайте теперь выясним, что произошло на самом деле. Не скрою, в районе происшествия поработали и специалисты моего ведомства. Они не нашли никаких следов зомби-сети.

– И не могли найти.

– Вирус, о котором вы сообщили полковнику Штиммелю, существовал? – прищурясь, осведомился генерал Стангмаер.

– Нет, – спокойно ответил Немершев.

– В таком случае, как отключили систему охраны?

– Зомби-сеть была создана без внедрения вируса. Вы располагаете записью событий?

– Естественно.

– Мы можем просмотреть ее?

– С вашими комментариями, капитан. – Уилфред отдал мысленный приказ, и в кабинете заработало устройство голографического воспроизведения. Элитный пригородный поселок возник, как по

мановению волшебной силы, – стены, обстановка кабинета, – все исчезло, а наблюдатели, не вставая с кресел, как бы парили над панорамой местности.

Вдали, у въезда в населенный пункт, показался приближающийся свет фар. Дома в голографической проекции выглядели полупрозрачными, внутри отображались тепловые контуры людей, работающие цепи энергопитания и каналы обмена данными.

Вадим сразу понял, что его вызов предваряла кропотливая работа по сбору данных, такую модель можно получить только в том случае, если на руках есть записи со всех кибернетических систем поселка, плюс данные спутникового контроля.

Интересно, зачем он меня вызвал? – подумал Вадим, покосившись на Стангмаера. – *Здесь же все видно как на ладони...*

«Гранд-Элиот» с открытым верхом, петляя, медленно полз по улице. Две молодые особы были явно навеселе, они дурачились, забавляясь с ручным управлением. Флайкар, который, судя по номеру, был арендован в Раворграде, едва не цеплял живые изгороди домов.

Машина проехала по центральной улице, затем свет габаритных огней начал удаляться в сторону скоростной магистрали, ведущей к космопорту.

– Никакой передачи данных, ни одна кибернетическая система не принимала информацию, капитан, – заметил Уилфред.

– Сейчас начнется, – сухо произнес Вадим.

Действительно, габаритные огни «Гранд-Элиота» еще виднелись вдали, будто машина остановилась перед самым поворотом на автобан, а в схеме энергетических и информационных потоков поселка вдруг наметился растущий всплеск активности.

– Обратите внимание, господин генерал, люди в большинстве спят. А их импланты передают указания кибернетическим сетям.

Действительно, процесс нарастал в геометрической прогрессии, провоцируя небывалый всплеск активности. Спящие хозяева особняков, сами того не подозревая, отдавали мысленные инструкции киберсистемам, пока те, в свою очередь, не вывели населенный пункт на пик энергопотребления. Затем порог допустимой нагрузки был превышен, и автоматически сработала защита на ближайшей подстанции...

Окрестности моментально поглотил мрак, к тому же спутник, с которого шло наблюдение, уходил из эффективной зоны сканирования, и голографическая проекция стала смазанной, нечеткой.

– Дальше ничего невозможно разобрать, – раздался голос Стангмаера. – Источники бесперебойного питания не сработали. К моменту отключения энергоподачи они были истощены. Причина – прямая команда,

отданная с имплантов людей. Хозяева особняков приказали переключить наиболее энергоемкие процессы на резервное питание сразу, как только заработала зомби-сеть. Вы были абсолютно правы, капитан, точно назвав способ воздействия.

– Я понял причину технических неисправностей, просмотрев отчет системы на терминале домашней сети Джимми Райбена, – произнес капитан. – Додумать остальное не составило труда. В домах не работала тревожная сигнализация, все жители спали, никто ничего не видел, следовательно, все команды кибернетическим системам отдавались с соблюдением процедуры доступа. Файл отчета зафиксировал распоряжения, которые отдал помощник сенатора, самолично вырубив собственную домашнюю сеть. Думаю, вы просмотрели аналогичные отчеты, полученные из других особняков?

– Да. И меня тревожат те семь минут, что населенный пункт пребывал во мраке. За это время кто-то уничтожил пятерых андроидов и спокойно удалился. Энергоподача была восстановлена, но включившиеся системы уже не зафиксировали постороннее присутствие на территории поселка.

– И все же мы знаем, кто это сделал, – произнес Немершев.

– Надпись на кожухе дройда?

– Я скопировал детальное изображение в память своего импланта и передал его вместе с остальными материалами на «Фаргос». Что показала графологическая экспертиза?

– Почерк каллиграфический, несмотря на неровную поверхность. Рука твердая, надпись сделана с равномерным нажимом. В качестве «маркера» использован косметический карандаш для губ производства фирмы «Эдем». Все вроде бы указывает на двух молодых женщин. Но я не представляю, как сумели они воздействовать на разум спящих людей, а затем изувечить пятерых дройдов.

– Воздействие на разум осуществлялось через импланты, – пояснил Немершев. – Нужно искать «дыры» в программном обеспечении вживляемых устройств, позволившие передавать инструкции в рассудок спящих людей. Что касается андроидов, я уже говорил, подобное в состоянии совершить человек с кибернетическими протезами рук. И еще, господин генерал. Девушек могли элементарно подставить. Я, к сожалению, не психолог, но вам не кажется, что цель в конкретном случае не оправдывает затраченные для ее достижения средства? Вырубить все системы охраны, обесточить населенный пункт ради того, чтобы изувечить пять бытовых машин?

– Не бытовых, а боевых, – уточнил Стангмаер. – Думаю, объект

нападения играет исключительную роль в понимании мотивов преступника. Преступник действовал холодно и расчетливо, и в то же время нанесенные андроидам повреждения свидетельствуют о состоянии аффекта.

– Да, я согласен. – Немершев сделал глоток остывшего кофе, понимая, что совместный просмотр записи событий – всего лишь прелюдия к гораздо более важному разговору.

Он не ошибся. Стангмаер выключил голографическую проекцию и произнес:

– Капитан, я вызвал вас не для того, чтобы еще раз получить подтверждение тем выводам, что сделаны аналитиками особого отдела. На самом деле вы прекрасно понимаете, что ситуация не просто неординарная, она катастрофическая. Взглянем на саму суть случившегося. Перед нами факт: существует технология прямого воздействия на рассудок человека через имплант. По каким причинам она была так опрометчиво продемонстрирована этой ночью – гадать не возьмусь, но угрозу невозможно преувеличить. Мы не знаем, кто станет следующим объектом воздействия, ведь до сих пор стандартные импланты считались вполне надежными. Теперь у меня нет никакой гарантии, что, к примеру, президент Конфедерации или кто-то из политиков высшего эшелона власти не попадет под подобное воздействие.

Вадим внимательно слушал генерала, хотя суть проблемы он понял еще ночью, потому и стал импровизировать, чтобы увести официальное следствие в нужном направлении.

– Мы должны действовать немедленно, но для подобного рода операций нужно задействовать минимум посвященных, иначе утечка информации неизбежна. Один маленький просочившийся в прессу слух о ненадежности существующей конструкции импланта возымеет эффект разорвавшейся бомбы.

Стангмаер встал, прошелся по кабинету и сказал, обернувшись к Вадиму:

– Поэтому каждый посвященный автоматически становится участником спецоперации. Вы мобилизованы разведывательным управлением штаба флота. Это понятно?

Вадим кивнул.

– Отлично, – Стангмаер вернулся к рабочему столу и взял микрочип. – Здесь задание. Чип самоликвидирующийся. В общих чертах дело обстоит следующим образом – две молодые женщины успели покинуть Элио до начала глобальной проверки. Нами установлено, что они незаконно

проникли на планету, воспользовавшись фальшивыми удостоверениями личности. Их настоящие имена неизвестны, мы знаем только, что они прибыли в коммерческую орбитальную зону на транспорте класса «Элизабет-Альфа». Данный корабль зарегистрирован на Окраине и уже сутки числится в угоне. Занятная цепочка у нас складывается, не находите?

Немершев решил выслушать до конца, пока воздержавшись от комментариев.

– Специалистам навигационного отдела флота удалось отследить линии напряженности аномалии космоса, вдоль которых совершил прыжок интересующий нас транспорт, – продолжил Стангмаер. – Данные подтверждены средствами скрытого наблюдения в системе всплытия. Это Зороастра, капитан. Чувствуете, как все складывается одно к одному?

– Да, – ответил Вадим. О планете Зороастра, не входящей в состав Конфедерации Солнц, он был наслышан.

– Ваша кандидатура как нельзя лучше подходит для выполнения задания. На Зороастре есть своя служба корпоративной безопасности, кстати сказать, весьма неплохая. Многих оперативников управления разведки они знают в лицо. Вы же из другого ведомства. К тому же имеете опыт борьбы с кибермеханизмами. Сейчас для нас исключительно важно отыскать этих молодых особ и точно определить: люди они или нет.

– Существует подозрение, что они киборги?

– Да. В известной степени это бы прояснило ситуацию. К тому же нам необходимо знать, с кем они будут контактировать на Зороастре. Если тут замешаны специалисты преступной планеты, мне придется доложить обо всем президенту и требовать санкций для нанесения превентивного удара. Вся сложность заключается в том, что мы ничего не можем утверждать наверняка. Нужна точная, проверенная информация. Но на планету не допускается провоз каких-либо компьютерных систем, если они – не биомеханические протезы. Даже кибстеки и те приходится сдавать на контроль.

– То есть работать придется без специального оборудования?

– Да, капитан. Сканеры и прочие устройства исключены. Потому я остановил свой выбор на вас. Знаю, вы не разведчик, но отличить киборга от человека сможете и без дополнительной аппаратуры?

– Смогу. – Немершев, наконец, полностью понял, что хочет от него генерал. – Когда я вылетаю?

– Немедленно. Легенда, специальное оборудование, которое поможет вам ее запомнить, – все подготовлено. Нами уже организован частный туристический рейс через сектора Окраины, чтобы не вызвать подозрений.

С легендой ознакомитесь в пути, данные по контактам на Зороастре – в чипе. Запоминайте хорошенько, капитан, чип самоликвидируется после первого прочтения. Вопросы ко мне есть?

– Задача в принципе понятна. Как действовать, если я установлю, что они люди, а их импланты не содержат дополнительных модулей?

– Передадите информацию и вернетесь на Элио. Действовать непосредственно на Зороастре вам придется, если будет точно установлено, что они киборги. К сожалению, это пока что наша единственная нить. Вас, безусловно, будут прикрывать, капитан, но если выяснится, что они – машины, поступайте по обстановке. Нейтрализовать и доставить на Элио для исследования. Любой ценой. Приказ понятен?

– Да.

– Тогда не теряйте времени.

* * *

Пространство гиперсферы. Пятью часами позже...

...Система Зороастры была расположена в глубине освоенного людьми участка спирального рукава Галактики, но, несмотря на это, в окрестностях звезды располагалось очень мало проторенных гиперсферных трасс.

Если взглянуть на объемную карту галактических коммуникаций, то можно было подумать, что большинство людей сторонится одноименной со звездой планеты.

По сути, это соответствовало реальному положению вещей.

Планета-Без-Закона – так по-другому называли данный мир.

О Зороастре ходили жуткие слухи, но, в основном, они не являлись истиной или содержали лишь малую ее часть.

Поначалу Зороастру населяли выходцы, или, точнее сказать, изгнанники с Грюнверка.

Около двухсот лет назад биосфера планеты представляла собой сонмище смертельно опасных для человека животных и растительных форм жизни. Первыми поселенцами, ступившими на поверхность враждебного мира, стали ученые-экзобиологи, бежавшие с исторической родины, где их научные взгляды и методы воздействия на окружающую среду не только не были признаны, но подверглись гонениям.

Название планеты родилось сразу. Существовала историческая запись в бортовом журнале колониального транспорта, в которой капитан корабля утверждал, что если взять все известные ему живые формы, умертвить их, а затем тщательно перемешать и возродить в качестве тупых и кровожадных зомби, то получится приблизительное сходство с самой

безвредной тварью этой адской планеты.

Однако ученые-поселенцы не боялись враждебной биосферы. Наоборот, они жаждали доказать, что их методы способны трансформировать этот ад в нечто пригодное для человека, не выжигая при этом под корень исконные формы жизни.

Нужно отметить, что на этом этапе они преуспели. В течение жизни нескольких поколений биосфера планеты изменилась до полной неузнаваемости. Там, где сотню лет назад человек подвергался постоянному риску быть разорванным на куски, отравленным либо инфицированным, теперь правнуки первых поселенцев чувствовали себя если не в абсолютной, то уже в относительной безопасности.

Исконная жизнь сохранилась практически повсюду, но теперь она несла не агрессию, а вполне конкретную, ощутимую пользу. Дело в том, что становление Зороастры происходило в условиях полной изоляции от остальных миров Обитаемой Галактики. Поселенцы испытывали острейшую нужду в технике, но не имели при этом никакой промышленной базы. Вполне естественно, что в такой ситуации изгои-экзобиологи нашли простой и очевидный для себя выход.

Местные монстры один за другим превращались ими в необходимые машины. Это можно было признать чудом, если наблюдать процесс изнутри и постепенно. Но два транспортных корабля безымянной торговой компании, случайно посетившие планету после ее двухсотлетней изоляции, принесли весть о чудовищном, извращенном во всех отношениях мире, реальность которого превосходит любой фантасмагорический бред.

Людям свойственно бояться всего отталкивающего, непонятного, прятать свой страх под личиной надменности и презрения.

Так началась изоляция Зороастры в цивилизованном мире. Но не в мире преступном.

Планета по-прежнему остро нуждалась в технологиях, инструментах, промышленных роботах и космических кораблях – короче, во всем, чего не могла произвести или вырастить сама.

Населению Зороастры было абсолютно все равно, кто доставит столь необходимые товары. Им даже импонировали люди, которые удивлялись, восхищались, пугались, но не выказывали своего презрения к ним.

Вполне естественно, что контрабандная торговля расцвела на этой планете с невероятной скоростью. Отсюда шел экспорт таких чудовищных ксеноморфов и живых машин, что практически девяносто девять процентов из них не получали официального разрешения на ввоз в другие миры.

Однако это не останавливало предприимчивых контрабандистов,

открывших для себя новый источник доходов.

Теневой бизнес расширялся, захватывая все новые и новые звездные системы.

Правительства десятков планет, поначалу просто выражавших свою озабоченность, увидели в этом серьезную угрозу. Зороастра стремительно и неумолимо становилась криминальным центром Галактики. Сюда бежали бандиты и изгои, авантюристы и помешанные, непризнанные гении и военные преступники.

Однако несмотря на перечисленные выше факты, планета не могла быть подвергнута зачистке со стороны не так давно образовавшейся Конфедерации Солнц. Во-первых, Зороастра не вошла в состав Содружества и, следовательно, не подчинялась его законам, во-вторых, пока в Обитаемой Галактике зрело недоумение и негодование, Планета-Без-Закона успела при посредничестве промышленных корпораций Окраины создать мощную систему противокосмической обороны, взломать которую (по имеющимся разведданным) можно было бы, лишь пожертвовав целым флотом.

Все сведения относительно Зороастры Вадим почерпнул из переданного ему генералом Стангмаером микрочипа, который действительно самоуничтожился, как только данные были прочитаны.

Благодаря информации, которую постоянно собирала разведка флота, Немершев знал, откуда следует начинать поиск. Исконные жители Зороастры были людьми богатыми, практически каждый гражданин планеты имел собственное производство, связанное с исследованиями в области экзобиологии, генетики и кибернетических систем. Гостей планеты, как правило, не пускали дальше обширной и совершенно безопасной гостинично-парковой зоны, где среди фешенебельных отелей располагались офисы и представительства всех существующих на Зороастре фирм.

Таким образом, приезжие получали возможность совершать интересующие их сделки, не нарушая права частной собственности на территории, принадлежащие гражданам независимой планеты.

К сожалению, у капитана Немершева не оказалось иных сведений о двух интересующих его женщинах, кроме их четких снимков, сделанных камерами наблюдения, да опознавательных кодов «Элизабет-Альфы» – довольно старой модели грузопассажирского корабля, разработанной еще до начала войны в колониях.

По официальной версии он прилетел на Зороастру как турист. На самом деле в Обитаемой Галактике оказалось немало любопытных,

желающих попасть на преступную планету ради новых впечатлений, а власти «закрытого» для галактического сообщества мира не препятствовали развитию туристического бизнеса, создав в упомянутой зоне экзотические парки, представляющие флору и фауну планеты в сравнении – одни территории были населены ужасающими монстрами, другие демонстрировали туристам укрощенную человеком природу, по-прежнему экзотическую, но уже безопасную для жизни.

* * *

На поверхность планеты Немершева доставил челночный корабль местной аэрокосмической компании.

Он ожидал, что сразу за чертой таможенного контроля его встретит та самая экзобиологическая жизнь, о которой в Галактике ходило столько противоречивых слухов, но ошибся: опрятный город, выстроенный властями Зороастры для посещающих планету иностранцев, практически ничем не отличался от других виденных Вадимом гостиничных зон, например, практически вся поверхность планеты Дион – знаменитого галактического курорта – была отдана именно такой застройке, где жилые, развлекательные и бизнес-комплексы прятались среди благоухающей зелени парков.

Теперь он понимал, что большинство прилетающих на Зороастру людей никогда не видели ни истинного облика, ни настоящей природы планеты.

В космическом порту ему пришлось пройти тщательную, хотя и ненавязчивую процедуру проверки. Стангмаер был прав: провезти на территорию планеты какое-либо спецоборудование было попросту нереально. Теперь Вадиму стало до конца ясно, почему выбор генерала пал именно на него.

Дело было не только в уникальном практическом опыте Вадима, но также в его феноменальной памяти и конструктивных особенностях импланта, способного к мысленному программированию для выполнения некоторых, мягко говоря, нестандартных задач.

Оказавшись у себя в номере, Немершев, прежде всего, убедился, что в нем присутствует стандартный компьютерный терминал, имеющий соединение с сетью.

Проверив помещения на предмет устройств скрытого наблюдения, Вадим заблокировал несколько обнаруженных комплексных датчиков, позволив им передавать нейтральную информацию о спящем после долгого изнурительного перелета человеке, а сам, не распаковывая багаж, уселся в

кресло перед компьютером.

Легкость, с которой он проделывал сложные манипуляции с хорошо защищенными от стороннего воздействия электронными системами, объяснялась просто: десять лет его жизнь в большинстве случаев зависела от того, как быстро и насколько безошибочно разум сумеет определить конфигурацию противостоящей ему кибернетической системы и выработает адекватные средства борьбы с ней. Часто на подобное противостояние отпускались секунды, все программы воздействия капитан Немершев составлял мысленно, а его имплант, оснащенный модулем трансляции[19], мгновенно устанавливал контакт с атакуемой системой, получал отклик, определял язык программирования, и дальше следовала молниеносная атака, которой руководил рассудок Вадима.

Опыт тысяч подобных схваток помогал ему выжить самому и сохранить своих людей в самых безвыходных ситуациях, при зачистках планет, переполненных боевой техникой времен Первой Галактической.

Сегодняшняя задача казалась ему намного более простой, чем виртуальный поединок с искусственными интеллектами «Одиночек».

Сеть, пусть самая совершенная и защищенная, по определению имеет уязвимые места, особенно когда защищающие ее программы вступают в единоборство с человеческим рассудком.

Вадиму понадобилось четверть часа, чтобы выйти из локальной сети гостиничного комплекса, соединиться с базами данных космического порта, получить нужную информацию, а затем проверить карты памяти десятка автоматических флайкаров.

В результате, когда он отключился от сети, в распоряжении Немершева имелась вся необходимая информация.

Две интересующие его молодые особы действительно прибыли на Зороастру вчера вечером. Автоматическое такси отвезло их в отель «Астара», причем везде они платили наличными, не используя кредитных карт. Имена, под которыми они зарегистрировались, явно были вымышленными, поэтому Вадим мысленно продолжал называть их «незнакомками».

Сканеры космопорта не обнаружили никаких кибернетических компонентов в строении их тел, разумеется, кроме стандартных для всех жителей цивилизованных планет имплантов.

Впрочем, Вадим не строил иллюзий. Он знал, что сканеры можно обмануть. Окончательное суждение он мог вынести только после личного контакта с подозреваемыми.

Его интересовал один факт: прежде чем попасть в отель, автоматический флайкар доставил их в офис медицинского учреждения, оказывающего услуги жителям иных миров.

Зачем незнакомки обратились туда, для Вадима осталось загадкой, но он взял это на заметку, решив наведаться в клинику и попытаться выяснить, что за услуги там оказывают.

Теперь он знал достаточно, чтобы перейти к непосредственной проверке, но тут Немершева ожидали некоторые непредвиденные трудности.

Дело в том, что, несмотря на лестное мнение, высказанное генералом Стангмаером, Вадим не мог похвастаться навыками оперативника.

На самом деле он был очень далек от образа разведчика. Его стихией являлись кибернетические системы, а десять лет, проведенных на борту крейсера «Фаргос», среди мужского коллектива, где не задерживались случайные люди, а взаимоотношения строились на основе полного взаимного доверия между бойцами и их командиром, наложили неизгладимый отпечаток на его мировоззрение.

Он привык жить и мыслить предельно честно, ведь малейшая фальшь могла обернуться в бою непоправимыми последствиями. Кроме того, опыт общения с женщинами у капитана Немершева был, мягко говоря, скромным.

Осмыслив ситуацию, он решил, что единственным выходом для него будет посещение отеля «Астара». *В остальном сориентируюсь на месте*, – решил он.

Времени до вечера у него оставалось достаточно, и Немершев, не откладывая, отправился в медицинское учреждение, куда заезжали девушки сразу же после прибытия на Зороастру.

* * *

Визит в клинку «Астгард» не принес ему желаемой информации, но отнял почти все свободное время.

Как оказалось, частное медицинское заведение специализировалось на комплексной диагностике организма пациентов, выявлении различных заболеваний на самых ранних стадиях развития. Здесь предлагали провести полное обследование посредством «не имеющей аналогов в обитаемой Галактике аппаратуры».

Вадим понял, что, если он сейчас развернется и уйдет, это будет выглядеть подозрительно. Посмотрев на часы, Немершев решил, что может позволить себе согласиться на обследование, хотя сомнений в собственном

здоровье у него не возникало: ежегодные медицинские комиссии, которые проходили бойцы и офицеры специальных подразделений, отличались строгостью.

Вытерпев утомительные процедуры и выложив за них немалую сумму, Вадим, наконец, вышел в холл клиники, где к нему тут же подошел один из сотрудников:

– Сэр, результаты обследования будут готовы через два часа. Вы можете подождать или...

– Нет, ждать я не могу, – ответил Вадим.

– В таком случае мы доставим все материалы исследований в ваш номер. Позволите узнать, где вы остановились?

– Да, конечно. – Вадим назвал адрес отеля и с облегчением распрощался с вежливым сотрудником.

Ему предстоял трудный в психологическом плане вечер, и сейчас он менее всего задумывался о результатах произведенного обследования.

Остановив автоматический флайкар, Немершев уселся на заднее сиденье и назвал адрес:

– Отель «Астара», пожалуйста.

* * *

Отыскать двух девушек пусть в огромном, но *компьютеризированном*гостиничном комплексе для капитана не составило особого труда.

Он нашел их в одном из ресторанных залов, где чарующе играла негромкая музыка, меж столиков сновали дройды-официанты, а в центре на свободном пространстве, забыв о проблемах и невзгодах, кружились несколько пар.

Вадим был напряжен, он чувствовал себя неуютно, генерал Стангмаер явно ошибся, поручив Немершеву задание, несвойственное его наклонностям.

Вадим действительно злился, находясь не в своей тарелке. Следить, выискивать, подглядывать – все это вызывало внутренний протест, и только чрезвычайная важность происшествия на Элио удерживала его в рамках отданного приказа.

В одном старый лис Уилфред не ошибался – Вадим мог отличить киборга от человека по сотне признаков, большинство из которых невозможно с точностью описать в учебных пособиях, – это безошибочное понимание приходит с годами, оно – дитя опыта и зачастую зиждется на интуиции.

Однако, чтобы судить наверняка, ему нужно было сблизиться с двумя девушками, сократить дистанцию хотя бы до нескольких метров, а еще лучше – оказаться за их столиком...

Не проблема для хорошо подготовленного «шаркуна» – так в среде офицеров называли людей из светской разведки, но невероятно трудно для Вадима. Мало того, что он не умел убедительно лгать, еще и опыт общения с противоположным полом у капитана был мизерным.

Он даже растерялся на миг, чего не случалось уже очень давно.

...Заняв столик неподалеку от девушек, он сделал заказ, заставив себя успокоиться и мыслить здраво.

Некоторое время Немершев исподволь наблюдал за двумя подругами, безошибочно установив лишь один факт – это те самые особы, которых запечатлели камеры наружного наблюдения на Элио. У Немершева была фотографическая память на лица, и здесь ошибка исключалась. Одного он не мог взять в толк, – как два хрупких создания, кажущиеся немного нереальными в идеально подогнанных по фигурам вечерних платьях, могли так хладнокровно и беспощадно подчинить своей воле разум двух десятков ничего не подозревающих жителей поселка, а затем устроить разгром в усадьбе мистера Райбена, искалечив голыми руками пять сервомеханизмов?

Подобная двойственность восприятия здорово напрягала Немершева. Одна картинка, извлеченная из сознания, никак не хотела накладываться на другую, он терял драгоценные минуты, не зная, как приступить к активной проверке.

В конечном итоге его совершенно неожиданно выручила музыка.

Плавные звуки Эригонского вальса поплыли в тишине, они казались такими же чистыми и хрустальными, как прозрачный лед знаменитых пещер, куда сквозь панцирь ледника проникал скупой свет, распадаясь на спектральные полосы...

Вадиму всегда казалось немного странным, что суровая природа Эригона, напитанная зловещей красотой, могла вдохновить кого-то на такое чистое, пронзительное произведение.

Что-то отозвалось, встрепенулось в душе, магия музыки сняла напряжение, он встал и сделал шаг в направлении столика, за которым, тихо переговариваясь, сидели девушки.

В эту минуту он почему-то не вспомнил, что никогда не учился танцевать: музыка как будто подхватила его, даруя Вадиму единственный шанс понять: кто они такие, не солгав при этом, не покривив душой.

Ему понравилась та девушка, что сидела вполоборота к нему, он

некоторое время исподволь наблюдал за ней, удивляясь совершенно незнакомым чувствам, что глухо заворочались в груди, и вот он уже рядом, протягивает руку в непринужденном жесте со словами:

– Вы позволите, мисс?

Она медленно повернула голову, обожгла Вадима взглядом, он успел заметить в глубине ее зрачков две льдинки, которые вдруг растаяли, и девушка кивнула, вероятно, сделав это машинально, неожиданно не только для подруги, но и для самой себя.

Ее пальцы коснулись ладони Вадима, он едва удержал внезапную дрожь и повел ее к центру зала, чувствуя, что совершает чистое безумие, – ведь он никогда не умел танцевать, но, видимо, предельное напряжение моральных сил и чарующие звуки Эригонского вальса сыграли с ним неуместную шутку...

Девушка казалась Вадиму хрупкой и прекрасной, как прозрачный лед, вдохновивший неизвестного композитора на величайшее творение своего времени...

Несколько минут они не могли проронить ни слова, затем Вадим, чувствуя, что начинает пьянеть от незнакомых, обрушившихся на него ощущений, спросил, склонившись к незнакомке:

– Как вас зовут?

Она ответила, не поднимая взгляда:

– Лори...

Чарующие звуки вальса, бледный бархат кожи ее обнаженных плеч, тихий, чуть дрогнувший голос – все кричало: она не могла, это ошибка, я чувствую, как глухо стучит в ее груди сердце, как прерывистое дыхание не может успокоиться, и понимаю, что в эти минуты произошло что-то важное, не находящее выражения в словах...

Она человек.

Почему Вадим так радовался, что все подозрения Уилфреда Стангмаера оказались беспочвенными?

– Вы... не представились... Так нехорошо.

– Извините... Вадим, Вадим Немершев...

Звуки вальса начали стихать, но чудо уже свершилось.

Вадим не представлял, что мир способен перевернуться вот так, вдруг, за несколько минут поменяв все знаки в восприятии, став хрустальным, звонким и пронзительным, как последние ноты волшебной мелодии.

Все пары уже разошлись, а они стояли, замерев, невольно притягивая к себе взгляды присутствующих, потом, словно очнувшись, они вздрогнули, Лори потупилась, на ее щеках внезапно выступил румянец, а

Вадим повел ее к столику, стараясь идти медленно, словно пытался продлить, превратить в вечность ощущение ее трепетных пальцев в своей ладони.

Наваждение схлынуло.

Он наклонился к Лори, хотел что-то шепнуть ей на ухо, но не смог, перехватило дыхание.

Она встретилась с ним взглядом и тихо произнесла:

– Спасибо. Это было... прекрасно.

Вадим понимал, что должен уйти. Он вернулся за свой столик, унося едва уловимый аромат ее духов, понимая, что уже не забудет этих минут внезапного безумия.

Не забудет никогда.

Он был слишком глубоко погружен в себя, а сейчас словно очнулся от наваждения и, оглядевшись вокруг, увидел совершенно иной мир. Его не волновал тот факт, что этот зал – лишь декорация, призванная скрыть истинный облик планеты Зороастра, мысли текли в совершенно ином направлении, душа, долгие годы дремавшая под гнетом рационального рассудка, встрепенулась, ожила, наполняя данность иными красками, не имеющими ничего общего со вспышками лазера или бликами на забрале боевого гермошлема.

Неужели, пройдя через запредельные испытания, он должен был услышать звуки вальса, зазвучавшие в унисон потаенным порывам души, увидеть, почувствовать рядом с собой *женщину*, такую же притихшую, растерянную, как и он сам, будто в ее жизни этот вальс тоже внезапно стал чем-то значимым, таким же переломным, как и для него...

Разве такое может происходить наяву?

* * *

Вадиму понадобилось две или три минуты, чтобы справиться с так внезапно нахлынувшими чувствами, но за этот краткий промежуток времени случилось многое, к примеру, две девушки успели обменяться несколькими тихими, но значительными фразами:

– С ума сошла, Лори? Что ты себе позволяешь?

Они встретились взглядами так, будто скрестились два холодных серо-стальных клинка.

– А что я сделала, Эльза?

– Ты не можешь вот так доверять незнакомому человеку!..

– Я просто согласилась подарить ему танец, – пожала плечами Лори. – Не понимаю, с чего ты взбесилась.

Эльза нахмурилась. Еще не хватало, чтобы к их проблемам добавилось легкое помешательство подруги.

– Лори, он опасен, запомни это.

– Почему?

– Я сканировала его имплант.

– И? Что он думал обо мне?

– Я не смогла распознать ни одной мысли. Его имплант *не сканируется!..*

Лори машинально прикусила губу.

Что это может означать? Неужели он из какого-то специального подразделения?

Внезапно защипало в носу, к горлу подкатил комок. Нет, такая несправедливость просто не может произойти.

А разве все, что случилось с нами, справедливо?

На ее вопрос, заданный самой себе, ответила Эльза:

– Нет никакой гарантии, что он не следил за нами. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как проявление чувств.

– Ну что ты разошлась? Мы уже вне территории, подконтрольной Конфедерации. Ты не думаешь, что он родом отсюда? Зороастра – весьма странная планета, здесь, насколько мне известно, в быту масса нестандартных технологий. Преступный мир, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не забыла?

– Нет, не забыла. Но сейчас незаметно встаем и уходим. Более того, мы улетаем.

– Ты преувеличиваешь вероятную опасность. Перестань, Эльза, это уже похоже на манию преследования. Нам ведь назначен прием на завтрашнее утро.

– Ничего. Повременим. Неделю-другую придется переждать подальше от этого места.

– Ты просто сходишь с ума. Тебе мерещатся враги за каждым углом.

– Может быть. Зато я останусь сама собой, а не попаду на операционный стол в лабораториях Конфедерации или того хуже – теневых дельцов Зороастры. При здравом размышлении после всего, что я тут увидела, завтрашнее посещение исследовательского центра уже не кажется мне хорошей идеей.

– Даже так? – Лори нахмурилась. – Пожалуй, твои последние слова – весомый аргумент. Преступная планета, запрещенные технологии... Боюсь, ты права – ни один самый высокий гонорар не может гарантировать нашу безопасность. Местные дельцы – они же исследователи, – могут посчитать,

что в нас сокрыто гораздо больше, чем деньги.

– Хорошо, что ты поняла это.

– Вот только не надо приплетать сюда мой танец, ладно?

– Осторожно, Лори. Он опять смотрит на нас.

– Я разберусь с этим. Уходи. Встретимся в номере, а там решим, как действовать дальше.

– Хорошо. Только не делай глупостей.

– Не беспокойся.

* * *

Вадим увидел, что к его столику идет Лори.

Он собирался с духом, чтобы подойти к ней, и вот внезапно она сама сделала шаг навстречу.

– Уже уходите? – Немершев заметил, как зал ресторана покинула ее подруга.

– Да, к сожалению. Быть может, вы оставите мне свои координаты? – она не кокетничала, спрашивала вполне серьезно, даже, наверное, слишком серьезно...

– Конечно, – Вадим взглянул на ее запястье и не увидел на нем кибстека.

– Куда мне сбросить данные?

– Ой, извините... Забыла кибстек. Как жаль...

– Мы можем встретиться?

– Не знаю. У нас завтра сложный день. Боюсь, мы будем заняты.

– Не беда. Я собрался задержаться тут на некоторое время. А что, если я просто запишу свой номер коммуникатора? – внезапно осенило его. – Конечно, архаичный способ...

– Это даже романтично, – она улыбнулась. – Давайте так и поступим. Я позвоню вам, как только улажу свои дела.

– Обещаете?

– Обещаю. – Лори взяла салфетку, на которой Вадим записал межпланетный номер своего коммуникатора. – Я буду ждать.

– Я тоже.

* * *

Он вернулся в номер, не зная, как расценивать события последнего часа. С одной стороны, он выполнил задание, – теперь, возвратившись на Элио, он мог с уверенностью доложить генералу Стангмаеру, что Лори и ее подруга – люди.

Будь они киборгами, Вадим обязательно понял бы это. А человеку попросту не по силам за несколько минут голыми руками изувечить пять сервомеханизмов.

«Девушки по стечению обстоятельств оказались не в том месте и не в то время, – подумалось ему. – Разведотделу флота придется искать иную версию событий».

За окном гостиничного номера уже властвовала глубокая ночь.

Вадим разделся, зашел в душ, включил воду и за ее шумом не услышал, как тихо приоткрылась отпертая универсальным ключом дверь его номера.

* * *

Лори вошла в свой номер, когда Эльза уже собрала их вещи.

– Ну, как?

– Он не с Зороастры, – она протянула подруге салфетку. – Вот номер его мобильного коммуникатора.

– Отлично, потом проверим. А сейчас давай уходить. Нам еще добираться до космопорта. Я вызвала автоматическое такси.

* * *

Вадим вышел из душа, хотел подойти к окну, чтобы взглянуть на панораму ночной Зороастры, когда острое чувство тревоги кольнуло рассудок.

Он начал резко разворачиваться, но не успел завершить начатое движение – сокрушительный, точно рассчитанный удар в одно мгновенье погасил его сознание.

Глава 4

Элио. Кабинет генерала Стангмаера...

– Историки современности часто отождествляют Землю и Альянс, но такой подход неверен, по крайней мере для заключительного этапа Галактической войны, – сухо сформулировал свою мысль Стангмаер, неторопливо прохаживаясь по кабинету, вдоль длинного стола для совещаний, за которым сейчас сидел всего один человек – его заместитель по оперативной работе адмирал Нефедов. – Прародина к тридцатым годам двадцать седьмого века опустела, и Альянс действовал на большом удалении от Солнечной системы.

– Да, но почему тогда именно падение Земли ознаменовало конец активной фазы боевых действий и привело к капитуляции всего Альянса? – возразил ему Андрей Сергеевич.

Уилфред неопределенно пожал плечами.

– Война была проиграна задолго до вторжения Флота Колоний в границы Солнечной системы, – ответил он. – Согласен, в две тысячи шестьсот тридцать пятом году основные силы Альянса вновь сконцентрировались в системе прародины, но нельзя заблуждаться, считая, что руководство боевыми операциями осуществлялось с Земли.

Уилфред явно хотел подвести собеседника к определенной мысли, которую не торопился озвучивать.

– Временная концентрация сил, перемещение флотов с периферии к центру? – Нефедов размышлял вслух. – Мне не совсем понятно, почему командование Альянса пошло на подобный шаг? К чему нарываться на последнюю битву, идти на поводу у противника? Не случись концентрации основных флотов Альянса в границах Солнечной системы, война бы продолжалась еще лет десять как минимум.

– Верно. И победителями в ней оказались бы машины. – Стангмаер остановился, тяжело оперся руками о стол и добавил, подавшись к своему заместителю: – Это очень хорошо понимал адмирал Табанов. Именно по его приказу в Солнечную систему были стянуты основные силы Альянса. Он не пошел на поводу у противника, но умело разыграл свою собственную комбинацию. Он искусственно создал предпосылки к поражению и капитуляции, пожертвовав при этом многим. Я часто задаю вопрос: ради чего он намеренно проиграл войну?

– Чтобы спасти людей от полного взаимного истребления? –

предположил Нефедов.

– Наверное, так. Иного смысла в его поступках просто нет. Табанов начал войну лейтенантом, прошел через все этапы чудовищного противостояния. Он лучше других понимал, а быть может, знал наверняка, где именно была пройдена черта невозвращения, когда стратегическое планирование десятков, сотен проводимых одновременно боевых операций, на многих пространственных фронтах, стало ускользать из-под контроля людей. На заключительном этапе войны силами Альянса руководили отнюдь не адмиралы. Война людей незаметно трансформировалась в войну машин, а для кибернетических систем защита Земли не являлась первостепенной задачей. Если «Линию Хаммера» построили по прямому приказу человека, то внешнее кольцо стратегических опорных пунктов создано машинами. Они выбрали оптимальную долгосрочную стратегию и успешно реализовывали ее. Не вмешайся в планы кибернетических систем человеческий фактор в лице адмирала Табанова, машины, рассредоточив свои силы за границами освоенного на тот момент космоса, постепенно сжимали бы кольцо, нанося удары, ужесточая блокаду, действуя одновременно с тысяч различных направлений, избегая доказавших свою несостоятельность тотальных сражений, распыляя силы Флота Колоний, пока не задушили бы последний оплот сопротивления людей. Мрачная картина, но последние открытия подтверждают: все шло к тому. Мы до сих пор не знаем мест дислокации большинства баз внешнего кольца, три столетия не прекращаются локальные стычки с отдельными анклавами машин.

Сотни тысяч, если не миллионы, модулей «Одиночка» по-прежнему ждут своего часа. Табанов, вероятно, разрушил глобальную сеть, координировавшую действия отдельных серв-соединений. Этим он дал шанс поколению выживших находить и зачищать планеты, колонизированные уже не людьми, а машинами. Однако последние события наводят меня на мысль, что и такой вариант был предусмотрен искусственными интеллектами, вышедшими из-под контроля людей.

– Господин генерал, вы серьезно считаете, что нам по-прежнему угрожает призрак той войны?

– Знал бы ты, Андрей Сергеевич, сколько головной боли доставляют мне эти гипотетические базы, расположение которых до сих пор неизвестно. А тут еще с Окраины пошел поток сервомеханизмов серии «Хьюго», якобы выпускаемых в системе Норман. Контрольная закупка показала, что они полностью идентичны андроидам, хранившимся на складах Эрихайма, и что еще хуже – совпадают с машинами,

уничтоженными в усадьбе господина Райбена. Это уже не случайности, а часть плана по внедрению на послевоенные планеты техники двойного предназначения. Норман – бывшая база Альянса, на территории которой по непроверенным пока данным живут люди. Я не нахожу разумным возобновление производства андроидов серии «Хьюго», если все действия не укладываются в рамки определенной операции, некоего акта возмездия, призванного обратить историю вспять и вновь выпустить на оперативный простор тысячи машин, дремлющих в ожидании приказа.

– Но модифицированные бытовые дройды могут стать лишь пятой колонной, исполнителями разовых террористических или диверсионных актов. Это, конечно, огромная опасность, но количество замаскированных боевых машин слишком мало, чтобы представлять угрозу хотя бы одной произвольно избранной планете.

– Нельзя недооценивать противника, – мрачно предостерег своего заместителя генерал Стангмаер. – Нельзя забывать о произошедшем здесь, на Элио. Модифицированные дройды – лишь часть плана, согласен, а главную скрипку в нем должны сыграть те, кто сумел воздействовать на разум людей через импланты.

– Нужно послать разведывательные группы на Норман.

– Рано. Я не уверен, что планетой управляют люди. Если там расположен командный центр, координирующий действия машин в рамках некоей «Операции возмездия», мы рискуем запустить лавину событий раньше срока. В последние дни меня не покидает ощущение, что мир готов взорваться, а мы, сидя на пороховой бочке, не видим, с какой стороны горит фитиль. Почему молчит Немершев? Куда он пропал?!

– Мы ищем его.

– Долго. Очень долго! Куда подевались наши подозреваемые?

– Они покинули Зороастру одновременно с исчезновением капитана Немершева. Как я уже докладывал, Вадим вышел на прямой контакт с ними. К сожалению, он не успел передать результаты проверки.

– Выяснили, куда они направились теперь?

– Гиперсферный курс ведет к системе Саргона. Это недалеко от Эрихайма, Нормана и Карлоса.

– Что мы знаем о Саргоне?

– Колония времен Великого Исхода.

– Подготовьте разведывательную группу для внедрения на Саргон. Если Немершев в ближайшие дни не будет найден, начинаем операцию по захвату беглянок своими силами.

– Господин генерал, разрешите вопрос?

– Ну?

– Почему так важен Немершев?

– Этого я тебе не скажу, Андрей Сергеевич, извини. Меньше знаешь – крепче спишь. Только не думай, что он мой протеже.

– Ладно. В таком случае позволите еще пару соображений?

– Давай.

– Я считаю, что есть повод для беспокойства, но непосредственной угрозы все же не существует. Даже если предположить наличие некоего командного центра и существование плана по внедрению на послевоенные планеты диверсионных групп, я не могу ответить на вопрос: почему они начали действовать только сейчас, спустя три века по окончании войны?

– Не знаю, – откровенно ответил Стангмаер. – Есть мысли?

– Есть. Своими действиями на Эрихайме мы разбудили и спровоцировали некую силу. Скорее всего вы правы, это искусственный интеллект. Логично предположить, что существовал особый план на случай уничтожения централизованного командования Альянса. Но я полагаю, что проект не был завершен, формирование пятой колонны только начиналось, когда адмирал Табанов своими действиями разрушил планы машин и сознательно привел Альянс к поражению. Мы должны искать командный центр. Он расположен либо на Эрихайме, либо в границах ближайших систем. Сейчас искусственный интеллект попытается восстановить все фазы проекта и начнет сбор разведывательной информации о существующей послевоенной цивилизации. Это дает нам некоторую фору во времени.

– Мы не можем позволить себе изучать ситуацию в развитии, – мрачно подытожил Стангмаер, выслушав мнение Нефедова. – Это чревато непредвиденными последствиями. Нужно вторично исследовать Эрихайм, одновременно продолжая поиск ускользнувших от нас киборгов. Группу на Саргон подготовить и отправить в течение ближайших дней. Все, Андрей Сергеевич, исполняй. Доложишь по готовности, а я буду думать, как нам развязать этот узел...

* * *

Зороастра. Клиника «Астгард»...

Вадим приходил в себя медленно.

Сознание как будто по миллиметру выкарабкивалось из бездны небытия, он не слышал звуков, не воспринимал света, лишь мысли, тяжелые, тягучие, непоследовательные, давали ему понять, что организм борется, возвращая себе право мыслить, двигаться, осязать, видеть...

Слишком тяжелые последствия для удара по голове...

Рассудок пытался связать ткань непрерывности если не ощущений, то мыслей, и постепенно ему это удалось.

Вадим вспомнил свое прибытие на Зороастру, задание, танец с Лори, даже имя ее подруги, услышанное вскользь.

Лори и Эльза.

Почему он сейчас думал о них? Потому что их образы связаны с последними мыслями перед черным провалом беспамятства? Потому что они – его *задание*?

Нет. Он думал о них в поисках ответа – кто нанес ему неожиданный, оглушающий, явно профессиональный удар?

Это была не Лори и не Эльза. Сделанный вывод основывался на конкретном знании – будь за его спиной кто-то из девушек, он бы обязательно зафиксировал излучение импланта, обернулся бы несколькими секундами ранее и предотвратил удар.

Тот, кто прокрался в номер, не был имплантирован!..

Вадим испытал некоторое облегчение, хотя в его неопределенном положении глупо и неправильно было цепляться за чувства – какая разница сейчас, кто это сделал, вопрос в другом: где я, чего от меня хотят и как отсюда выбраться?

Не в силах управлять собственным телом, он сосредоточился на мыслях, и это помогло, в какой-то момент барьер окружающей его черноты начал распадаться, возвращалось сенсорное восприятие мира, мрак превратился в сумрак, до слуха начали долетать первые звуки, безошибочно идентифицированные рассудком, как характерные шумы от работы разнообразных комплексов аппаратуры.

Спустя некоторое время ему удалось чуть приоткрыть глаза.

Он уже вполне владел собственным сознанием и действовал крайне осторожно – в помещении могли находиться посторонние, которым нельзя выдать свое возвращение в мир.

Его плотно смеженные веки едва заметно дрогнули, позволяя взгляду проникнуть через ресницы.

Так и есть. Похоже на больничную палату. Вокруг блоки аппаратуры поддержания жизни, плюс терминалы неизвестного предназначения. У изголовья, вне поля зрения, тихо и равномерно попискивает невидимый прибор.

Я пациент или пленник?

Он слегка напряг мышцы и тут же получил ответ: лодыжки, запястья и грудь были не просто зафиксированы – скованы специальными захватами.

Возможно, это лишь мера предосторожности?

Нет. Придется исходить из наихудшего варианта.

Имплант.

Отклик пришел немедленно. Устройство работало и находилось под контролем рассудка.

Если я пленник, почему такая беспечность со стороны охраны? Уверены, что введенные препараты гарантируют бессознательное состояние?

Да, наверное, так. Те, кто пленил его, не могли знать ни о методиках тренировок спецподразделений по борьбе с сервомеханизмами, ни о потенциальных возможностях специмпланта. Противостояние с любой машиной, вне зависимости от того, является она носителем искусственного интеллекта или нет, требовало не только физической, но и ментальной самоотдачи, говоря проще: в большинстве случаев исход поединка предопределялся противостоянием человеческого рассудка и кибернетической системы. В результате мозг Вадима на протяжении многих лет подвергался специальным тренировкам, в том числе он умел защитить себя от воздействия большинства препаратов, ведь машина в ходе поединка могла перехватить управление системой жизнеобеспечения бронескафандра и попросту «выключить» сознание человека.

Некоторое время Вадим лежал, используя свой имплант как приемник, находясь в режиме пассивного сканирования, он ничем не выдавал себя, но получал информацию о работающих вокруг устройствах.

Микромодули, связанные прямым нейросенсорным контактом с рассудком Немершева, передавали ему гораздо больше информации, чем зрение, осязание или слух.

Мысленный взгляд постепенно исследовал помещение, затем проник через стены, и, наконец, внимание Вадима сосредоточилось на весьма специфическом источнике энергетической активности: он воспринимал излучение рекламной вывески.

Сосредоточившись, Немершев смог прочитать буквы, складывающиеся в два слова:

«Клиника Астгард».

Та самая клиника, в которой он накануне был вынужден пройти обследование!

Мысль заработала с предельной ясностью.

Обследование. Зороастра. Планета, где торгуют запрещенными био– и кибертехнологиями.

Только сейчас Вадим понял, какую непростительную ошибку

допустил, согласившись на обследование. Ему нужно было развернуться и уйти, пообещав заглянуть в другой раз, а он... что тут говорить, повел себя как полный дилетант... Хотя что они могли обнаружить при обследовании? Разве что их заинтересовал необычный имплант Вадима, но неужели это достаточный повод, чтобы действовать столь грубо?

Немершев понял – мысль свернула не в ту сторону. Скорее всего мотивы хозяев клиники останутся для него тайной, сейчас главным было выбраться отсюда, дать знать, что жив, передать информацию относительно Лори и Эльзы.

Концентрация внимания на определенной проблеме помогла. Он чувствовал, как организм постепенно приходит в норму, методика метаболической самокоррекции являлась одной из основных дисциплин в курсе спецподготовки.

К тому моменту, как прикрепленные к телу датчики начали подавать сигналы тревоги, привлекая внимание персонала к изменившемуся состоянию «пациента», Немершев уже был готов действовать. Он определил, что на улице ночь, отыскал, проанализировав наполняющие палату излучения, где расположены устройства слежения, и теперь лежал, полностью расслабив мышцы, в ожидании того, кто и как отреагирует на поднятую автоматикой тревогу.

Он рассчитывал, что в здании находятся несколько охранников и дежурный врач, но когда отворилась дверь палаты, Вадим не смог зафиксировать излучение импланта вошедшего.

Не меняя позы, по-прежнему демонстрируя полную расслабленность, Вадим чуть приоткрыл глаза и увидел... *Существо*, внешне похожее на огромную, почти двухметрового роста ящерицу!..

Животное походило на миниатюрную копию тираннозавра – оно опиралось на задние лапы и мощный хвост, две передние конечности выглядели отнюдь не рудиментарными, а брюхо диковинного существа опоясывал ремень с силовой кобурой, из которой торчала рукоять импульсной «Гюрзы».

Немершев понял, что перед ним одно из творений генных инженеров Зороастры, – ночной охранник клиники. Но что может сделать превращенное в биоробота животное, когда тревожные датчики на терминалах требовали присутствия квалифицированного специалиста из числа людей?

Ага... вот и он.

Человек в стерильной униформе подошел к диагностическому ложу и склонился над Немершевым, внимательно глядя на показания того самого,

невидимого для Вадима прибора, расположенного в изголовье.

Все. Более удобного момента не будет.

Он знал свои физические возможности, потому действовал только одной рукой.

Мгновенное напряжение мышц, усиленное локальным ускорением метаболизма, привело к тому, что металлопластиковый захват, удерживающий правую руку, с хрустом лопнул, разлетевшись на несколько фрагментов, а освободившиеся пальцы Вадима тут же сомкнулись на горле дежурного медика, не дав ему ни опомниться, ни толком испугаться.

– Сними захваты и прикажи охраннику убираться. Пусть положит «Гюрзу» на пол и уходит.

Несколько секунд тишины, затем Вадим услышал хриплый сдавленный голос:

– Я не могу... говорить...

– Еще секунда промедления, и действительно не сможешь. – Хватка Вадима была железной. – Я тебя задушу.

Вместо ответа он уловил работу передатчиков импланта.

Ящер что-то прорычал, но выполнил приказ: вытащив оружие из захватов силовой кобуры, он положил его на пол и вышел из палаты.

– Куда ты его отправил?

– В дальнее крыло здания.

– Поднимет тревогу – убью. Разблокируй захваты.

Ремни, перехлестывающие грудь Вадима, ослабли, три захвата – на левом запястье и лодыжках – открылись с характерными щелчком, и Немершев тут же с силой отшвырнул от себя худощавого медика, мгновенно скатился с койки, точно рассчитанным движением успев схватить импульсный пистолет и направить его в лоб «дежурному», который, разразившись проклятиями, пытался выбраться из-под рухнувшего шкафа с различным инструментарием.

– Кто еще из персонала находится в здании? – не давая ему опомниться, спросил Вадим, поднимаясь на ноги. Тяжеловато, но ничего. Настоящие последствия экстренной мобилизации всех жизненных сил наступят не раньше чем через час.

– Только я и охранник. Больше никого. Клянусь!

– Зачем меня захватили?

– Я не знаю! Поверьте, я не знаю!

– Где взять одежду?

– Я могу дать свою... Вам подойдет по размеру.

– Мне не нужен твой халат.

– Я понимаю. Я дам ту, в которой приехал на работу.
– Приехал? Кодон активации от машины тоже одолжишь?
– Да...
– Пошли, – ствол «Гюрзы» не уперся медику между лопаток, Вадим был хорошо тренирован и знал, какую дистанцию следует держать, чтобы избежать неприятных неожиданностей. – Двигаешься только по прямой. Если нужно свернуть или войти в комнату, предупреждаешь за несколько шагов. Понял?
Дождавшись судорожного кивка, он добавил:
– Вперед.

* * *

Через десять минут Немершев покинул здание клиники.
На парковочной площадке в этот час стоял всего один флайкар, к которому действительно подошел конфискованный у дежурного медика кодон активации.
Теперь у Вадима была только одна задача – успеть добраться до адреса, который был дан ему на случай крайних осложнений.
Его миссия на Зороастре, так или иначе, могла считаться оконченной, – все остальное, включая эвакуацию с планеты, теперь забота людей генерала Стангмаера.
От него требовалось только одно – сохранить силы и сознание, пока перед ним не откроется спасительная дверь.

* * *

Планета Элио.
Центральный клинический госпиталь флота.
Неделю спустя...
Реабилитация.
Для капитана Немершева это было тяжелейшим ударом.
Никто не мог ему помочь, ни психологи, ни иные специалисты, все, что произошло с ним в течение нескольких суток, заняло непонятное место в душе. С одной стороны, саднило, как глубокая рана, с другой – вызывало сложные, неоднозначные чувства.
Тяжелее всего он переносил тестирование и вежливые, закамуфлированные под беседы с психологами допросы. С Зороастры Вадима эвакуировали действительно не в лучшем физическом и моральном состоянии, но теперь он оправился и откровенно не понимал, почему ему упорно отказывают во встрече с генералом Стангмаером и зачем вообще

держат в реабилитационном отделении центрального госпиталя ВКС, когда он здоров?

Немершев не мог обвинить окружающих в *откровенном*недоверии, – все, о чем он докладывал, не подвергалось прямому сомнению, но трактовалось несколько иначе, чем предполагал он сам.

* * *

Очередное собеседование с доктором Хорнетом отличалось от предыдущих встреч лишь измененными формулировками вопросов:

– Вадим Петрович, вы уверены, что некоторые поступки были вызваны вашим волеизъявлением?

Немершев устало посмотрел на собеседника.

– Сколько можно муссировать одну и ту же тему? – устало и раздраженно спросил он.

– Не настаиваю на немедленном ответе. Вы можете обдумать вопрос, прежде чем...

К фрайгу! Он все труднее выносил затянувшуюся моральную пытку. Его упорно подводили к мысли, что внезапно вспыхнувшие в душе чувства были навязаны ему извне, хотя техническая экспертиза недвусмысленно показывала: устройства обмена данными его импланта не содержат сведений о стороннем влиянии на рассудок.

В конце концов, конструкция его импланта принципиально отличалась от стандартной, общепринятой. И доктор Хорнет был осведомлен об этом не хуже, чем он сам. Ни одна машина, ни один искусственный интеллект не мог вот так запросто добраться до рассудка Немершева, иначе на протяжении десяти лет службы он бы раз за разом проваливал задания.

– Док, вы бывали когда-нибудь на планетарных зачистках? – вопросом на вопрос ответил Вадим, нарушив затянувшуюся паузу.

– Нет. Какое это имеет значение? – Хорнет, как обычно, вел себя сдержанно.

– Огромное, – Вадим, в отличие от доктора, уже не мог скрыть раздражение. – Вы специалист, или как? Неужели мне нужно снова и снова напоминать вам о таком явлении, как встречные излучения? Сколько раз я сталкивался с машинами, чьи искусственные нейросети содержали матрицы сознания погибших пилотов?

Вопрос как будто повис в воздухе.

– Ну, вам виднее, капитан, – наконец ответил Хорнет.

– Именно, – Немершев продолжал злиться, хотя понимал, что эмоции

сейчас могут только навредить. – Они тысячи раз пытались получить доступ к моему рассудку, ведь для большинства боевых машин понятие «нейросенсорный контакт» имеет первостепенное значение. У сотен уничтоженных мною кибермеханизмов имелось больше оснований и технических средств воздействия на системы импланта, чем у Лори. Повторяю: не она вырубила меня, и метод воздействия в данном случае был физический, а не ментальный! Я устал. Устал повторять одно и то же. Вы сомневаетесь, перепроверяете, я терпеливо сносил все процедуры тестирований и допросов, но теперь говорю: хватит! Либо выносите свой вердикт, либо...

– Почему вы злитесь и нервничаете?

– Потому что меня все это достало. Вы копаетесь в моей душе, видимо, не до конца поверив, что она есть. Ищете рациональное среди чувств. Это, в конце концов, мой личный внутренний мир!

– Успокойтесь, капитан.

– Я спокоен. Только не пытайтесь и дальше давить на меня. Я не изменю своего мнения и не запутаюсь в показаниях. Лори и Эльза – люди. Они не намеревались воздействовать на меня. Провал операции обусловлен другой ошибкой, – я позволил обследовать себя в клинике, куда записались на прием обе девушки. У вас достаточно материалов для приговора.

– Здесь не трибунал, и, между прочим, я не представляю интересы отдела внутренних расследований, – возразил доктор Хорнет. – Меня интересует ваше состояние, ну и попутно мы исследуем всю доступную информацию по последним событиям.

– Вы копаете не в том направлении. Замкнулись на понятии «машина» и совершаете одну ошибку за другой. Смените термины. Лори и Эльза – люди.

– Вы уже неоднократно заявляли об этом.

– А вы не прислушались к моему мнению. Все, что отличает машину от человека – это способность сомневаться. Не только просчитывать ситуацию, а еще и *переживать*ее! По-моему, все очевидно. Я изначально не был уверен, что Лори и Эльза именно те, кого мы искали, и высказывал свои сомнения...

– Да, капитан, я знаю об этом, успокойтесь. Но поймите – моя обязанность выяснить: насколько вы были свободны в своих поступках и чувствах. Понимаю, вам нелегко. Но и нам, – он сделал широкий жест, как бы обозначая круг сотрудников, причастных к текущему проекту, – сложно с уверенностью судить о возможностях машин неизвестной конструкции. А от нас требуют сделать выводы, дать конкретные оценки степени

потенциальной угрозы...

– Степень потенциальной угрозы на самом деле велика, – взяв себя в руки, ответил ему Немершев. – Свидетельство тому – инцидент на Элио.

– Хорошо, Вадим Петрович. Давайте остановимся на сегодня. Достаточно. Мы действительно начинаем повторяться.

– Ходить по кругу, – мрачно уточнил Немершев.

– Отдыхайте. – Хорнет пропустил мимо ушей последнее замечание. – Кстати, у отдела внутренних расследований нет претензий к вам.

– Спасибо, док. Хоть здесь успокоили.

* * *

На следующее утро он не встретился с Хорнетом, как обычно бывало на протяжении последней недели.

Новость о том, что его «выписывают», Вадим встретил спокойно. Все имеет свое начало и свое завершение. Это был трудный, но неизбежный этап.

* * *

Покинув стены госпиталя, Немершев еще несколько часов провел на базе ВКС, вынужденно следуя формальностям, хотя в душе он стремился как можно быстрее расстаться с военным городком. Может быть, после пребывания «под следствием» он до конца не верил, что его вот так спокойно отпустят. Что-то если не надломилось внутри, то серьезно сдвинулось, произошла невольная переоценка не только событий, но и собственных устремлений.

Вадим чувствовал себя неуютно, но старался не показывать этого. В конце концов, он ведь не собирался расставаться со службой? Или собирался, но еще не мог признаться в этом перед самим собой?

А что изменилось? Отношение флота ко мне или мое отношение к флоту?

Тяжелый вопрос.

Десять лет... Огромный пласт жизни... Он впервые смотрел на себя будто со стороны, только сейчас задумавшись над тем, в каком напряжении прошли эти годы.

...Покончив с формальностями, Вадим получил документы и, бегло просмотрев личные данные, считанные с возвращенной ему статкарточки, понял, что временно выведен в резерв флота, при этом ему на счет перечислена сумма, которая, по мнению командования, должна была обеспечить длительный период реабилитации.

Немершев воспринял это без ложных обид, хотя из размытых формулировок оставалось непонятно, отстранили его от командования взводом *окончательно*, или действительно дают время оправиться от потрясений, разобраться в себе. «И я разберусь», – твердо решил Вадим.

Перепутье. Он покинул военный городок, не унося камня за пазухой, но через КПП прошел быстрым шагом, едва кивнув на прощание незнакомому офицеру.

Номер мобильного коммуникатора лейтенанта Вронина он набрал машинально, не надеясь на ответ, потому что не знал, где сейчас находится «Фаргос». В последний раз он разговаривал с Кириллом неделю назад, едва очнувшись, после «эвакуации» с Зороастры. Тогда ему удалось воспользоваться стационарным устройством ГЧ-связи, – первый же разговор с доктором Хорнетом пробудил в душе Вадима целую бурю противоречивых эмоций, и он, чувствуя, что события начинают развиваться по какому-то дикому, непонятному сценарию, совершил спонтанный, рискованный поступок, воспользовавшись своими знаниями и способностями, чтобы выйти на контакт с лейтенантом Врониным и попросить его об одной услуге...

На этот раз Вадим вызывал Кирилла без опасений – кто мог запретить ему сделать звонок на мобильный коммуникатор своего боевого товарища?

К его удивлению, ответ пришел быстро.

– Привет, командир! – Вронин искренне обрадовался, услышав голос Немершева.

– Ты на Элио?

– Да.

– Узнал, о чем я просил тебя?

– Узнал.

– Тогда давай, буду рад тебя видеть. Где, во сколько?

Они договорились встретиться через час.

Убирая коммуникатор, Вадим посмотрел на ясное лазурное небо, вдохнул полной грудью и вдруг почувствовал, что свободен.

Нет, он не собирался скомкать и выбросить из памяти события последних недель, – он на уровне подсознания чувствовал, что, поступив так, не обретет ни покой, ни уверенность в себе, – выбросив часть, лишишься и целого. Обидеться, закомплексовать, замкнуться в себе просто, но сколько потом потребуется времени и сил, чтобы расколоть скорлупу предвзятости?

Тем более что встреча с Лори не прошла для него на уровне ощущений срыва боевой операции, либо того хуже – романтической

интрижки.

В этом смысле все выглядело очень сложно для Вадима.

Всего лишь один танец. Незабываемый Эригонский вальс.

Он практически ничего не знал о Лори, но вспоминал о ней, находя придуманные им самим слова и чувства, которые поднимались в ответ на мысли из глубин замкнувшейся, по инерции продолжающей обороняться души. Он берег эти образы и мысли, не позволяя психологам прикоснуться к ним. Берег, как тлеющий уголек, который успел подернуться пеплом, но еще не угас.

Одного Вадим не понимал совершенно: почему с ним обошлись, как с винтиком огромной бездушной машины? Да, его вытащили с Зороастры, не бросили, но потом... Что означает предоставление практически бессрочного отпуска «до особого распоряжения», как говорилось в документах? Почему к его мнению не пожелали прислушаться? Или все же прислушались, но не сообщили об этом?

Нужно было решать, что делать дальше...

* * *

Лейтенант Вронин ждал его в небольшом уютном кафе на окраине Раворграда.

Они молча, крепко пожали друг другу руку, присели за столик и, только дождавшись, пока андроид-официант принесет заказ и удалится, встретились взглядами.

Немершев верно понял тон Кирилла во время разговора по коммуникатору. Тот был рад видеть и слышать командира, но что-то не давало лейтенанту покоя.

– Ну? – Вадим приподнял бровь. – Докладывай.

– Не знаю, командир, с чего начать.

– С начала.

Вронин отпил из бокала, воздержавшись от разного рода жестов или тостов.

– Короче, дела такие. Ты временно отстранен от командования взводом.

– Не удивил. Кто вместо меня?

– Я.

Немершев кивнул. Теперь ему стала понятна осведомленность и одновременно двойственность положения, в которое попал галактлейтенант.

– Не вижу в этом ничего страшного, – первым нарушил он возникшую

паузу.

– Командир, – Кирилл не стал ходить вокруг да около. – Скажи, разные слухи, касающиеся твоей последней «командировки», это правда?

– Смотря какие слухи. Я их не распускал, не до того было, – усмехнулся Вадим.

– Говорят, ты вычислил двух киборгов... Девушек. И что ты... ну, будем говорить прямо: неравнодушен к одной из них?

Вадим непроизвольно поморщился.

– Почему тебя это волнует? – спросил он, поднимая взгляд.

– Не из больного любопытства, – ответил Вронин. – Просто скажи: да или нет?

– Темнишь, лейтенант, – неодобрительно покачал головой Немершев. – Да, было. И сейчас, наверное, еще не прошло... – внезапно добавил он. – Только я уже сто раз повторял: эти девушки – люди.

Глаза Кирилла потемнели.

– Ты просил меня узнать о судьбе транспортного корабля с определенными маркерами. Я достал нужную информацию. По соседству с Эрихаймом недавно открыты три колонии: одна времен Великого Исхода, две другие изначально являлись базами Альянса. Сейчас о них вскользь упоминают в прессе, – все как-то туманно, размыто, словно информация намеренно искажается. Речь, естественно, идет об их вероятном присоединении к Конфедерации, но точных данных – что представляют собой планетные цивилизации, никто не дает. Именно туда из системы Зороастра, на координаты звездной системы Саргон совершил гиперсферный прыжок транспорт класса «Элизабет-Альфа». Бортовые маркеры совпадают.

– Спасибо, Кирилл. Ты мне очень помог.

Вронин внимательно посмотрел на Немершева. От Вадима не ускользнуло, что в душе лейтенанта идет какая-то борьба.

– Погоди, командир. Это не все. Тебя не интересует источник слухов?

– Чтобы набить морду? – Вадим усмехнулся. – Мне, Кирилл, сейчас не до того.

– Понимаю. И все же выслушай меня внимательно. Я тоже не вчера родился. Тебя заперли в госпитале, якобы на реабилитацию, а нас вдруг начали усиленно готовить, постоянно тренируя по новой, не совсем внятной методике, потом с нами на занятиях по курсу мнемонической защиты вдруг оказывается группа из четырех офицеров. Они из ведомства Стангмаера. Занимались по ускоренной программе. Одновременно осваивали новые аппаратные модули своих имплантов. Один из них

проговорился, что их готовят для акции зачистки, мол, придется прибить двух *киберхагов*.

– В первый раз слышу такой термин, – насторожился Вадим.

– Я тоже. Старший в группе – капитан Доргаев. Мне он не понравился. Неприятный тип. И слишком много болтает для разведчика.

– Например?

– Например, о том, что два киберхага развели на Зороастре крутого спеца из нашего подразделения. Намек был более чем прозрачный.

– И ты решил копнуть?

Вронин кивнул, наполняя бокалы.

– Ты не ошибся, командир. Обе девушки – люди, – он отпил маленький глоток и добавил: – Только *искусственные люди*. Или, по-другому, —*киберхаги*.

Немершев все больше мрачнел, слушая Вронина.

– Так, Кирилл, давай по порядку. Откуда сведения?

– Из разведуправления флота.

– Ты влез в их сеть?!

Вронин пожал плечами.

– Слушать будешь?

– Буду.

– Тогда не перебивай вопросами. Скажу все, что узнал. У Стангмаера сейчас только предположения, косвенно подтвержденные расшифровкой записей сканеров космопорта Элио. Предположительно «Киберхаг» – этот термин был почерпнут из архивов Альянса – один из самых долгосрочных исследовательских проектов времен войны. Он длился пятнадцать лет и по документам привел к нулевому результату. По частично сохранившейся документации можно судить, что работы велись над созданием точной копии человека с применением искусственно созданных биоматериалов. Техническое задание включало условие – киберхаг должен проходить через любой сканирующий комплекс, не вызывая тревоги. И еще, у них переменное сознание. С одной стороны – обычный человек, но стоит включиться боевым программам... – Кирилл усмехнулся. – Дальше идет область чистых догадок, командир. Никто не знает, на что они способны. По документам проект загнулся. Где были расположены производства и лаборатории – неизвестно. Но подробный анализ файлов сканирования выявил у двух девушек, посетивших Элио и скрывшихся после этого в системе Зороастра, очень странную аномалию – их мышцы имели включения из лайкороновых нитей. А это – усилитель мускулатуры, созданный на основе искусственных биоматериалов.

Вадим молча выслушал Вронина. На душе было ой как тяжело, но вида он не подал, только спросил, сухо, негромко:

– Что управляет их сознанием?

– Неизвестно. В руки Стангмаеру попали лишь общие требования к техническому заданию. Никакой конкретики.

– Отдаешь себе отчет, как рисковал?

– Отдаю, – глаза Кирилла блеснули. – А ты не рисковал, когда не раз спасал мою жизнь? Так что не будем. Я ведь знаю, ты не остановишься. Потому и полез.

– Значит, они пустили по их следу «волкодавов»? Как эти парни в деле?

– В деле я их не видел. Конечно, опыт силовых операций у них есть. Явно не мальчики. Реакция хорошая, крыша на месте, впечатление отморозков не произвели. Особый отдел, чистильщики. Не знаю я специфики их подготовки, но в компьютерных системах разбираются. Не на нашем уровне, конечно. Многие из элементарных приемов явились для них откровением.

– Что за новации в их имплантах?

– Смена программ. Дыры в обеспечении залатали, плюс пара стандартных блокираторов удаленного доступа.

– Значит, группа зачистки, говоришь?.. – Немершев все больше мрачнел. – Ты с ними хорошо познакомился? Ребята нормальные? Ну, не считая их командира, этого Доргаева...

– Знаешь, Вадим, у нас и у разведки понятие «нормальный» немного разнятся.

– Ладно, поставим вопрос по-другому: спасать их стоит?

– Спасать?

– А ты как думал, Кирилл? Если добытые тобой сведения – правда, и экспериментальная модель искусственного человека была создана, разведка флота только погубит своих людей. Силовые акции тут неприменимы.

– А как же быть? – нахмурился Кирилл.

– Я тебе ответил на вопрос. Когда ты просил сказать «да» или «нет». Надеюсь, ты меня правильно понял.

– Сам попробуешь разобраться?

– Ясное дело, к Стангмаеру не побегу. Хватит, поработал в контакте с его ведомством. У меня отпуск, ты случаем не знаешь, до какого времени?

– Я так полагаю, пока те ребята не «зачистят» объекты.

– Значит, надолго. И с рецидивами, – Немершев произнес эти слова сумрачно, без тени иронии. – Спасибо, Кирилл. Ты мне очень помог.

– Планируешь возвратиться во взвод?

– Человек только предполагает. Располагают нами в данный момент иные силы. Посмотрим, как все сложится, – не стал зарекаться Вадим. – Если удачно – вернусь. Исчезну – значит, не судьба.

– Постой, что значит «исчезну»?!

– Не напрягайся. Я в последнее время не загадываю далеко вперед. Попробую решить вопрос, хотя бы в рамках «узкого» эпизода.

– Помощь нужна?

– Справлюсь. У тебя все равно отпуск еще не скоро. Ты и так помог, Кирилл.

* * *

Он постоянно думал о ней.

Образ Лори притаился в душе, прижился в ней, прошел некоторую трансформацию, став чуточку размытым и в то же время грустно-идеализированным.

Кто из нас не стремится сохранить в душе хотя бы призрак мечты, чего-то близкого, несостоявшегося, упущенного и вспугнутого?

Вадим поначалу терялся, не понимая, как ему поступить с памятью о произошедшем, ведь в момент встречи ни он, ни она не знали друг о друге ровным счетом ничего.

Всего лишь тот волшебный танец...

Одно Вадим понимал со щемящей очевидностью: не было ни капли фальши или лжи в их внезапно вспыхнувшей взаимной симпатии.

Он не жалел о случившемся, не пытался усмотреть коварство злого рока в последовательности событий, ведь не будь он тем, кем был, они бы попросту никогда не встретились.

Вопрос о дальнейших действиях перед ним уже не возникал. Если, покидая территорию базы ВКС, он еще смутно представлял свои действия, но уже задумывался над тем, какими способами искать ускользнувшую из его жизни Лори, то после разговора с Кириллом Врониным все сомнения отпали. Информация, так своевременно полученная от друга, помогла быстро сориентироваться и уже не испытывать сомнений в принятии решения.

В отличие от Стангмаера Вадим был намерен отыскать Лори, поговорить с ней, взглянуть ей в глаза, прежде чем судить, кто она на самом деле.

Конечно, учитывая последовательность происходящего, Немершев являлся заинтересованным лицом, не мог позволить себе встать «над

событиями», да и не хотел этого. У начальника разведывательного управления своя правда, свои критерии, и Вадим не собирался их осуждать. В данном случае он оказался ближе к реальности, чем генерал Стангмаер.

Что толкнуло капитана на подобный шаг? Почему его волновала судьба двух человеческих подобий, созданных в лабораториях Альянса исключительно ради продолжения войны?

В этом и заключался трудный, но осознанный выбор Немершева: он являлся одним из немногих людей, кому понятие «искусственный разум» было знакомо отнюдь не понаслышке, более того, у Вадима имелись свои взгляды на данный вопрос и собственные критерии оценок. Он был твердо убежден, что между искусственным интеллектом и человеком лежит пропасть. Многие не различали тонкостей, особенно когда биокибернетические технологии существенно расширили границы понятий, дав машинам элементы плоти, а человеку кибернетические расширители мироощущения.

Как тут разобраться, кто есть кто, если между двумя крайностями лежат примеры заимствования матриц сознания? Война стерла грань дозволенного, люди шагнули за нее, и теперь каждый случай приходилось рассматривать в отдельности. Многим такая *разборчивость*была попросту ни к чему. Немершев же постепенно сформировал собственный взгляд на проблему и, как следствие, делил носителей искусственного рассудка на несколько категорий. Прежде всего, он не строил иллюзий относительно чистого «машинного разума».

Сложные самообучающиеся системы были созданы задолго до войны. Примером тому может служить удачная, проверенная временем и суровыми испытаниями колониальных проектов модель андроида, известная как «Хьюго-БД12». Оснащенные искусственными нейросетями машины этого класса, общаясь с человеком, запоминали его реакции на события: слова, движения, мимику, после чего воспроизводили их с определенной степенью достоверности, что, в свою очередь, привело к возникновению устойчивого мифа об адекватности сознания человека и наиболее продвинутых моделей андроидов.

На самом деле это не так.

Вадим на личном опыте неоднократно убеждался: чтобы кибернетическая система была способна реагировать на ситуацию подходящим по смыслу сочетанием слов или действием, отражающим чувства и эмоции, присущие человеку, для этого она должна быть... человеком. Не больше и не меньше.

Большинство кибернетических систем, самообучаясь человеческим

реакциям в процессе общения со своими создателями, всего лишь приближаются к прототипу, но не становятся равнозначными ему. Самообучившаяся программа не может мыслить точно так, как мыслит человек, и потому считать сложную искусственную систему аналогом или подобием человеческого рассудка нельзя[20].

Машина, каким бы сложным ИИ она ни обладала, никогда не научится *чувствовать*.

У нее неизбежно сформируются свои уникальные реакции на события, и потому отличить машину от человека можно всегда. По крайней мере Немершев был в этом полностью уверен.

Многолетний опыт подсказывал ему – Лори не имитировала чувства. Она ощущала их.

Но если это так, мог ли он остаться в стороне от событий, уехать куда-нибудь в отпуск, забыть о ней, выбросить проблему из головы?

Нет.

Эх, Кирилл... Не слишком ли легко ты добыл столь необходимую мне информацию?

Возможно, тебе *позволили*ее узнать? Элементарно подтолкнули меня в спину?

А даже если и так... Кто еще способен справиться с проблемой? Но одного не учел генерал Стангмаер, – Вадим твердо знал, что если Лори и ее подруга окажутся людьми, пусть искусственно созданными, но *людьми*, – он встанет на их защиту.

Глава 5

Окраина. Сутки спустя...

Легко ли попасть на вновь открытые планеты?

Вадим не строил иллюзий по поводу сложности поставленной перед собой задачи. На цивилизованных мирах, образующих Конфедеративное Содружество, ему вряд ли удалось бы отыскать подходящий транспорт, осуществляющий рейсы в сектора пространства, традиционно считающиеся опасными.

Логичнее всего действовать через миры Окраины.

Таким образом, путь капитана Немершева лежал через скопление Омикрона, включавшего в себя двенадцать обитаемых систем, где он мог рассчитывать на получение необходимой информации.

Ближайший коммерческий рейс, на который ему удалось достать билет, отправлялся от орбитальных комплексов Элио через два часа, и Вадим решил, что так будет лучше, – официально он числился в отпуске, никто не запрещал ему покидать пределы Центральных Миров, но все могло измениться, к тому же откладывать задуманное он не любил.

...Седьмой Омикрон встретил его кипучей, суетливой, бьющей через край жизнью. Как и на других мирах Окраины, процедура доступа на территорию планеты отличалась демократичностью, а сам космопорт, возводимый за счет средств Центральных Миров Конфедерации, находился в стадии затянувшегося незавершенного строительства.

В детстве Вадим, как и многие мальчишки, мечтал вовсе не о карьере военного. Он грезил невероятными приключениями, ему хотелось стать исследователем, первооткрывателем, искать новые миры, пройти по следам неуправляемых рывков через аномалию космоса и найти потерянные колониальные транспорты времен Великого Исхода, или, как еще называли ту далекую эпоху, – Первого Рывка.

Юношеские мечты не угасли, они, как выяснилось, лишь дремали под тонкой скорлупой отчуждения, морального вакуума, который образовался в душе в силу специфики рода занятий.

Десять лет жизни, посвященные борьбе с реликтовыми кибернетическими механизмами, не оставили ощущение *приключения*. Вадим стал прагматиком, научился трезвому образу мышления и сам не заметил, как замкнулся в себе, воспринимая лишь ограниченный мир интересов, связанных непосредственно со службой.

Иначе и быть не могло. Он рисковал не только своей жизнью, но и жизнями подчиненных, а потому не имел права на ошибку. Но, оказывается, все относительно, и в душе галакткапитана Немершева еще не угасла искорка авантюризма, она лишь ждала своего часа, чтобы стать ярче, явственнее, вновь осветить и согреть мечты далекой юности.

Эти мысли пришли к нему внезапно, пока он стоял, глядя на панораму строящегося космического порта, вдыхая свежий воздух, доносивший запахи неведомой жизни, впитывая ощущение свободы и одновременно проникаясь мятежным, пытливым, ищущим духом колонии, расположенной на границе с неизведанным.

Он испытывал в эти минуты неловкое чувство раздвоения, словно все, чем он жил до этого, внезапно превратилось в прошлое, к которому уже не будет возврата.

«Почему? Что во мне изменилось?»

Разве его чувства и мысли являлись предательством по отношению к друзьям, подчиненным?

«Нет», – ответил себе Вадим. Он прекрасно понимал: с его уходом взвод не станет слабее. Не потому, что сам он был плох, не нужен, а в силу прямо противоположных причин, – за десять лет он успел вырастить, воспитать преемников, которым давно следовало уступить дорогу. Взять того же Кирилла Вронина. Явно засиделся в лейтенантах...

«А как же я? – промелькнула мысль. – На штабную работу?»

Такая перспектива не устраивала Вадима. Он уже не раз отказывался от подобных предложений. Специфика службы в подразделении особого назначения диктовала напряженный ритм жизни, он не мыслил себя без космоса, вне отношений, сложившихся на борту патрульного крейсера Конфедерации.

Именно в силу этих причин он так тяжело переживал случившееся.

«Я ничего не смогу вернуть». – Мысль все еще ранила, но уже не несла ноток фатализма. Он все отчетливее понимал: прошлое необратимо, но настоящее и будущее еще не предопределены.

* * *

Жизнь на любой планете Окраины первоначально сосредоточена вокруг космического порта. Отсюда начинают свой рост поселения, здесь неровно бьется сердце колонии, все административные, материальные и человеческие ресурсы сконцентрированы в зонах первичного терраформирования.

На карте космопорт и прилегающие территории, как правило, имеют

четкую границу, вне которой простирается враждебная человеку биосфера. Плотность застройки внутри периметра биологической защиты велика, но здания не превышают нескольких этажей, и потому порт выглядит массивно, фундаментально, он господствует над асимметрично разрастающимися кварталами поселения, как символ безудержной экспансии человечества.

Это не высокие слова, так оно и есть на самом деле.

Молодые колонии Окраины могут сколько угодно культивировать идеи планетных суверенитетов, но на практике жители пограничных миров больше всего опасаются внезапной изоляции от остальной части человечества. Настоящие космополиты живут именно тут. У них еще не сформировались консервативные привычки, они, конечно, дорожат созданным, но понимают, осознанно или интуитивно, что могут в один миг потерять все, случись в колонии глобальная катастрофа (а такое происходит часто), и единственной надеждой на спасение останется канал гиперсферной частоты – тонкая, незримая, неосязаемая нить, вливающаяся в общечеловеческую сеть Интерстар, связующую отдельные цивилизации.

Немершев думал, что его встретят настороженно, но ошибся. Он часто слышал мнение, что граждан Центральных Миров недолюбливают на Окраине, и был удивлен, когда понял, что это не так.

Здесь все было намного проще и понятнее, чем рисовала галактическая пресса.

– Добрый день, – офицер сил внутренней безопасности смотрел на него дружелюбно, без дежурной улыбки, но и без предубеждения. – Надолго к нам?

– Как получится, – пожал плечами Вадим, протягивая свое удостоверение личности.

– В первый раз на Окраине?

Немершев был вынужден кивнуть. «Удивительно, – подумалось ему, – я ведь действительно в первый раз прилетел в молодую колонию, хотя вся жизнь посвящена дальнему космосу. Парадокс». Он усмехнулся собственным мыслям.

– Многие летят сюда с предубеждением, – произнес офицер, вводя данные со статкарточки в кибернетическую систему. – Но мы хорошо понимаем свои жизненные интересы. – Он вернул Вадиму удостоверение личности и разблокировал турникет. – Добро пожаловать.

Это все? Проверка окончена?

– Офицер, вы даже не поинтересовались целью моего прилета.

– Я нелюбопытен. Если могу чем-то помочь, спрашивайте.

Немершев на секунду задумался, а потом решил, что нет смысла заниматься сомнительными поисками, когда можно получить предварительную информацию.

– У меня действительно есть вопрос. Где я могу найти опытных пилотов, которые хорошо знают навигацию сектора?

– Это несложно. Капитаны и владельцы частных кораблей обычно собираются в барах. Там заключается большинство сделок. Пусть вас не смущает слово «бар», на самом деле это нечто вроде клубов, своеобразный аналог коммерческих зон.

– Спасибо.

Вадим прошел через турникет и, кивнув дружелюбному офицеру, отыскал взглядом указатель направлений.

* * *

Помещения космопорта в этот час выглядели полупустыми, но стоило Вадиму перешагнуть порог «клуба», как он тут же погрузился в весьма своеобразную атмосферу, действительно имевшую мало общего с низкосортным заведением.

Сюда приходили не для того, чтобы напиться или бездумно скоротать время. Несколько смежных залов блистали великолепием местной экзотики, площадки танцполов пустовали, музыка не грохотала, а *лилась*, гармонично сочетаясь с меняющимися пейзажами на огромных настенных экранах.

Людей было много, одни сидели за столиками, другие группировались у стойки, их облик был живописен, Вадим невольно отметил, что не видит привычного отпечатка корпоративности, и это выражалось не только в одежде. Он попытался понять, какие чувства вызывает у него смесь экзотики, индивидуальности и некоей деловой атмосферы, царящей в клубе.

Однозначное мнение составить не удалось. Чтобы немного освоиться, он отыскал взглядом свободное место у ближайшей стойки.

Ждать бармена не пришлось, он тут же обратил внимание на незнакомца и протянул ему тонкий электронный планшет со списком напитков, но не стал проявлять назойливого любопытства.

Немершев смог по достоинству оценить сдержанность, не имеющую ничего общего с напускным равнодушием.

Странно, он ожидал встретить в колонии совершенно иную атмосферу.

«А что я ждал увидеть здесь? Разгул человеческих страстей?

Интересно, а как должен выражаться этот пресловутый „разгул“?»

Средства массовой информации явно драматизировали ситуацию на Окраине. Вадим поймал себя на стереотипном мышлении, которое никак не сочеталось с действительной обстановкой.

Что ж... Еще один жизненный урок. Не суди и не судим будешь. Даже список предложенных барменом напитков включал в себя помимо местных экзотических названий вполне приемлемый для Вадима стандартный набор. Он заказал себе Диахр[21], зная, что по вкусу сможет отличить подделку.

Минут через десять бармен вновь обратил внимание на Немершева. Народа у стойки поубавилось, многие ушли, заняв освободившиеся столики неподалеку, и он, протирая бокалы, обратился к Вадиму:

– Еще Диахра?

– Пожалуй, – галакткапитан двинул по стойке пустой бокал. – Мне казалось, что Диахр не растет нигде, кроме Флиреда.

– Верно, – кивнул бармен. – Нам привозят концентрат именно оттуда.

– Но это как минимум семь смен ведущих горизонталей гиперсферы, – заметил Вадим. – Не далековато?

– Неплохо разбираетесь в навигации. Хотите знать, есть ли на планете корабли, способные выйти к Флиреду без промежуточных всплытий?[22]

Вадим посмотрел на плотно сбитого, уже немолодого бармена. Тот явно работал тут не из нужды. Да и бурное прошлое можно было прочесть на его лице, покрытом бронзовым загаром, оттеняющим несколько заметных шрамов. Наверняка бывший пилот. Такой загар не заработаешь, прозябая на планете.

– Да, мне интересно. – Немершев взял вторую порцию Диахра и протянул бармену сложенную купюру банка «Галактика-Центр», с таким расчетом, чтобы тот не сразу смог различить ее номинал. Он знал, что наличные в ходу на Окраине, и заранее позаботился о некоторой сумме, чтобы не рассчитываться при помощи карточки. Меньше следов, плюс невольное уважение со стороны жителей окраинных планет.

– Пилоты у нас отличные, а корабли – не чета торговым и даже войсковым транспортам, – бармен вернулся к поднятой Вадимом теме, неуловимым, профессиональным жестом спрятав банкноту. – Сюда еще не добрались корпорации[23], так что свободная торговля процветает, а у независимых пилотов свои принципы ведения бизнеса. Мы летаем не на старых развалюхах, как это принято считать. Корабли, конечно, не новые, но каждый, – в глазах пожилого пилота мелькнули искорки гордости, –

собран по индивидуальному проекту. Торговля – не такое простое дело. Чаще бывает выгоднее сменить семь ведущих горизонталей, чем покупать товар у посредников. Мы летаем везде, где можно торговать и получать прибыль.

Собственно, это Вадим и хотел услышать.

– А если у меня есть интерес к определенному сектору пространства?

– Думаю, не проблема. Как далеко?

– PQ-212.

Он не ошибся, бармен был пилотом. Он даже не задумался, прежде чем произнести:

– Всего три прыжка. По меркам Окраины – это недалеко. Думаю, найдется с десяток ребят, постоянно бывающих там. Нужно доставить груз, как я понял?

– Нет. Я хочу попасть на одну из планет сектора. Но прежде было бы неплохо поговорить с кем-то, кто бывал там не так давно.

– Сейчас устрою.

Очевидно, суммы, отданной за Диахр, с лихвой хватило, чтобы получить не только отменный напиток, но и заручиться расположением пожилого пилота.

Немершев сидел вполоборота к залу и видел, как к стойке направился молодой человек. Низкорослый, коренастый, с грубыми чертами лица, явно уроженец Эригона, планеты с суровым климатом и высокой гравитацией.

– Знакомьтесь. Это Соул. Рекомендую, – бармен оставил их, переместившись к дальней части стойки, где появились новые посетители.

– Привет, – Соул сел, облокотился о полированную древесину (роскошь по меркам центральных миров) и выжидательно взглянул на Немершева.

– Меня зовут Вадим. Мне нужна справка по соседним с Эрихаймом системам.

– Бизнес?

– Пока не знаю. Слышал, что там выгодно торговать. Решил проверить.

– И правильно, – Соул оценивающе окинул взглядом Немершева. – Я был в этом секторе около месяца назад.

– И как?

– Там идет война. Поэтому спрос на товары весьма узок. Оружие, пищевые концентраты, некоторые виды экипировки. Большие партии грузов мы туда не возим, планеты не контактировали до последнего времени с Конфедерацией, и торговля носит меновый характер. А вывозить

оттуда практически нечего. Кроме андроидов, разумеется. Прекрасные бытовые машины серии «Хьюго», одна беда – в центральных мирах они запрещены к ввозу, а на Окраине особого спроса на них нет. Не доросли мы еще до моды на человеческие подобия, а рабочей силы и без того хватает.

– Андроиды «Хьюго»? – Вадиму даже не пришлось изображать заинтересованность. – Не думал, что они до сих пор выпускаются.

– Только на одной планете, насколько мне известно. Там вообще между соседними мирами идет непонятная война. Три системы расположены близко друг к другу, но на самом деле это не скопление. Просто они долго находились в изоляции и поддерживали контакт только между собой.

– Это колонии Первого Рывка?

– Только одна. Две другие, насколько я знаю, были колонизованы силами Альянса. Там до сих пор полно боевой техники.

– И что они не поделили?

– Темная история. Да и люди там странные. Друг с другом бьются насмерть, а к пришельцам относятся неизменно радушно. Производят андроидов и не используют их в боях, а отправляют на экспорт. Между собой грызутся из-за чисто местной и достаточно древней истории. Одна планета технически развита, две другие даже не имеют собственных космических кораблей. Раньше они, как я знаю, жили мирно. Но на моем веку там уже шла война. С Нормана на два других мира хлынул поток поселенцев, это сильно не понравилось местным, хотя свободных территорий навалом.

– Значит, колониальный конфликт?

– Можно назвать и так. Ума не приложу, что они делят. На Нормане тоже хватает незаселенных территорий, хотя условия жизни там скверные, планета молодая, горячая. Но лично по мне, чем воевать, запустили бы схему терраформирования...

– А андроидов производят в колонии Первого Рывка? – прервал его вопросом Вадим.

– Нет. Машины собирают все на том же Нормане. Саргон – вот мир, колонизированный раньше других. Там сейчас осталось очень мало людей. На Карлосе чуть больше, но эта планета – бывший форпост Альянса.

– Как и Норман?

– Нет, – Соул немного тянул гласные, демонстрируя настоящий эригонский акцент. – На Нормане целая сеть крупных военных баз времен Первой Галактической. А Карлос так, опорный пункт, не более того.

– Вижу, вы превосходно разбираетесь в картографии и истории

сектора. Таких сведений нет даже в архивах Конфедерации. Я наводил справки, но практически ничего не смог узнать. Меня интересуют возможные поставки андроидов модели «Хьюго». Это может стать очень выгодным предприятием. У меня есть свои каналы реализации, через антикварные магазины.

В глазах Соула промелькнул интерес. Арифметика была проста – андроидов можно выменять на пищевые концентраты. Имея стабильный канал реализации древней модели бытовых машин, можно заработать огромные деньги всего за несколько рейсов.

– В чем загвоздка?

– Я не привык действовать вслепую, – ответил Немершев. – Мне нужно все увидеть самому. Возьмете пассажиром? Не бесплатно, естественно.

– Да не проблема. Только с орбиты мало что можно понять.

– А я высажусь на планету. Как часто вы там появляетесь?

– Ну, раз в месяц летаю стабильно.

– Вот и отлично. Я посмотрю, как можно организовать бизнес, если случится оказия, слетаю на соседние миры, а после вы меня заберете. Я оплачу оба рейса как пассажир. Идет?

– Да я же сказал: не проблема. Мне лишние деньги не помешают. В цене сойдемся, много не сдеру. Вот только народ там... непонятный. Жалеть потом не придется?

– Разберусь. – Вадим ободряюще улыбнулся. – Зато, если сумею наладить контакт с производителями, мне понадобится надежный, знающий человек для рейсов между Окраиной и Норманом. Да, кстати, я слышал, там недавно пропал торговый транспорт.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – развел руками Соул. – Врать не буду.

– Ладно. Пойдем за столик, потолкуем о цене.

* * *

Поиск усложнялся. С одной стороны, покладистость и опыт Соула снимали множество вопросов, но информация, полученная от него, настораживала. Разветвленная сеть военных баз Альянса на Нормане, плюс странное, настораживающее обстоятельство: андроидов серии «Хьюго» производили там, где, по идее, такое производство не могло существовать в принципе. Вадим бы еще понял, занимайся этим колонисты, чьи предки в далекую эпоху Великого Исхода осваивали планету с помощью подобных машин, но при чем здесь военные базы Альянса?

Нелогично. Немершев не мог припомнить случая, чтобы на военных базах производили бытовую технику. Может быть, речь идет о пехотных модификациях, созданных на основе древней модели?

Нет, Соул не такой простак, он бы отличил пехотного дройда от знаменитых «Хьюго-БД12». Торговец с его опытом просто обязан различать подобные нюансы. Да и на Элио Вадим собственными глазами видел дройдов серии «Хьюго»... с интегрированными боевыми модулями, отключенными и в то же время способными реактивироваться в любой момент, например, по внешней команде. Кстати, такую же модель они обнаружили на складах подвергшейся зачистке базы Эрихайма... Интересное совпадение.

Вопросов по системе Норман много, но исходя из информации, полученной от Кирилла Вронина, интересующий Вадима транспорт ушел к системе Саргона.

Немершев в задумчивости сидел перед терминалом компьютера в гостиничном номере космопорта.

Саргон. Не было никакой достоверной информации по данному миру.

Поискать в сети Интерстар?

Вадим знал, что большинство колоний эпохи Великого Исхода получали название, созвучное с названием колониального транспорта, с борта которого осуществлялась высадка на планету. К примеру, Кассия была колонизирована с борта «Кассиопеи».

«Можно попробовать», – подумал он, задавая кибернетической системе алгоритм поиска.

Ответ пришел достаточно быстро.

«Жаль, что я не представился Соулу историком, помешанным на эпохе Первого Рывка. Тогда можно было бы договориться о высадке на интересующую меня планету».

После получения дополнительных сведений Вадим справедливо опасался действовать через Норман, понимая, что там не все чисто: система военно-промышленных баз – это не шутка, даже спустя три столетия. И конфликт достаточно странный.

Надо подумать.

Он развернулся к голографическому монитору.

«Колониальный транспорт „Саргон“. Дата постройки 2231 год. Стартовал из Солнечной системы в 2232 году. Невозвращенец. Сведения о судьбе экипажа и колонистов отсутствуют».

Вот даже как... Значит, планета Саргон была повторно открыта военно-космическими силами Альянса и сразу засекречена, поскольку

сведения о ней не попали в архивы. Интересно. Конечно, если название колониального транспорта и планеты не случайное совпадение.

Вадим внезапно подумал: нужно найти убедительный повод, чтобы предварить высадку на Норман посещением Саргона.

Он взял мобильный коммуникатор и набрал номер.

– Соул?

– Да, слушаю.

– Это Вадим. Узнал?

– Ну конечно. Что случилось?

– Слушай, такое дело. Ты собирался только на Норман?

– Почему же? Я обычно облетаю все планеты. Одними дройдами корабль не загрузишь.

– А как ты относишься к здоровой конкуренции?

– В смысле?

– Какая из планет основной заказчик вооружений?

– Традиционно я продаю большие партии оружия на Саргоне. К конкуренции отношусь недобро.

– Ладно. А как тебе такой вариант: мой знакомый может поставлять партии вооружений оптом. А ты реализуешь их на Саргоне. Война там, как я понял, завершится не скоро, верно?

– Не по коммуникатору, – предостерег Вадима пилот. – Я подумаю. Встретимся вечером в баре.

– Договорились.

* * *

Система Саргон. Трое суток спустя...

Светило Саргона едва взошло над далекой линией горизонта, когда спускаемый грузовой модуль завершил предстартовые процедуры и вновь взмыл в небеса.

На месте его посадки остался круг выжженной почвы, чуть поодаль стоял вездеход-внедорожник. Крепкая, надежная модель флайкара колониального образца обладала повышенной проходимостью, оснащалась необходимым минимумом аппаратуры для поддержания герметичности внутри кабины, и в то же время «Дизверт-680» сочетал в себе такие качества, как комфорт, высокую грузоподъемность и приятную для глаза аэродинамику форм.

Вадим не поскупился, заплатив Соулу за машину и небольшую партию оружия, предназначенную якобы для продажи.

От свободного торговца он почерпнул массу полезных сведений о

населявших Саргон людях, что для капитана Немершева имело ценность неоспоримо большую, чем истраченные суммы. Он старательно изображал из себя эдакого бизнесмена с Центральных Миров, богатого, но еще не лишенного толики романтизма и смелости. Соул остался доволен. Вообще торговец произвел на Вадима самое благоприятное впечатление.

Условившись о точках встречи на разных планетах сектора (Вадим не знал, куда занесет его судьба в поисках Лори), они попрощались. Немершев оставался на Саргоне, якобы для изучения рынка сбыта и самой возможности встречных поставок «артефактов» времен посадки колониального транспорта, которые, по его словам, пользовались огромным спросом в антикварных салонах Элио.

Он не лгал Соулу и в то же время ограждал себя от излишних вопросов, без труда получая необходимую, а если разобраться, то жизненно важную для него информацию.

Сейчас, проводив взглядом стартовавший модуль, он включил бортовой компьютер «Дизверта» и несколько минут, пока шло самотестирование цепей управления, просматривал электронную навигационную карту. Система спутникового позиционирования работала исправно. На орбите Саргона обращались несколько десятков искусственных аппаратов, оставшихся еще со времен Первой Галактической. Часть из них до сих пор функционировала, и Немершев, зная стандартные коды связи, использовавшиеся в ту далекую пору для активации навигационного контроля, без труда «подружил» бортовой компьютер внедорожника с несколькими спутниками.

Глядя на карту, он думал о многом.

Впереди лежал нелегкий путь. Его поиски могли показаться кому-то безнадежными, заранее обреченными на провал, ведь он не знал ничего, кроме имен Лори и Эльзы, да сведений о том, что их корабль совершил прыжок на координаты системы Саргона.

С другой стороны, Вадим по личному опыту знал – невыполнимых задач нет. Десять лет службы в спецподразделении, множество тяжелейших планетарных зачисток, сотни разведывательных рейсов в режиме жесткого автономного поиска дали ему богатый опыт подобных операций.

Прежде всего, он попытался поставить себя на место Лори и Эльзы. Это оказалось непросто, учитывая весьма поверхностное знакомство с ними. Был ли выбор системы Саргона случайным, или они имели определенную информацию о данной планете?

«Скорее всего они прилетели сюда с конкретной целью», – считал Немершев. Он искал в их поступках логику, не делая скидок на пол и

возраст. Несомненно, обе девушки прошли жесткий курс насильственного виртуального обучения, если не сказать – программирования, и их действия вольно или невольно будут подчинены рациональному началу.

Сейчас, размышляя над проблемами поиска, Вадим, насколько мог, пытался предугадать именно логику их поведения.

Итак, они наверняка осведомлены о существовании военных баз в соседних системах.

Почему для бегства были избраны координаты Саргона?

Очень важный вопрос, от ответа на который зависит линия поведения, направление поиска.

«Итак, – рассуждал Вадим, – на Нормане сосредоточены военно-промышленные производства, Карлос всего лишь форпост, а Саргон – вторичная колония, созданная на базе древнего поселения. В период войны планета служила в лучшем случае сырьевым придатком промышленности Нормана, потомки колонистов не смогли оказать сопротивления силам Альянса, что согласуется со словами Соула, охарактеризовавшего цивилизацию планеты как аграрную, не сумевшую сохранить большинство знаний и технологий, доставленных сюда на борту колониального транспорта».

Вывод, сделанный Вадимом, лишний раз подтверждал предположение, что у Лори и Эльзы, кем бы они ни были, верх над имплантированными в рассудок задачами войны взял разум. Отсюда растерянность и порожденная ею осторожность.

Они, судя по всему, мало знают о самих себе. Видимо, попытка выяснить собственную сущность толкнула их на рискованное посещение Зороастры, но исследование по каким-то причинам не состоялось. Конечно, источником сведений о проекте «Киберхаг» могли стать военно-промышленные комплексы планеты Норман, но лезть в пекло они не пожелали, проявив разумную, с точки зрения Вадима, осторожность. При такой постановке вопроса выбор дальнейшего пути очевиден. Оказавшись на Саргоне – мире, населенном людьми, они получали возможность раствориться среди жителей цокольного этажа мегаполиса[24], оставшегося со времен посадки колониального транспорта, и исподволь собирать информацию, необходимую для принятия дальнейших решений.

Чем больше Вадим думал над заданным себе вопросом, тем прочнее утверждался в мнении, что Лори и Эльза до сих пор находятся тут.

Если рассуждать здраво, то они посадили корабль в стороне от очагов цивилизации, надежно спрятали его и только затем, не привлекая

внимания, стали пробираться к Цоколю.

Почему туда?

Ну, это естественно – древнее сооружение наверняка полузаброшено, однако в его недрах сохранились и кибернетические сети, и самодостаточные аварийные комплексы. Немершев повидал несколько десятков таких несостоявшихся мегаполисов и мог судить о надежности автоматических систем стандартных построек времен Великого Исхода, основываясь на личном опыте и впечатлениях.

Там и только там они могут найти временное убежище плюс необходимую аппаратуру для биологических исследований и кибернетического тестирования. Смысл их выбора очевиден. Укрыться, получить и систематизировать данные, разобраться в себе и окружающей действительности и только на основе полученных данных принимать какие-то далеко идущие решения.

...Через пару минут, когда все системы «Дизверта» прошли тест и доложили о готовности, Вадим, сверившись с показаниями «НАВАКСа»[25], проложил курс, позволив автопилоту начать движение.

Его путь вел на юг, к месту исторической посадки колониального транспорта «Саргон».

* * *

Природа планеты радовала взгляд.

Немершеву не часто приходилось бывать на мирах, переживших войну, но не превращенных ею в техногенную пустыню.

Здесь не велись бои, об этом немо свидетельствовал вековой лес, через который в нужном направлении вела едва приметная древняя дорога, когда-то проложенная по широкой просеке, а сейчас порядком заросшая. В лесу было сумеречно. Земные виды хвойных растений соседствовали с широколиственными деревьями неизвестного Вадиму вида, он наблюдал результат многовекового синтеза двух биосфер, – редчайший случай, когда формы жизни различных планет соседствуют друг с другом, образуя гибридную экосистему.

Кое-где из-под опавших листьев, хвои и мха колеса внедорожника обнажали пожелтевший от времени стеклобетон. Этот материал нехарактерен для колоний Первого Рывка, значит, дорогу через лес проложили во времена войны. Такое наблюдение заставило Вадима проявлять больше осторожности. Дорогу не прокладывают просто так, она, как правило, соединяет между собой объекты инфраструктуры, в данном случае военной, и лесная чаща могла таить множество непредсказуемых

сюрпризов.

Увеличив радиус действия сканирующего комплекса, Вадим не выключил автопилот, – при появлении неожиданных препятствий автоматика справится с управлением, а вот у него руки и разум должны быть свободны для мгновенного противодействия. Конечно, кибернетическая система внедорожника далека от совершенства боевых автопилотов, но с элементарными операциями вождения справится.

Он проверил экипировку, поправил дыхательную маску защитного костюма, протянул руку и машинальным движением активировал питание лежавшего между передними сиденьями короткоствольного штурмового автомата системы Ганса Гервета.

Дорога тянулась мрачная, унылая, по последним наблюдениям, лес уже не казался Вадиму таким безмятежным и привлекательным, напротив, чаща деревьев приобрела неуловимый зловещий оттенок. Пока что ему не попадались относительно свежие свидетельства каких-либо инцидентов, связанных с реликтовыми кибермеханизмами, но и дорога не производила впечатления часто используемой магистрали, так что тишина оставалась обманчивой, настороженной.

* * *

Предчувствие не обмануло капитана Немершева: спустя полчаса внедорожник внезапно выехал на свежую прогалину, образованную поваленными деревьями.

Исполинские стволы упали в разных направлениях, лишь по случайности не перегородив дорогу, некоторые были выворочены с корнем, иные расщеплены, сломаны на высоте двух-пяти метров, листва и хвоя успели почернеть, дорогу устилали срубленные осколками ветви, взгляд постоянно фиксировал множество характерных пулевых отметин, автопилот машины нервно взвизгнул предупреждающим сигналом, обнаружив под слоем ветвей хаотично разбросанные воронки.

«Дизверт» притормозил, затем остановился.

Сканирующий комплекс продолжал обшаривать лес потоками излучений, кое-где на электронной карте локального участка лесного массива алыми засечками проступили скопления металла, но активных сигнатур сканерам обнаружить не удалось.

Событие произошло достаточно давно, может, год, а быть может, и несколько лет назад.

Немершев решил осмотреть прогалину. Следовало понять, с какими видами боевой техники он может столкнуться.

Покинув салон, он ступил на хрусткий ковер ветвей, упруго проминающихся под ногами.

Первый же поваленный ствол дерева поведал ему о многом. Кора была содрана, потемневшая древесина лохматилась щепой, выбитой попаданиями пуль. Он сразу определил, что тут использовалось стрелковое оружие двух эпох, некоторые отметины принадлежали шариковым боеприпасам от импульсных винтовок, иные же были оставлены попаданием классических пуль, очевидно от «АРГ-8» – основного типа стрелкового оружия, которым оснащались колониальные транспорты.

Значит, здесь машины сошлись в схватке с людьми... Вадим сориентировался по показаниям кибстека, направившись к ближайшему, зафиксированному сканерами «Дизверта» скоплению металла.

Как он и ожидал, поверх ветвей, прижатый упавшим стволом дерева, на земле лежал изрешеченный пулями человекоподобный сервомеханизм. По логике вещей Немершев ожидал увидеть пехотного дройда из состава механизированных серв-соединений Альянса, но ошибся.

«Хьюго-БД12»!

Вот это неожиданность!

Хотя «Хьюго» ли это?

Вадим присел на корточки, внимательно осматривая андроида. Да, вне сомнений модель «Хьюго», даже порванная пулями пеноплоть по цвету и фактуре соответствует. То, что в руках бытового андроида оказалось оружие, Вадима не удивило. Всем известно, что машины данной серии обладали тремя степенями программной свободы. На третьем уровне бытовой сервомеханизм значительно расширял список исполняемых задач, становился жестко привязан к определенному человеку, которого воспринимал как своего хозяина, и мог применять оружие, защищая его.

Однако в конечностях дройда оказалась вовсе не «АРГ-8», а «ИМ-12», в то время как отверстия в корпусе – следствие попаданий классических боеприпасов.

Интересно получается. Андроид не защищал людей, а напал на них? Почему? Или тут сошлись в бою две группы людей при поддержке принадлежавших им дройдов?

Это нужно выяснить.

Вадим отложил автомат и точными движениями освободил от фиксаторов неприметную вставку на одном из кожухов машины.

Перед ним открылась панель программатора, с которой человек, хозяин андроида, мог вручную задать желаемый уровень программной свободы для сервомеханизма.

Осмотр панели убедил Вадима в ее полной нефункциональности.

Бутафория.

Другой на его месте не заметил бы подделки, но капитан Немершев не мог пропустить некоторые детали, свидетельствующие о том, что с данной панели управления вообще невозможно задать ни одной программной последовательности. Пришлось смотреть дальше: он вскрыл грудной кожух машины, под которым скрывался главный сервомоторный узел и ядро системы, заключенное в сферу из дымчатого бронепластика.

Пули, изрешетившие дройда, превратили аппаратную архитектуру в осколки, но и по ним Вадим смог установить наличие незначительных, незаметных для неискушенного человека изменений, внесенных в принципиальную схему кибернетического механизма.

Лишние микрочипы, вставленные в резервные гнезда, не имели вообще никакой маркировки, с уверенностью судить об их истинном предназначении можно было бы только после лабораторного исследования, но многолетний опыт подсказывал Немершеву: все это неспроста. Он не верил в совпадения. Подобную картину он уже наблюдал на Элио, а перед этим еще в ряде случаев, когда приходилось обезвреживать незаконно модернизированных андроидов, которых хозяева использовали как вооруженных телохранителей. Во всех случаях модули с нештатными боевыми программами устанавливались в резервные слоты.

Зачем? Зачем колонистам модернизировать дройдов, которые и без того могли быть использованы в качестве боевых единиц, по крайней мере в тех случаях, когда их хозяевам грозила непосредственная опасность? Хороший вопрос. Запреты и фобии, порожденные Галактической войной, на Саргон не распространялись, и Вадим не находил разумного объяснения увиденному.

Либо я неправильно трактую все, что тут произошло, – подумал он, приступая к более тщательному осмотру прогалины.

Четверть часа спустя перед ним начала проясняться картина боестолкновения. Он осмотрел еще несколько андроидов, но изучение их останков не дало ему новой информации. Зато в стороне от скоплений металлокерамики Вадим внезапно сделал очень важное и одновременно зловещее открытие, заставившее его задуматься.

Конечно, приступая к детальному осмотру места давнего боестолкновения, Немершев не исключал, что помимо кибернетических устройств здесь могут находиться и останки людей, но действительность преподнесла ему неожиданный сюрприз.

Он на самом деле наткнулся на останки, но они не принадлежали

человеку!

Первый скелет Вадим обнаружил у дороги. Ему на миг стало жутко – существо сидело, прислонившись спиной к вывороченному с корнем дереву... Немершев заметил тусклую желтизну черепа, на котором еще угадывались фрагменты разложившейся плоти.

Он подошел ближе.

Открывшаяся взгляду картина на миг заставила его усомниться в здравости собственного рассудка. Если бы не показания специального сканера, он бы сказал, что видит человеческий скелет с явными следами некогда живой плоти. Однако выяснилось, что материал костей и черепа (после взятия и анализа пробы) хоть и имел органическую основу, но все же являлся искусственно созданным. Именно сочетание двух материй, столь нехарактерное для человека или механических человеческих подобий, породило прокравшийся вдоль спины Вадима холодок.

Дальнейшее сканирование лишь усугубило ощущение нереальности: с расстояния в несколько метров приборы упорно утверждали, что скелет принадлежит человеку! Но Вадим уже знал, что это не так!

Преодолев эмоции, он вновь подошел ближе.

Устройство дистанционного анализа данных по-прежнему не находило различий между исследуемым остовом и человеческим скелетом.

Это значит, что ни один стандартный сканер любого космопорта не сможет заметить разницу?

Столь совершенная маскировка мгновенно породила в рассудке цепочку далеко идущих и не слишком приятных рассуждений.

Присев, Вадим внимательно осмотрел останки.

Явно не механизм. Нет сервоприводов, не видно кибернетических компонентов.... Еще одна бросившаяся в глаза странность – кожные покровы не сохранились, а вот ткань мускулов была разбросана вокруг – видимо, здесь пытался поживиться какой-то зверь, обглодавший скелет, но не сожравший плоть, а лишь разбросавший ее в радиусе нескольких метров.

Наверное, хищник был не один. Вадим с трудом мог представить, что происходило тут некоторое время назад.

Он активировал портативный анализатор и снова взял несколько проб.

Ответ не добавил ясности, а лишь усугубил впечатление.

Неизвестное органическое вещество биосинтетической природы.

Почему анализатор выдал столь туманный ответ? Вадим мог допустить, что память прибора не содержит конкретной органической формулы, но откуда тогда вывод о биосинтетической природе материала?

Просмотрев подробные данные, он понял, на чем основывалась система анализа. Формула органического соединения действительно была неизвестна, но в ее основе лежал лайкорон – материал, не существующий в природе, получаемый только в лабораторных условиях путем *выращивания*тканей на основе особых генетических образцов, созданных искусственно.

Эти данные заставили его задуматься. Он попробовал представить себе облик существа и пришел к выводу: оно будет неотличимо от человека. Анатомическое строение, по всей вероятности, соответствовало, значит, при наличии собственной температуры тела и живых кожных покровов, данное создание можно назвать не машиной, но искусственным человеком?

Требовалось понять: что руководило действиями этого существа? Биологический мозг или кибернетическое ядро, спрятанное под защитой черепной коробки из металлокерамического сплава?

Вадиму не оставалось ничего иного, кроме вскрытия. Он находился в состоянии информационного шока, уйти отсюда, не разобравшись в деталях внезапно сделанного открытия, было выше его сил, да и противоречило здравому смыслу.

* * *

Черепная коробка скрывала разложившиеся останки нервных тканей. Немершев не чувствовал запаха, но инстинктивно представил его, с трудом подавив внезапный, сжавший горло спазм.

Преодолев дурноту, Вадим проявил упорство и был вознагражден еще одним ошеломляющим открытием: сканер зафиксировал примерно три десятка микроскопических модулей, едва различимых невооруженным глазом. Они были имплантированы в биологический мозг.

Немершев отошел на несколько шагов и отвернулся, с трудом подавив в себе желание сорвать дыхательную маску, чтобы иметь возможность вдохнуть полной грудью.

Все, что он увидел, плохо укладывалось в рамки его жизненного опыта, не находило аналогов среди известных технологий.

Он нашел нечто неизвестное: останки принадлежали не машине, но и не человеку.

Искусственный скелет, биосинтетическая мускулатура, живые кожные покровы, наличие внутренних органов, живой мозг с имплантированными контроллерами...

Биоробот?

Или все-таки искусственный человек? А быть может, перед ним останки *киберхага?*

Можно сколько угодно разбираться в строении неведомого существа, но пока не станет ясно, как формировалась его личность и была ли она вообще, вопрос – биоробот это, киберхаг или искусственный человек, – не получит ответа.

Сейчас Вадиму оставалось только одно – собрать максимум данных, не пренебрегая ни одной мелочью, способной пролить свет на происходившие тут около года назад события.

* * *

На скрупулезное исследование прогалины ушло несколько часов, но в результате Немершев смог составить достаточно ясную картину событий.

Теперь Вадим уже не сомневался, что приподнял завесу тайны, ключ к которой ему только предстоит отыскать. Первое, что он понял, – нападавшими были люди. Они устроили засаду, разместив на деревьях вдоль участка дороги взрывные устройства. Андроиды, которые по логике должны были выступать на стороне людей, являлись их противниками, они составляли смешанную группу, в которую входило десять кибермеханизмов и пять загадочных человекоподобных существ.

Их уничтожили безжалостно и, вероятно, с большими потерями. Количество отметин, оставленных шариковыми пулями, выпущенными из импульсного оружия, свидетельствовало, что, несмотря на внезапность нападения, передвигавшийся по дороге отряд оказал яростное сопротивление.

Глава 6

Планета Саргон. Восемь часов спустя...

Близился вечер, когда «Дизверт», двигаясь по древней дороге, миновал редколесье и оказался на границе двух пространств: лесной массив остался позади, сразу за опушкой начинались терраформированные территории, очевидно, в прошлом здесь располагались сельскохозяйственные угодья, о чем свидетельствовали старые разрушенные временем постройки.

Вадим подумал, что неплохо было бы осмотреть заброшенные здания до захода солнца, ему требовалось больше информации о людях, населявших колонию, ведь вскоре ему придется встретиться с ними, а он практически ничего не знал о нравах местной цивилизации. В этом мог существенно помочь осмотр древней агротехнической фермы. Немершева интересовали любые свидетельства, способные пролить свет на историю Саргона. Капитан подозревал, что современный конфликт имеет исторические корни, связанные с тяжелым наследием Галактической войны. К тому же следовало оценить уровень технического оснащения поселенцев.

Свернув в сторону построек, он вскоре выехал на единственную улицу небольшого поселка. Он ожидал увидеть подле домов старую технику, но ошибся. Типовые двухэтажные коттеджи, обнесенные высокими оградами из бетонных блоков, выглядели нежилыми: выбитые стеклопакеты в окнах, сорванная пластиковая черепица, трещины в стенах, местами разрушенные блоки оград – все говорило о том, что поселение покинуто давно.

Он остановил машину возле крайнего дома. Ворота, ведущие во двор, были приоткрыты. Вадим боком протиснулся в полуметровую щель между массивными створами, почему-то не удивляясь излишней на первый взгляд фундаментальности ограды, – после увиденного в лесу он ожидал чего-то подобного, однако, окинув взглядом пустой двор, не нашел видимых признаков поспешного бегства людей или, наоборот, свидетельств долгого противостояния.

Тишина, запустение, отсутствие обычных для покинутого населенного пункта свидетельств былой жизни настораживали.

Ко входу в дом вела массивная бетонная лестница в пять ступеней, без перил. Металлическая дверь поддалась не сразу, Вадиму пришлось

прилагать усилия, прежде чем она скрипнула, нехотя открываясь; протяжный звук прихваченных коррозией петель нарушил вечернюю тишину, прозвучав громко и жалобно.

Оказавшись внутри, Немершев понял, что зря рассчитывал найти тут признаки внезапно остановившейся жизни. Комнаты были пусты, ни мебели, ни элементов информационной структуры, ни случайно забытых вещей, только голые стены да осколки битого стекла.

Создавалось впечатление, что люди покинули поселок организованно, увозя с собой все, что представляло хотя бы минимальную ценность.

Плановая эвакуация?

Голые стены с ободранной облицовкой и пустыми каналами для кабелей не могли однозначно ответить на этот вопрос. Демонтаж энергетических и информационных коммуникаций даже при эвакуации казался мерой излишней. Может быть, позже, после ухода населения, здесь поработали мародеры?

Непохоже. Аппаратура демонтирована аккуратно, на полу при самом тщательном осмотре он не заметил даже случайно оброненного винтика.

Осмотрев дом, Вадим вышел на улицу. С крыльца открывался вид на такие же пустынные дворы соседних строений, где также не наблюдалось следов бегства или поспешной эвакуации, только принесенная ветром пожухлая листва, скапливавшаяся не один год, вносила в серое уныние потрескавшегося бетона скупое разнообразие красок.

Он внимательно изучал доступные взгляду окрестности, решая, как поступить дальше, когда внезапно почувствовал легкий холодок, проскользнувший вдоль спины.

Для тревоги, конечно, имелись причины. Интуитивное ощущение опасности, проскользнувшее легким ознобом, заставило Вадима машинально присесть, и пуля, с глухим ударом выбившая несколько кубических сантиметров бетона на уровне головы стоящего человека, бессильно ушла в визгливый рикошет.

Несмотря на внезапность, он точно определил направление стрельбы. Оказывается, сонное запустение брошенного поселка ничуть не успокаивало его, напротив, Вадим подсознательно ждал какого-то подвоха и не ошибся.

Несколькими секундами позже он уже стоял под стеной, вне поля зрения таинственного стрелка.

Сердцебиение участилось, а вот ощущение пристального взгляда со стороны исчезло.

Вадим соединился со сканирующим комплексом «Дизверта».

Аппаратура зафиксировала выстрел, подтвердив направление и дистанцию огня.

Стрелка надо брать. Кем бы он ни был, машиной или человеком.

Немершев наметил безопасный маршрут, ведущий к цели под прикрытием высоких бетонных заборов.

«Зайду в тыл. Хотя, если стрелял кибермеханизм, маневры вряд ли помогут. Машины не промахиваются... – напомнил себе Вадим. – Но что тут делать человеку?» – подумал он, рывком пересекая единственный открытый участок на пути к цели.

Выстрела на этот раз не последовало.

* * *

Несколькими минутами позже Немершев оказался у цели.

Как и предполагала компьютерная модель поселка, созданная по данным сканирования кибернетической системой «Дизверта», таинственный стрелок затаился на втором этаже одного из типовых строений.

Опять бетонный забор, такой же серый, безликий, как и все остальные, слишком высокий, чтобы нормально вписываться в первоначальную архитектуру опрятного коттеджного поселка, но все же недостаточно мощный, чтобы послужить серьезной преградой для кибернетических механизмов.

Впрочем, оценив обстановку, Немершеву пришлось изменить первоначальное мнение. Андроид, конечно, без труда поднимется на трехметровую высоту, но спокойно перемахнуть через гребень забора не сможет – поверху располагались системы датчиков, на этот раз вполне исправные, излучающие в различных диапазонах сканирования. Вспомнив широкий пустынный двор, Вадим понял: у стрелка, затаившегося в доме, есть все шансы доставить непрошеному гостю кучу неприятностей.

Знать бы точно: человек там или машина?

Рискнуть? Все равно, кто бы там ни был, он знает о моем приближении.

Немершев прошел вдоль забора до самых ворот, которые оказались плотно сомкнутыми.

Множество внезапно заработавших сканеров создали плотную засветку, встречное излучение блокировало работу систем обнаружения, интегрированных в экипировку Вадима.

Оценив ситуацию, он на миг задумался. Если перед ним не случайная позиция, а постоянное убежище, почему при наличии систем раннего

обнаружения на периметр элементарно не установили несколько автоматических турелей?

Нет в наличии? Или все же дом необитаем? Откуда в таком случае обилие сканеров?

Пришлось рисковать. Иного выхода он не видел. Окрестности стремительно погружались в плотные серые тона подкравшегося вечера, и стрелок, невзирая на обилие датчиков, наверняка контролирует ситуацию визуально.

Немершев заметил щель под воротами. Сантиметров пять, не более. Достаточно, – он извлек из клапана экипировки два одинаковых на вид шарика небольшого размера. На самом деле под тускло-серыми оболочками были заключены два разных устройства – генератор электромагнитного импульса и светотермический заряд. Одно гарантированно воздействует на кибермеханизм, второе на время ослепит человека.

Метнув обе микрогранаты в щель под воротами, Вадим мысленно отсчитал три секунды и начал вскарабкиваться на стену, пользуясь молекулярным составом, нанесенным на ладони специальных перчаток. Автомат он вынужденно закинул на спину.

До края забора оставалось полметра, когда во дворе полыхнул сдвоенный взрыв. Вокруг на секунду стало светло, как днем, предметы и постройки отбросили резкие черные тени.

Он привычным, отработанным до полного автоматизма движением перекинул тело через гребень забора, сгруппировался и, мягко приземлившись на ноги, тут же перекатился в сторону, с таким расчетом, чтобы уйти с линии огня, блокировав направление выстрела стенами дома. Стрелку теперь придется по пояс высунуться в окно, чтобы открыть себе сектор обстрела.

Выждав пару секунд, Вадим, прижимаясь к стене, медленно, бесшумно двинулся к дверям.

Вот и крыльцо.

Немершев приготовился рывком открыть дверь, когда за его спиной внезапно раздался отчетливый голос:

– Не двигайся!

Проклятье... Он сместил палец на сенсорную гашетку автомата. Посмотрим, у кого лучше реакция...

Уже начав резко разворачиваться, одновременно смещаясь вбок, Вадим услышал сухой щелчок выстрела, боковым зрением успел зафиксировать облачко бетонной пыли, выбитое из стены на том месте, где

он только что стоял, и, наконец, увидел таинственного стрелка.

Старушка... Сгорбленная старушка, одетая в непонятные лохмотья, божий одуванчик с импульсной винтовкой в руках!..

Вид противника мгновенно спутал все планы. Вместо короткой автоматной очереди он сделал прямо противоположное, – продолжая смещаться, резко нырнул за угол дома, прижавшись к стене под аккомпанемент второго выстрела, оставившего глубокую выщербину в сером бетоне.

Старушка стреляла строго в голову, но ее реакция все же запаздывала почти на секунду.

– Бабушка... – Вадим понимал, что данный узел нужно развязывать языком, а не рвать зубами. – Я, между прочим, просто проезжал мимо!..

Тишина.

– Ну да. А мне откуда знать?

– Чем же тебя люди так обидели?

– Докажи, что ты человек.

– А кто же я? Разве не видно?

– Не видно. Может, и человек. А может, киберхаг. Был бы человеком – не ехал бы из леса.

– Ну, ситуации разные бывают. Что, если я не из вашего мира? Торговать прилетел... Откуда я знал, что из леса у вас появляться не принято?

*Киберхаг...*Оброненное ею слово звенело в рассудке.

– Может быть, повременим со стрельбой? Разве непонятно, что я человек?! Какие нужны доказательства?!

– Оружие брось. И выходи медленно.

– А если откажусь? – Вадим не мог поручиться, что старушка в своем уме. Где гарантия, что она не всадит в него пулю?

– Тогда один из нас умрет.

Проклятье...

– Нет, так не пойдет. Я говорю и действую, как человек. Разве это незаметно?

– Они тоже прикидываются людьми. Пока не отсканирую тебя, не поверю.

Нормально. Против экспресс-сканирования Немершев не возражал, но...

– Сканер есть?

– Да.

– Тогда встречное предложение: бросаем оружие одновременно.

Идет?

– Надеешься на свое проворство, киберхаг?

– А что, слишком самонадеянно? – Вадим поймал себя на том, что начинает заводиться.

– Посмотрим, – голос пожилой женщины стал скрипучим. – Я согласна. Бросаем оружие.

Вадим молча отшвырнул автомат, дождался глухого лязга ударившейся о бетонное покрытие двора импульсной винтовки и сделал шаг, выходя на открытое пространство.

* * *

Она приближалась медленно, настороженно.

Седые волосы, собранные в узелок нехитрой прически, выбившаяся прядь, морщинистое лицо, лихорадочный блеск в глубоко запавших глазах, сгорбленная фигура, – облик старушки никак не сочетался с ее образом действий. Немершев поймал себя на мысли, что в людном городе прошел бы мимо, не заметив ее в толчее. Однако здесь, в безлюдном регионе, восприятие резко менялось. Судя по всему, они являлись единственными представителями рода человеческого на многие километры вокруг...

Что же творится на планете, если...

– Спрашиваешь себя, почему я так убого одета? – Теперь она смотрела на него твердым, холодным, оценивающим взглядом.

Нет, она не безумна. По крайней мере самоконтроль ей не чужд...

– Действительно, почему? – Вадима, откровенно говоря, интересовали совсем другие вопросы, но не поддержать разговор было бы глупо.

– *Они*не очень умны. Часто оценивают человека по внешности. А внешность обманчива.

Старушка подошла совсем близко, в ее руке действительно был сканер, а не импульсный пистолет, как опасался Вадим.

Древний прибор. Наверняка малоэффективный. Как бы она ни приняла мой имплант за недопустимое расширение рассудка...

Женщина подняла сканер, удерживая его на уровне подбородка Вадима, чуть под углом, чтобы зона охвата сканирующего излучения проходила через его голову, несколько секунд пытливо всматривалась в крошечный дисплей, а затем вдруг вздохнула, опуская прибор.

– Ты не киберхаг. Извини, что чуть не убила, – она наклонилась, поднимая импульсную винтовку с оптико-электронным комплексом снайперской стрельбы, и добавила: – Меня зовут Хельга. Пойдем в дом, нечего торчать на улице.

– Как ты определила, что я не киберхаг?

– Сканер не зафиксировал излучения микромодулей, – скупо ответила Хельга. – Поторопись, находиться на улице опасно.

Вадим молча подобрал автомат, решив не отказываться от настойчивого предложения. Во-первых, ему было любопытно. Во-вторых, Хельга могла дать ему столь необходимую информацию. Ну и, в-третьих, бросать пожилую женщину один на один с ее проблемами было бы для капитана Немершева *неправильно*, с точки зрения жизненных принципов.

– Меня зовут Вадим. Теперь, когда все недоразумения сняты, можно спросить: почему ты в меня стреляла?

– Ты что, действительно не из нашего мира? – спросила она, отпирая двери дома.

– Я же сказал.

– Да, дела... – она толкнула дверь, но, прежде чем войти в дом, на секунду задержалась, окинув окрестности беглым, но пристальным взглядом. – Кто ж тебя, горемыку, так подставил?

– В смысле? – не понял Вадим.

– В прямом. Разве можно высаживать человека на территории *нелюдей*? – последнее слово она прошипела, вложив в него неизмеримую долю ненависти и презрения. – Что, через космопорт никак? Или от тебя хотели избавиться?

– Не думаю, – ответил Вадим, с интересом осматриваясь вокруг.

Дом явно оставался жилым на протяжении многих лет, внутри было чисто, присутствовала кое-какая мебель, проводка и компьютерные терминалы не демонтированы.

Пока он осваивался, Хельга подошла к панели управления домашней киберсистемой и касанием сенсора опустила массивные бронежалюзи. Автоматически включился свет, на двух вмонтированных в стену резервных дисплеях появилось изображение, передаваемое с видеодатчиков периметра.

– Пойду переоденусь. Подожди тут и ничего не трогай.

Вадим кивнул. События принимали все более неожиданную окраску. Подъезжая к поселку, он и помыслить не мог, что здесь возможна столь удивительная встреча. Хельга показалась ему не просто странной, сначала он решил, что старушка не в своем уме, потом у него проскользнуло запоздалое подозрение, но и оно не выдерживало критики...

Немершев сел в старое, местами потертое кресло. Кибернетических систем Хельга не опасалась. Если бы у нее была серьезно нарушена психика, то фобия распространилась бы на все машины без исключения.

Она же боялась и ненавидела конкретную модель, обозначенную термином «киберхаг».

Сделать интуитивный вывод оказалось несложно, в памяти были свежи воспоминания об увиденном в лесу. «Хотя спешить не следует», – мысленно одернул себя Вадим.

С шелестом скользнула по направляющим дверь, и в гостиной появилась Хельга.

Да, первое впечатление ой как обманчиво! Лохмотья старили ее, сейчас перед Вадимом возник совершенно иной образ, – почему-то вспомнилась виденная по сферовизору реклама, где добрая, заботливая бабушка наливает внукам синтетическое молоко.

Однако стоило им встретиться взглядами, как глупые ассоциации тут же исчезли.

Глаза Хельги остались прежними: в них читался глубокий холод, не ощущалось тепла, но взгляд не отталкивал, он как будто пронзал насквозь.

– Есть хочешь? – без лишних церемоний спросила она.

Вадим отрицательно качнул головой. Он не знал, как может подействовать на его организм местная пища, и экспериментировать не собирался.

– Я сыт, спасибо.

– А я голодна, – она, вопреки ожиданию Вадима, не стала обращаться к панели управления бытовым кибернетическим комплексом, просто открыла небольшую упаковку и выщелкнула из нее несколько капсул.

– Пищевой концентрат?

Хельга кивнула.

– Я знаю, у тебя куча вопросов. Но почему я должна отвечать на них?

– Не настаиваю, – пожал плечами Вадим. – Хотя не стану скрывать, информация мне не помешает.

– Ты действительно торговец?

– Не совсем, – Вадим запомнил ее проницательный взгляд и решил не рисковать. – Я свободный человек. Путешествую по разным мирам. Иногда на самом деле торгую.

– Странный ты. Может, и впрямь с другого мира... Я думала – киберхаг, но ошиблась. Хотя раньше интуиция меня не подводила.

– А кто такие «киберхаги»?

– Не знаешь?

– Нет. Наверное, если бы знал, то остерегся. Здесь что, вот так запросто можно получить пулю в голову?

– Пуля не худшее из существующих зол, – произнесла Хельга. –

Ладно, я, видимо, должна перед тобой извиниться. Действительно могла убить. – Она вдруг умолкла и некоторое время сидела, глядя в одну точку. – Будет лучше, если расскажу... – казалось, она разговаривает в данный момент сама с собой. – Тебе ведь тоже может встретиться киберхаг...

– Вы живете тут? В поселке? Почему люди покинули его?

– Хочешь обращаться ко мне на «вы»?

– Машинально вырвалось.

– Не нужно. Я начинаю ощущать себя старой. Просто – Хельга, договорились? Не люблю вспоминать о возрасте, – она говорила короткими, отрывистыми фразами. – Нет, живу я не тут. В городе. Когда-то это – она обвела неопределенным жестом окружающую обстановку, – было моим домом. Потом появились машины... Чужие машины, вслед им пришли киберхаги, и все рухнуло... Только тогда мы еще не знали об этом...

– Давно?

– Что давно?

– Когда это случилось?

– Много лет назад. Не скажу точно. Потеряла счет.

– Машины напали на вас?

– Нет. Они появлялись и исчезали. Сначала мы думали, что дройды приходят с какого-то законсервированного и утерянного склада, даже пытались найти его, но безрезультатно. А киберхагов мы тогда еще не умели распознавать. Они совсем как люди. Только без души.

– А что им было нужно?

– Наши жизни.

– Не понимаю... – Вадим с трудом вникал в туманную, обрывочную информацию. Он боялся, что Хельга может пуститься в пространные воспоминания, не относящиеся к сути интересующей его проблемы, и потому задавал встречные вопросы, чтобы удерживать разговор в нужном русле.

– Они охотники за рассудком. – Хельга нервно поежилась. – Все, у кого есть импланты, попадают под их власть. Рано или поздно, но попадают.

– Они воздействуют на рассудок человека?! Через имплант, я правильно понял?..

– Да, – глаза пожилой женщины потемнели. – Не знаю, не спрашивай, почему это происходит. Техническая сторона мне неизвестна. Зато я знаю другое... – Она вдруг замолчала и отвернулась.

Вадим на этот раз воздержался от наводящих вопросов.

– Я безумна... – тихо произнесла Хельга. – Безумна, понимаешь? Они

пытались украсть мой рассудок, но что-то не получилось... С тех пор память и разум временами изменяют мне. Все становится блеклым, нечетким, я сама не знаю, что делаю... Потом сознание возвращается. Знаешь, как это страшно? Понимать, что у тебя никого нет, что ты сам почти бездушная кукла...

– Поэтому ты приходишь сюда? – спросил Вадим, не зная, как можно ободрить или утешить Хельгу.

– Да. Я прихожу в этот дом... Не хочу, но прихожу, когда сознание становится расплывчатым, рыхлым. Потом рассудок проясняется, тогда я беру оружие мужа и брожу по окрестностям. Иногда мне везет... Но чаще – нет. Встретить киберхагов стало сложно. Люди наконец прозрели и истребляют их, где только могут.

– Я слышал, что в твоем мире идет война. Это война людей и машин?

– Да. Кто тебе рассказал?

– Знакомый торговец. Он привез меня на вашу планету. Значит, киберхаги и человекоподобные сервомеханизмы вторглись к вам с Нормана?

– Да. Но я впервые услышала об этом недавно. Раньше мы считали, что их гнездо где-то тут, в лесах. Никто не думал, что они с другого мира.

– Хельга, а ты знаешь, зачем они это делают?

– Они не люди. Им незнакома жалость. Машины в оболочке из плоти.

– Странно все это. – Вадим понял, что сидит не меняя позы, словно его заморозили в кресле. Мышцы спины одеревенели от напряжения.

– Что странно? – Хельга повернула голову, пристально посмотрев ему в глаза.

– Я знаю машины. Мне совершенно непонятно, зачем им понадобилось лишать людей рассудка. В этом нет присущей киберсистемам логики...

– Логики? – она хрипло рассмеялась. – А много ли ее в нашей жизни? Я тоже не понимала – зачем и за что? За что убили мою семью? За что сделали меня вдовой, да еще и умалишенной? Мне очень хотелось найти ответ... Очень... – повторила она. – Я даже пошла учиться. Поборола свой страх перед машинами и получила специальность техника. Пока была молодой, припадки случались редко. Я искала, но так и не нашла ответ. Потом мне все отлилось сполна. Пришла бессонница. Я стала нервной, провалы в сознании случались все чаще, я потеряла счет времени и уже не могла вспомнить, сколько мне лет. Даже сейчас за спиной толпятся призраки. Они спрашивают: «Почему?» Но ответа им нет.

– А что говорят в колонии?

– Ничего, – покачала головой Хельга. – Город живет своей жизнью. Новое поколение уже выросло, оно не помнит прежних времен. Для них война – нечто само собой разумеющееся, данность...

Сбивчивый рассказ Хельги оглушил Вадима.

Многое оставалось непонятным, ему казалось, что, выслушав ее, он не приблизился к ответу на вопросы, а, напротив, еще больше отдалился от истины, словно заблудившийся путник, пытающийся найти дорогу в глухом лесу. Минуту назад он еще видел тропку, но теперь – нет; повсюду, куда ни посмотри, лишь чаща, одинаково непроходимая со всех сторон.

– У них нет души... Нет воли к жизни, разума, воспоминаний... – Хельга говорила, не обращая внимания на глубоко задумавшегося Вадима, ей нужно было высказаться, выплеснуть копившееся внутри безумие... Видимо, в городе никто не хотел ее слушать. Потому и приходила сюда, в период помутнения рассудка, ноги сами несли ее в родной дом, где оживали воспоминания, и очнувшаяся ярость давала выход безысходности, даруя смысл существования в короткие моменты возвращения в реальность...

– Ты пыталась их понять?

Хельга вскинула голову.

– Пыталась. Я не всегда была такой, как сейчас. Этот дом набит разной аппаратурой. Мне пришлось взять в помощники двух андроидов. Они демонтировали с других коттеджей все оборудование, проводку, – каждый винтик пошел в дело. Машины не знают усталости. Я поставила им задачу, и спустя некоторое время мой дом превратился в крепость, набитую разными устройствами. Но я ничего не добилась этим, разве что создала для себя иллюзию безопасности. Киберхага невозможно обнаружить или изучить дистанционно. А живыми они не сдаются.

– Ты пробовала?

– Не раз. Они сражаются, пока не всадишь пулю им в голову. Только так можно остановить киберхага. А после этого изучать уже нечего.

– А в городе? Люди, живущие там, пытались изучить противника?

– Не знаю. Спроси у них. Они иногда делятся со мной куском хлеба, но не своими мыслями.

Немершев кивнул:

– Обязательно спрошу. – Он думал, что делать дальше, как помочь Хельге, потому что бросить ее, зная, что в приступе ярости или в припадке безумия она покинет защищенный дом и пойдет на свою страшную охоту, он не мог. В чем-то Вадим умел быть жестким и рассудительным, но не жестоким. Он прекрасно понимал, что из ее рассказа следует сделать

очевидный вывод: техническое оснащение колонии не дотягивает до минимально необходимого уровня. Их сканеры слабы, аппаратура непригодна для специальных дистанционных исследований.

Много загадок, противоречий, неточностей. Он получил информацию, но не продвинулся ни на шаг в понимании сути процессов.

«Возможно, в городе мне удастся узнать больше, но как быть с Хельгой? Согласится ли она покинуть заброшенный поселок?

А что, если не говорить ей напрямую о своих намерениях? Может быть, я смогу увезти ее отсюда, не прибегая к бессмысленным уговорам?»

– Хельга, ты поможешь мне?

– В чем?

– Я хочу попасть в город.

– Так поезжай. С пути не собьешься, дорога туда ведет только одна.

– А ты не составишь мне компанию?

– Зачем? Мне и тут неплохо.

– Я опасаюсь ехать один. После всего, что ты рассказала...

– Ты испугался? Мне показалось, что ты не из трусливых.

– Нет, ты не поняла меня. Я боюсь... ошибиться. Ведь киберхага не отличить от человека, пока он не начнет действовать, верно?

– Отличить можно. Но нужен опыт и наблюдательность.

– Если я убью человека, мне этого не простят. А если подпущу к себе киберхага, он заберет мой разум... – Вадим выразительно коснулся мягкой заглушки, закрывающей имплант. Знать о том, что он защищен от сторонних воздействий, Хельге вовсе необязательно.

«Хотя с чего я взял, что в городе ей будет лучше, чем тут?»

– Да, выбор у тебя небогатый, – внезапно согласилась она. – Почему бы тебе попросту не возвратиться к себе на родину?

– Я не могу. Откуда было знать, что тут все так сложно? Корабль вернется за мной только через месяц. Я рассчитывал за это время повидать новый мир, заключить сделку с живущими тут людьми. А видишь, как все вышло...

* * *

– Ты говоришь, убить киберхага можно, только попав в голову?

– Да.

– А выстрел в сердце не помогает?

– Тебе сложно понять. Стрелять нужно только в голову, иначе зря израсходуешь боеприпасы. Пули не останавливают их. Я видела своими глазами и не раз, они сражаются даже *изрешеченные*. Жуткое зрелище.

Одного, был случай, заблокировали в городе, он укрылся в здании и отстреливался. Потом выяснилось, что снайперы попали в него раз десять, он истекал кровью, но продолжал сопротивляться. Держался почти двое суток. Потом, когда ему все же разнесли башку, я приходила смотреть на тело. Оно усохло, будто у человека, голодавшего целый месяц, но раны уже не кровоточили, они успели зарубцеваться за это время. Теперь тебе ясно?

– Примерно, – уклонился от прямого ответа Вадим.

Ясно ему было лишь одно – он столкнулся с технологией, аналогов которой не знали и не могли предугадать в самых жестоких и пессимистичных прогнозах, относящихся к наследию Галактической войны.

Объективная информация, достаточно скупая, все же не оставляла сомнений, что таинственные «киберхаги» – результат запредельно жестоких, перешагнувших все нормы этики и здравого смысла опытов, проводимых в тайных исследовательских центрах Земного Альянса.

Немершеву казалось, что он попал в иную реальность, а может быть, видит кошмарный сон или смотрит дурной фильм на тему мифического древнего зла, неосторожно разбуженного и вырвавшегося на волю.

Угроза, после сделанного в лесу открытия и последующего общения с Хельгой, внезапно обрела материальные черты, переместившись из области смутных догадок в реальную плоскость.

Здесь, на пространстве недавно открытой колонии, потерянной во времена Великого Исхода, шла жестокая борьба, в которой не просто гибли люди – они сходили с ума, срывались в пучину безумия и ненависти, и только чудо (как теперь казалось Вадиму) спасало остальные планеты от неожиданного вторжения.

Он слишком хорошо понимал, что могут натворить точные копии человека, обладающие заранее запрограммированным навыком взлома имплантов. Как могла возникнуть подобная ситуация? Почему биологические машины, спроектированные три века назад, оказались способны влиять на современные устройства, имплантируемые людям?

Ответ был прост. Война, отбушевавшая на просторах Обитаемого Космоса, довела конструкцию имплантов до той стадии совершенства, что за три столетия после ее завершения люди не сумели придумать ничего более продвинутого, чем схема, которая была разработана военно-промышленным комплексом Альянса.

Сразу после войны никому и в голову не приходило, что нужно менять программы. В Галактике оставалось огромное количество техники военных лет, использование которой было бы немыслимо без посредничества

совместимых имплантов. Потом, когда начала возрождаться промышленность, появились новые образцы планетарной и космической техники, ее проектировали с оглядкой на устройства дистанционного доступа и управления, с которыми жили и работали несколько послевоенных поколений.

Конечно, люди не останутся беззащитными. Благодаря инциденту на Элио, меры будут приняты. Существуют дополнительные программные модули, которые устранят обнаруженные «дыры», без радикальной перестройки существующей архитектуры имплантов. Хорошо, если генерал Стангмаер сможет убедительно доказать необходимость такой модернизации, и решение примут на соответственно высоком уровне. Тогда обновление программ можно провести без лишнего шума, в короткие сроки, не поднимая паники, используя сеть Интерстар для передачи и автоматической инсталляции новых программных модулей. Все пройдет быстро и безболезненно, вопрос лишь в том, сколько времени и усилий понадобится для выработки и принятия столь радикального, ответственного решения?

«Рано ты списал себя в запас, капитан. Все не так просто, как виделось. Сунулся, теперь расхлебывай, на полпути уже не остановишься».

...Вадим покосился на Хельгу.

Она задремала. Дорога, проложенная несколько веков назад, ровно стелилась под колеса, «Дизверт» стремительно пожирал километр за километром, приближаясь к самому сердцу колонии – месту исторической посадки транспорта «Саргон», где машинами был возведен так называемый «Цоколь», огромный фундамент для будущего города.

* * *

Система спутникового позиционирования указывала, что до города осталось около ста километров.

Хельга вздрогнула и беспокойно заворочалась во сне.

Вадим посмотрел на нее. Жуткая судьба, поведанная языком коротких, но емких фраз, вызывала сострадание, собственные обиды и невзгоды, казавшиеся такими значимыми, вдруг утратили остроту, как будто стушевались на фоне ее откровения...

А сострадал ли он?

Несомненно. Но Немершев не мог полностью отдаться во власть чувств, привычка к самоконтролю не исчезла, к тому же он, впитав боль Хельги, оттолкнул ненависть, не дав ей проникнуть в рассудок и прочно обосноваться там. Поддаться напору эмоций легко, труднее будет

справиться с ними...

Мысли постепенно перекинулись на Стангмаера.

Понимал ли тот реальную степень угрозы?

Нет, – ответил себе Вадим. Генерал не осведомлен о ее масштабах. Он не знает, что инцидент на Элио – лишь частность, отголосок глобальных событий, происходящих тут. Хотя Вронин недвусмысленно намекнул, что группа, проходившая курс ускоренной подготовки на базе их подразделения, направляется сюда, в колонию Саргона.

Не слишком ли осведомленным оказался Вронин?– вновь спросил себя Вадим.

Немершев не был профессиональным разведчиком, но постоянная конфронтация с кибернетическими системами учит логике, и сейчас, переосмысливая события, предшествующие его появлению тут, он вдруг ясно увидел ту натяжку, которую не смог ощутить, действуя под давлением эмоций.

Действительно, не слишком ли легко Вронин раздобыл интересующую его информацию? Неужели Стангмаер не в состоянии обеспечить надлежащий режим секретности? И разве управление внешней разведки выпустило бы Немершева из поля зрения, позволив так запросто покинуть границы системы Элио?

Слишком гладко все сложилось. – Запоздалая мысль отдавала досадой, но изменить ход свершившихся событий Вадим уже не мог. Он лишь удивился выдержке Стангмаера и его вере.

Генерал рассчитывал на меня. Он предвидел реакцию на события и лишь слегка подкорректировал ситуацию, обратив мое своеволие в свою пользу. Знал, что я не сбегу, а попытаюсь разобраться. Не с этой ли целью лейтенанту Вронину столь явно раскрыли маршрут и задачу группы, посланной на Саргон?

Не для зачистки они сюда прибыли.

* * *

Размышления Немершева прервал дорожный знак.

Еще через километр показался второй, за ним в свет фар попал предупреждающий щит с надписью:

«Зона контроля. Внимание, при нарушении разметки огонь открывается без предупреждения».

Вадим перешел на ручное управление и притормозил, внимательно следя за указателями.

Впереди ночной мрак редел, там все явственнее проступало бледное

зарево огней большого города.

На дорожном покрытии действительно появилась разметка, стрелы, нанесенные флюоресцирующим составом, пока что указывали прямо.

Еще через десять километров впереди уже явственно просматривались отдельные огни, обозначившие громаду древнего Цоколя. Дорога вела к огромным воротам, но метрах в трехстах от них рдели предупреждающие сигналы, и ясно читалась огромная надпись «Стоп!», нанесенная поперек магистрали.

Вадим сбросил скорость и остановил «Дизверт» у черты.

Некоторое время он сидел, пытаясь рассмотреть, что происходит около ворот, но мало преуспел: массивные створы оставались неподвижны, верхняя часть Цоколя скрывалась в сумерках, которые сгущались вне освещенного фарами пространства.

Голос, внезапно раздавшийся из расположенной где-то поблизости системы громкой связи, заставил Хельгу вздрогнуть и проснуться:

– Пассажирам выйти из машины. Руки держать на виду. К вам направляется группа сканирования.

– Выходим, – Вадим ободряюще улыбнулся Хельге.

Она несколько раз моргнула, потом молча выбралась из машины и, только вдохнув прохладный ночной воздух, произнесла:

– Немного от меня было проку. Мог бы и сам доехать.

– Так спокойнее, – отделался шуткой Вадим.

Хельга промолчала.

Внезапно появившаяся в поле зрения «группа сканирования» оставила ее равнодушной, а вот Вадим был откровенно удивлен.

К ним приближались несколько животных, похожих на крупных сторожевых псов. Вместо ошейников у них были сканеры, закрепленные на специальной системе из нескольких ремешков.

Двойная проверка. Обитатели города, явно наученные горьким опытом многолетнего противостояния, научились не доверять приборам, полагаясь не только на электронику, но и на инстинкты прирученных животных.

«Интересно, – подумал Вадим, – как эти „песики“ отличают человека от киберхага? По запаху?»

Он с опаской покосился на двух представителей местной фауны, потом перевел взгляд на Хельгу, но та стояла спокойно, терпеливо ожидая завершения осмотра. Видимо, подобная процедура давно стала для нее рутинным явлением.

Наконец минут через пять, после того как четвероногие стражи

обнюхали машину, салон и багажник, раздался тот же голос:

– Можете подъезжать. Мы открываем ворота. Двигайтесь медленно, чтобы мы могли видеть, что следом за вами никто не идет.

– Почему они не поинтересовались, откуда я? – спросил Немершев, вернувшись к «Дизверту». – Или у вас навалом таких машин?

– Машин много. Разные, – скупо ответила Хельга. – А ты защитникам неинтересен. Любому человеку открыт доступ в город. У нас не принято спрашивать, откуда ты взялся.

– Даже после вторжения?

– Не понимаю. – Хельга нахмурилась. – Ты не киберхаг, и этим все сказано. Что еще нужно?

– Ничего, – Вадим понял, что избрал не лучшую тему. – Я просто поинтересовался.

– Странный ты... – она искоса взглянула на Вадима. – А в твоем мире недостаточно быть человеком? Нужно что-то еще?

На этот раз промолчать пришлось Вадиму. Благо он мог сделать вид, что сосредоточился на ручном управлении.

* * *

Город встретил их сумраком улиц. Фонари городского освещения не работали, лишь на больших перекрестках было светло, улицы же тонули во тьме, которую изредка разгонял сиротливый свет из окон.

– Куда ехать? Здесь есть гостиница, или что-то в этом роде?

– Я не понимаю тебя. – Хельга слегка пожала плечами. – Что такое «гостиница»?

– Место, где останавливаются приезжие.

– У нас так не принято. Много домов пустует. Ты можешь выбрать любую незанятую квартиру. Только нужно смотреть, чтобы дом не был разрушен, иначе не будет воды и электричества.

– Понял. А как насчет еды?

– Синтезаторы продуктов установлены в каждом доме. По одному на этаж.

* * *

Когда Вадим проснулся, Хельги в квартире уже не было.

Она не оставила ему даже короткой записки, но Немершев не удивился и не стал досадовать, в конце концов кто он для нее? Сын, брат? Случайный человек, не более.

Главное, я привез ее в город, здесь она по крайней мере может

получить необходимую помощь в случае внезапного обострения психического расстройства.

Позавтракав, он сразу же занялся делом: активировав древний компьютерный терминал, вошел в сеть города, но дальше его ждало разочарование – доступных ресурсов оказалось немного, вся информация, к которой он смог получить доступ, относилась к периоду вековой давности.

Негусто.

Связь с техническими службами Цоколя установить не удалось, и причиной тому являлась не блокировка прав доступа, а тривиальные обрывы информационных каналов. Очевидно, за техническим состоянием коммуникаций никто не следил. Знакомая ситуация. Большинство колоний времен Великого Исхода прошли путь деградации, утраты знаний. В этом повинны многие факторы. Новые поколения, рожденные в колонии, не всегда представляли себе те задачи и способы их решения, что ставили перед собой их предки. Реальность колонизируемого мира была для них данностью, они не так остро ощущали враждебность окружающего, сознание этих поколений концентрировалось не на проблемах глобальных проектов, а на личном выживании. Отсюда пагубное пренебрежение знаниями, утрата многих представлений о мире, неадекватное восприятие существующих и продолжающих функционировать в автоматическом режиме систем Цоколя.

Общая тенденция, справедливая для большинства колоний, по данным статистики, выводила следующую закономерность – уже в четвертом поколении люди (при наличии терраформированных территорий) начинали покидать город, их не интересовало незавершенное строительство первого жилого уровня, значимыми казались уже не общеколониальные проекты, а личные замыслы и перспективы.

Стихийное возникновение автономных поселений, ориентированных на ведение сельского хозяйства, сыграло недобрую шутку со многими планетными цивилизациями. Люди начинали расселяться по доступным территориям, город пустел, строительство останавливалось, но поддержание баланса между преобразованными территориями и исконной биосферой планеты, как правило, требует многовековых планомерных усилий, и печальным итогом индивидуализма в большинстве случаев являлось внезапное наступление со стороны исконной жизни, коллапс колонии, бегство людей из периферийных поселений, подвергающихся усиливающемуся прессингу экзобиологических форм.

Таким образом большинство населения колоний вновь оказывалось в городе, но теперь, утратив часть знаний, потеряв представление о

изначальной сути проводимых преобразований, они не могли, а во многих случаях и не пытались реанимировать колониальные амбиции своих предков.

Самодостаточные автоматические системы Цоколя исправно поставляли на первый жилой уровень энергию, тепло и воду, в большинстве автоматизированных поселений, как на Саргоне, сохранились системы синтеза пищевых концентратов, люди пользовались этими благами, не задумываясь, откуда что берется.

Недра технических уровней мегаполиса становились чем-то зловещим, загадочным, мелкие неполадки, возникающие в глубинах Цоколя, часто внушали страх, люди избегали рискованных, сомнительных экскурсов в глубь автоматизированных уровней, окончательно формируя неодолимый барьер между своим сознанием и функционированием сложных комплексов поддержания жизни.

В этом плане колония Саргона не являлась исключением из правил.

Размышления не мешали Немершеву работать. Он прибыл не с пустыми руками, в распоряжении Вадима был не только многолетний опыт поиска и исследований потерянных колоний, но и выработанные в ходе таких изысканий программы, способные если не восстановить глобальную сеть унифицированного Цоколя, то по крайней мере востребовать все его имеющиеся на сегодняшний день возможности.

К сожалению, компьютерные сети оказались в плачевном состоянии. Большинство доступных в прошлом соединений не отвечало вообще, к примеру, не было связи ни с одним из низлежащих технических уровней, отсутствовали данные по статистике населения и распределению жителей между существующими кварталами, зато Вадиму удалось выяснить, что часть кибернетических систем, расположенных по периметру Цоколя, вполне исправна.

Уже что-то...

Несколько часов потребовалось Немершеву, чтобы разобраться в существующих соединениях и получить доступ к современным базам данных. Как он и предполагал, некоторая часть компьютерных мощностей была восстановлена недавно. По сведениям из сети получалось, что периметр города контролируют датчики локационных комплексов, собранных кустарным способом из комплектующих, сохранивших свою функциональность на протяжении веков забвения.

Это наводило на мысль, что данные, полученные штабом флота, мягко говоря – недостоверны. По предварительной информации три звездные системы сектора поддерживали торговые отношения, образуя чуть ли не

союз. Но стоило понять, каких титанических усилий от современных жителей Саргона потребовали работы по воссозданию контролирующей периметр компьютерной сети, чтобы задать себе вопрос: почему вдруг оказались востребованы и даже жизненно важны утраченные знания?

Вторжение. Люди защищали город, постепенно понимая, что без компьютерных систем обнаружения они попросту не удержат ситуацию под контролем. В свете таких предположений информация о некоем «торговом» союзе и исключительно мирном использовании переоборудованных штурмовых носителей не выдерживала критики.

Здесь шла война, и ее инициаторы всеми средствами пытались скрыть данный факт.

На что они рассчитывали? И зачем пришельцам из другого мира понадобились не такие уж обширные жизненные пространства Саргона? Да и они ли им требовались? – спросил себя Вадим, вспомнив заброшенный, пустующий поселок.

Вопросов не убывало, а, напротив, прибавлялось.

Немершев закурил, просматривая новые данные, которые удалось получить, взломав нехитрые коды доступа к недавно восстановленным системам.

Ага, архивы, пронумерованные по датам местного летосчисления. Суточные записи сканирования? Скорее всего.

Углубившись в изучение баз данных, Вадим вскоре понял, что архивы содержат записи за последние две недели. Придется довольствоваться тем, что есть. Если полагаться на информацию, полученную от Вронина, то получалось, что группа специального назначения могла появиться тут приблизительно дней десять назад.

«Итак, меня интересуют четыре человека, словесные портреты которых известны. Группой или поодиночке они должны проникнуть в город. Придется просматривать все данные, ничего не поделаешь...»

* * *

Семь часов понадобилось Вадиму, чтобы найти искомые записи и определить место сбора группы.

Посмотрев на карту города, Немершев потянулся до характерного хруста в суставах. В двух кварталах отсюда. Конечно, если они не сменили точку дислокации.

Проверить можно двумя способами: либо организовать наблюдение, либо пойти на контакт.

Я прилетел сюда с определенной целью. Нужны ли мне свидетели?

Особенно из состава разведгруппы, присланной для зачистки?

Знают ли они о существовании большого количества киберхагов? Если да, то что им удалось выяснить? Как это повлияло на их планы? Приступили они к выполнению задания или нет?

Количество заданных себе вопросов склоняло ко второму варианту действий. Если командир разведгруппы имеет четкие инструкции на мой счет, следует выяснить это сразу, и здесь простое наблюдение ничего не даст.

Нужно попытаться установить с ними связь. В конечном итоге, я мало чем рискую. Вряд ли даже подготовленные разведчики смогут эффективно соперничать с офицером антикибернетического подразделения, когда речь идет о поиске в условиях древних коммуникаций. Отыскать двух девушек, скрывшихся в недрах заброшенного Цоколя, – задача крайне сложная. Ее можно решить только одним способом: в процессе продвижения по лабиринтам технических уровней постоянно снимать оперативную информацию с уцелевших систем слежения, реанимировать локальные сети уровней, а это потребует навыков взлома. Если командир мобильной группы здравомыслящий человек, мы найдем общий язык, если же нет, то ему придется искать уже не две, а три «иголки» в мрачных недрах Цоколя.

Приняв решение, Вадим не стал откладывать его реализацию.

* * *

Покинув приютившую его квартиру, Вадим решил прогуляться пешком, оставив внедорожник во дворе пустующего дома.

Два квартала, размеченные по масштабам первого уровня мегаполиса, расстояние не близкое, но он хотел осмотреться, не привлекая повышенного внимания со стороны местных жителей.

Днем город выглядел более приветливо, чем в сумерках. Хотя большинство возведенных машинами построек носили следы разрушений от времени, кое-где были видны застекленные окна явно обитаемых квартир, да и на улице в этот час двигалось немало людей и машин.

Город жил. Люди спешили по своим делам, проезжая часть использовалась по назначению, – за время получасовой пешей прогулки Вадиму повстречалось десятка два флайкаров и вездеходов самых разных конструкций.

Здание, где обосновалась группа капитана Доргаева, выглядело необитаемым. Немершев вычислил его достаточно просто – при помощи установленной в «Дизверте» системы «НАВАКС», получающей данные с нескольких древних спутников. Отследив и проанализировав количество

действующих на поверхности Цоколя сканирующих комплексов, Вадим нашел только два очага постоянной информационно-энергетической активности, расположенных внутри периметра следящих электронных устройств. Одно аномальное пятно располагалось ближе к северной окраине и было соединено со сканерами, контролирующими окраины города десятками недавно проложенных информационных каналов. Скорее всего там располагался штаб сил самообороны, а вот второй источник постоянных, но не так ярко выраженных сканирующих излучений позиционировался с одиноко стоящим среди руин многоэтажным зданием.

Очень удобный наблюдательный пункт.

Вадим прошел мимо недостроенной «высотки», пытаясь определить точное расположение сканеров. Меньше всего ему хотелось вступить в силовой конфликт с бойцами охранения. «Не за этим пришел», – мысленно напомнил себе Вадим, преодолевая мальчишеский соблазн внести помехи в системы сканирования и, обойдя посты наблюдения, нанести неожиданный визит людям Стангмаера.

«Нет, взаимопонимания это не добавит. Глупо», – упрекнул он себя.

Он уже прошел мимо здания, когда один из прохожих, поравнявшись с ним, вдруг внятно произнес:

– Почему не зашел на огонек, капитан? Мы тебя ждали.

Вадим, не делая резких движений, остановился, готовясь к любым неожиданностям, но плотно сбитый, крепкий парень в длинной, порядком поношенной, надетой поверх выцветшего комбинезона куртке, весело подмигнул ему, протягивая руку:

– Глеб Доргаев. Не напрягайся, мы действительно заждались.

* * *

Наблюдательный пункт располагался на верхнем этаже недостроенного высотного здания.

– Знакомься, капитан: лейтенант Ричард Дуглас, сержант Коул и наш компьютерный техник Сергей Набоков, можно просто – Серж.

Вадим поочередно поздоровался с бойцами группы Доргаева.

– Значит, ждали меня? – спросил он у Глеба, когда они отошли к краю строительной площадки, откуда открывался вид почти на всю панораму первого уровня несостоявшегося мегаполиса.

– Ждали. В прямое подчинение к тебе не входим, но рекомендовано сотрудничать.

– В вопросе ликвидации двух киберхагов?

– Ну, это тебе решать – ликвидировать их или нет.

– Почему мне?

– Приказ. Я замыслов начальства не разумею. Сказано, что ты прибудешь и примешь решение. Почему – не объяснили. А в остальном – наши дорожки расходятся.

– Информация по объектам есть? – Вадим заставил себя произнести слово «объект». Он пока не мог составить определенное мнение, насколько можно доверять капитану.

– Сложа руки мы, конечно, не сидели, но и на рожон не лезли, – ответил Доргаев. – Транспорт «Элизабет-Альфа» обнаружен примерно в ста километрах южнее города. Замаскирован, покинут.

– Есть предположения, где сейчас Лори и Эльза?

– Они в городе, если быть точнее: в недрах Цоколя на минус четвертом уровне в секторе биологических лабораторий. Ими реактивирована часть исследовательского оборудования. Единственный выход из сектора на поверхность находится как раз неподалеку отсюда. Все другие переходы перекрыты либо аварийными переборками, либо обвалами. Мы все проверили очень осторожно, с минимальным участием сканеров, чтобы не вызвать ответную реакцию. Никаких устройств сигнализации не ставили.

– Правильно сделали. Значит, ты уверен, Глеб, они до сих пор там?

– Визуальное наблюдение ведется круглосуточно. Они, конечно, могут обмануть сканеры, но не человеческий глаз. Что ты намерен делать?

– Спущусь к ним.

Доргаев пнул небольшой камушек и спросил:

– А если не вернешься?

Вадим понимал, что капитан был обязан спросить, а он должен ответить.

– Тогда – зачистка. Но я вернусь. Можешь не сомневаться.

– Хорошо. Препятствовать не буду. Контрольное время ожидания?

– Сутки.

– Ладно, капитан, – Глеб прищурился, глядя в сторону горизонта. – Твое решение. Ну-ка, взгляни, – внезапно попросил он, – у меня что-то со зрением или там какие-то точки в небе?

Немершев посмотрел в указанную сторону.

– Включи-ка сканеры. А лучше пусть твой техник свяжется с киберсистемой моей машины, сейчас дам код доступа. Сдается мне, это не птицы...

Часть вторая Киберхаг

Глава 7

Колония Саргона

То, что происходило на самом деле, не могло даже пригрезиться ни генералу Стангмаеру, ни кому-либо другому...

...Мрачные, давно забытые людьми недра Цоколя.

Уровни подземного города, куда уже сотни лет не ступала нога человека. Мир постепенно ветшающей аппаратуры, часть которой неожиданно оказалась востребована по своему прямому предназначению.

Лори сидела в глубоком кресле подле комплекса диагностической аппаратуры и смотрела на виртуальную модель собственного организма.

Ты сама хотела этого. Сама...– нашептывало подсознание, а взгляд холодел, замерзал, останавливаясь на кричащих подробностях голографической модели.

Беспощадная память хранила все иллюзии прошлого, а взгляд невольно сравнивал мечту с реальностью: лайкороновые мышцы... скрытые внутри полых костей усилители мускулатуры, микропроцессоры, чипы запоминающих устройств, анализаторы, сенсоры, все смешано в ее новом *совершенном*теле, спрятано под оболочкой живой плоти, замаскировано так, что большинство сканирующих устройств определило бы Лори как *человека*, но теперь она точно знала, что является *изделием*.

«Сплошной эрзац.

Ты хотела этого! Хотела!..

Осталась ли я женщиной?»

Безответный вопрос. Никто и ничего не объяснял ей. Она провела в состоянии небытия целую вечность – три столетия, выжила, вернее, родилась заново, сумела очнуться, чтобы узнать, насколько изменился мир, понять чудовищную разницу между наивным предвкушением чуда, порожденным лживыми обещаниями, и тем, что произошло с нею на самом деле.

«Кто я? Биосинтетическая кукла, послушная чьей-то воле, или все-таки искусственный человек?»

Ответ крылся в поступках. Поступках, которые она страшилась совершать, в эмоциях, которые держала полузадушенными, сжатыми в кулак воли.

«Чья это воля? Моя? Или это лишь программы, имитирующие поведение человека, основанные на моем сознании, которое умудрились

перенести на биосинтетический носитель?»

В том мире, который она покидала в надежде на новую жизнь, властвовал холод, вокруг царил моральный вакуум, словно все уже умерли, а время остановилось. Она боялась, что вся жизнь пройдет, как один затянувшийся миг серости, страха, одиночества. Именно эти обстоятельства толкнули ее на роковой, но сделанный добровольно шаг...

«Так. Успокойся. Вспомни, что обещали разработчики? Я – новый вид человека, неотличимый от своего биологического прототипа, но более совершенный.

Хорошо. Это лишь обещания, слова, посулы... а что получилось на самом деле?»

Лори вспомнила вспышку холодной ярости, свои рефлекторные действия – там, в пещере, на безвестной планете, и снова испугалась тех, продемонстрированных в буквальном смысле «на автомате» навыков, которых не ведала раньше.

Ей вдруг вспомнилось все от начала и до конца – как словно заново родилась в ледяном мраке и... побежала от самой себя, от собственного страха, от сотен безответных вопросов...

* * *

Эрлиза.

Двое суток спустя после нападения на конвой.

Боевой режим...

Она очнулась.

Человек, пришедший в себя после длительного криогенного сна да еще находящийся внутри не сумевшего открыться «саркофага», был бы напуган, беспомощен вследствие естественной слабости мышц, отсутствия надлежащего тонуса организма, но Лори не ощущала никаких признаков недомогания.

Более того, в ее рассудке не присутствовало ни одной панической мысли. Эмоции как будто все еще спали, в то время как разум заработал четко, мгновенно погрузившись в логику текущего момента.

Закрытая криогенная камера с истощенными источниками автономного питания не могла далее исполнять свои функции. Значит, мое пробуждение явилось экстренной, вынужденной мерой.

Равнодушная мысль. Скорее констатация факта, чем переживание.

Нужно действовать.

Несмотря на специальное антисканирующее покрытие защитного контейнера, она, пользуясь внутренними системами индивидуального

криогенного модуля, могла воспринимать некоторые проявления окружающего мира.

Например, Лори отчетливо слышала речь:

– Неволдо, фрайг тебя раздери, ну, наконец-то!

Звук приближающихся шагов, переданный внешними микрофонами, позволил ей сделать несколько важных выводов. Судя по отчетливому эху, контейнер с криогенной камерой находился в замкнутом пространстве, скорее всего естественного происхождения. В пещере имелась пригодная для дыхания атмосфера, иначе люди, вынужденные облачиться в скафандры, не смогли бы свободно разговаривать друг с другом.

– Ли, почему ты не появился в точке встречи? – Второй голос принадлежал человеку, которого звали Неволдо. Впрочем, его имя или фамилия являлись второстепенными данными.

– Мой корабль зацепило. Я не смог уйти в рассчитанный заранее прыжок. Попадание лазера повредило секцию гипердрайва. Честно говоря, вообще не думал, что смогу вырваться из системы Элио, но резервный генератор, к счастью, не пострадал. Пришлось погружаться по координатам Эрлизы, других вариантов не было.

– Ты хвост за собой не притащил? – осведомился Неволдо.

– Нет, Эрик, все нормально. Ты же знаешь конфедератов, они бы церемониться не стали. Но прошло уже двое суток, сюда никто не сунулся, значит, не смогли вычислить.

– Вероятно, ты прав. Как парни? Все вернулись?

– Шестеро из восьми, – ответил Ли и тут же сменил тему: – Ты встретился с покупателем?

– Да. Сдал груз оптом, как и договаривались. Два миллиона наличными!

– Теперь мы богаты?!

– Это точно, клянусь змеедами Прокуса! Я знал, что ты выкрутишься, и, между прочим, договорился о второй партии груза. Они будут ждать корабль через неделю, в другой точке пространства.

– Отличные новости, Эрик! Мы действительно сможем начать новую жизнь! Рассчитаемся с парнями и свалим с Окраины!

Она внимательно слушала диалог, одновременно отпирая внутренние замки, предусмотренные на случай экстренной ситуации. Внешняя оболочка при этом откроется от усилия, приложенного к верхней части криогенного модуля.

Ни одной посторонней мысли. Она не торопилась действовать. Микрофоны, кроме человеческих голосов, передавали звук сервомоторов.

Андроиды, – на слух определила Лори, зафиксировав направления, с которых доносились звуки. – *Трое*.

Сбор данных являлся сейчас первостепенной задачей.

Ее терпение было вознаграждено.

– Слушай, Ли, а какого фрайга здесь делают боевые машины?

– Я активировал их. Проверенные модели, надежные. Мой личный неприкосновенный запас. Ждать было не слишком уютно.

– Думаешь, они спасли бы тебя от конфедератов?

– От конфедератов нет, а вот от излишней назойливости наших бравых пилотов они меня оградили.

– Что, уже приходили за деньгами?

– А как ты думал? Мы им должны по сто тысяч.

– Отдадим. Они рисковали.

– Естественно. Но пока ты не появился, денег у меня не было. Пришлось подстраховаться, на тот случай, если у кого-нибудь сдадут нервы.

– Ладно, расслабься, теперь все в порядке. Сейчас рассчитаемся, а там продадим вторую часть груза – и все, прощай, Окраина!

Лори уперлась руками в колпак криогенного модуля и приложила к нему усилие, услышав, как с треском лопнула внешняя пластиковая оболочка.

...Неволдо обернулся на шум.

«Что за...» – завершить мысль он не успел: один из двух расположенных неподалеку контейнеров вдруг раскололся по линии шва, и пластиковая крышка отлетела в сторону, открывая взгляду массивный бронированный колпак, который медленно поднимался под напором неведомой силы.

Еще несколько секунд, и он встал на фиксаторы.

– Проклятье!.. – вырвался у Ли Тана изумленный возглас. – Это же криогенный модуль!

Кто бы мог подумать, что пластиковая оболочка контейнеров, через которую не проникало излучение сканеров, на самом деле окажется такой хрупкой!

В следующий миг внезапная оторопь перешла в откровенный ступор.

Из криогенного модуля поднялась молодая женщина. Неволдо и Тан многое повидали на своем веку, но в этот момент они не сумели адекватно отреагировать на внезапную ситуацию. Слишком быстро все происходило и казалось... нереальным.

Три сотни лет. Человек не может провести столько времени в

условиях низкотемпературного сна.

Лори на несколько мгновений застыла, не обращая никакого внимания на собственную наготу. Она вступила в короткую, яростную, понятную только ей схватку с тремя кибернетическими механизмами, попытавшись взломать их системы через порты удаленного доступа, но атака не увенчалась успехом. Либо механизмы имели серьезную защиту, либо у Лори не оказалось адекватных их программному обеспечению средств взлома.

Она мгновенно изменила тактику, действуя холодно, расчетливо и стремительно.

...Без видимых усилий восставшая из низкотемпературной усыпальницы незнакомка оказалась рядом с Неволдо, одной рукой сжав его горло, другой выхватив оружие Эрика, которым тот даже не попытался воспользоваться. От неожиданности он не мог преодолеть сковавший рассудок ужас, она же, не ослабляя захвата согнутой в локте руки, мгновенно скользнула ему за спину, прикрываясь, как щитом, и тут же внятно произнесла:

– Останови их.

Эрик только хватал ртом загустевший воздух. Он не мог выдавить из себя ни звука.

В пещере сухо прозвучали три одиночных выстрела.

Все произошло в считаные секунды, реакции андроидов не хватило, чтобы защитить своих хозяев. Пули остановили их, попав в уязвимые места, и тут же холодный ствол импульсного пистолета переместился к виску Тана:

– Одежду.

Ли понял: если он промедлит, она выстрелит без колебаний.

Он даже не смог выругаться в ответ на унизительное требование, страх разлился по телу волной бесконтрольной дрожи, трясущимися руками, мысленно ненавидя себя за внезапную рабскую покорность, он начал стягивать одежду, пока не остался лишь в нижнем белье.

Она ударила его пистолетной рукояткой по голове.

Сознание Тана взорвалось фейерверком искр и погасло.

Эрик почувствовал, как его начало трясти.

Холодный срез электромагнитного компенсатора коснулся его виска.

– Мне нужна информация.

– Какая?.. – хрипло выдавил он, не узнавая собственного голоса.

– Назови мне дату. Реальное время?

– Две тысячи... девятьсот... сорок третий...

– Назови ближайший форпост Земного Альянса.

– Война завершилась три века назад! Альянс капитулировал! Его больше не существует!..

– Не ори. Говори внятно. Я слышала термин «Конфедерация». Что ты знаешь о ней?

Неволдо успел прочувствовать всю абсурдность ситуации. Он отвечал машинально, изнывая от осознания своей беспомощности, не в силах сопротивляться, потому что рассудок терзала одна мысль: она выстрелит. Он не понимал, откуда у него появилась такая безоговорочная уверенность, но он заговорил, быстро и кратко излагая основные сведения о Конфедеративном Содружестве.

– Как я могу попасть на Элио? – выслушав его, спросила Лори. Полученная информация частично отвечала заложенному в ее сознание заданию. То, что планета Элио теперь стала столицей союза миров, не играло решающей роли. Она должна попасть туда и вернуться с разведывательными данными в условленную точку.

– Как мне попасть на Элио? – повторила Лори вопрос.

Неволдо абсолютно утратил волю. Он говорил такие вещи, о которых молчал бы даже на допросе, попади он в руки конфедератов:

– Есть свободная коммерческая зона. Туда может прилететь кто угодно. Она расположена на орбитальных станциях Элио...

– Дальше? Как попасть на планету? Какие нужны документы? Где их можно достать или приобрести?

– На станции... Я пользуюсь услугами одного человека. Его зовут Зик. Обычно сидит в баре. Он изготавливает статкарточки...

– Это надежный документ?

– Да!

– Коды доступа к твоему кораблю?

– Ты не запомнишь их!..

– Запомню.

– Я не знаю всех кодов!

– Вспоминай, – холодно посоветовала Лори.

– Не помню. Я пользуюсь карточкой, только ввожу пароли при активации системы. Остальные полномочия доступа подтверждаются с электронного носителя.

– Передай его мне. И назови пароли.

Он попытался вырваться, но не смог. Ее рука крепче сжала его горло, заставив выпучить глаза и беспомощно хватать ртом воздух.

– Я скажу! – Сознание Неволдо помутилось от ужаса. Он не понимал,

почему испытывает практически животный страх.

– Можешь не называть пароли, – она крепче сжала руку. – Я их уже знаю.

Эрик захрипел. Через секунду его тело обмякло, ноги подкосились, и он грузно осел на пол.

Позволив ему упасть, Лори проверила пульс, изъяла несколько карточек, мельком взглянула на кейс с наличными и, более не обращая внимания на два бессознательных тела, направилась ко второму контейнеру, который стоял рядом с ее криогенным модулем.

Взломав пластиковую обшивку, она склонилась над небольшой контрольной панелью и, сняв показания системы, поняла, что ждать осталось около четырех часов. Вторая криогенная камера также находилась в режиме аварийного пробуждения.

Такого промедления боевой режим не предполагал. Единственное, что могла сделать Лори для своей напарницы, – это передать запоминающим устройствам обслуживающей криогенную камеру киберсистемы все сведения, которые ей удалось собрать за краткий период бодрствования.

Пока шла передача данных, Лори успела одеться и отыскать комплект гермоэкипировки.

Ее заданием являлась разведка системы Элио. Эту задачу заложили в рассудок Лори три века назад, но срок давности не имел для нее значения.

Она по-прежнему не испытывала никаких чувств: надежно связав двух контрабандистов, Лори подобрала валяющуюся на полу импульсную винтовку и покинула пещеру, направляясь к транспортному кораблю класса «Элизабет-Альфа».

По счастью, снаружи царила глубокая ночь, и никто не встал на ее пути.

* * *

Смена режимов произошла внезапно.

Если говорить об ощущениях, то Лори показалось, что она получила внезапный оглушающий удар по голове.

Вернулись чувства. Она словно вторично очнулась от беспамятства, только теперь все виделось совершенно иначе, ей вдруг стало дурно от осознания всего, что произошло с момента пробуждения в криогенном модуле.

По телу ледяными волнами гуляла дрожь.

Она все еще не пришла в себя после пробуждения от многовекового сна, внезапных событий и бегства, когда автопилот угнанной «Элизабет-

Альфы» вывел небольшой грузопассажирский корабль из пространства гиперсферы в метрику трехмерного космоса.

Лори приходилось прилагать усилия, чтобы адекватно реагировать на происходящее.

Что я делаю? Зачем я бежала?

Запоздалое сожаление не могло ничего изменить. Она видела, как приближаются, растут огромные орбитальные сооружения, закрывающие вид на серо-голубой шар планеты, однако ее растерянность никак не отражалась на действиях системы автоматического пилотирования.

Корабль начал автоматический маневр сближения с одним из орбитальных доков, на информационном дисплее появились пояснения, касающиеся исполняемых действий:

«Коммерческая зона парковочных орбит системы Элио. Получено разрешение на стыковку».

Почему все так происходит?– Лори в замешательстве наблюдала, как растут, укрупняются отдельные элементы конструкций орбитального комплекса. Ей казалось, что она спит и видит сон.

Вокруг сновали сотни небольших кораблей, несколько крупных космических судов неподвижно висели в пространстве, ожидая своей очереди на парковку.

Почему меня не проверяют?

Рассудок Лори застрял в прошлом, все, что она помнила, касалось войны, но сейчас вокруг кипела совершенно иная жизнь со своими законами, которых она не знала.

Ее попытка хоть как-то осмыслить происходящее привела к внезапному включению канала обмена данными между имплантированными кибернетическими устройствами и системой космического корабля.

Лори в первый момент не поняла, откуда в ее сознании вдруг появились четкие недвусмысленные пояснения относительно правил, действующих в коммерческой зоне. Оказывается, у каждой цивилизованной планеты, входящей в Конфедерацию Солнц, есть свободный сектор, где может швартоваться любой космический корабль с зарегистрированными опознавательными маркерами. От пристального внимания служб контроля ее спасло то обстоятельство, что трюмы и несколько пассажирских кают корабля были пусты, о чем автоматика «Элизабет-Альфы» уведомила систему регистрации. По умолчании цель визита обозначалась одной фразой: «Закупка экспортной продукции». При такой формулировке пилот получал возможность совершать сделки в специальной зоне, не пересекая

границ суверенной планеты.

За те несколько секунд, что понадобились Лори для получения и осмысления информации, автопилот корабля начал процедуру стыковки.

Судя по принятым данным, она могла свободно перемещаться по сегменту орбитальной станции, совершать сделки, пользоваться гостиничным комплексом и услугами коммерческой верфи.

Единственное, что она понимала сейчас со всей очевидностью: ее пребывание в ином мире – не сон. Очнувшийся здравый смысл подсказывал, что стартовать сразу после процедуры стыковки нельзя, это вызовет подозрения, значит, нужно провести на станции хотя бы несколько часов.

А вдруг на меня обратят внимание? Или сканеры внутренней системы безопасности коммерческого сектора определят, что я... не человек?

Не покидать корабль?

Но это тоже может вызвать подозрения.

Лори не знала, как себя вести, она растерялась, в то же время напряженно контролируя свое внутреннее состояние, – меньше всего ей хотелось повторения инцидента, произошедшего помимо ее воли в приспособленной под склад пещере на неизвестной планете.

Там все обошлось... по крайней мере для меня, но тут ошибка в поведении будет иметь самые пагубные последствия.

Пока в ее рассудке проносились эти мысли, автопилот завершил процедуру стыковки, и подле шлюза корабля зажегся зеленый индикационный сигнал.

* * *

Смена мироощущения походила на полусознательный бред.

Зачем я прилетела сюда? Что со мной случилось? Что делать теперь?

Нужно покинуть угнанный корабль.– Мысль, порожденная инстинктом самосохранения, подстегнула, заставила встать и направиться к шлюзовому отсеку.

Все происходило как в тумане или в тяжелом, бредовом сне. Исчезла цель, пропала кристальная ясность мышления. Даже ощущение времени потерялось, словно ее окружила безликая вечность...

...Очнулась Лори в баре орбитальной станции – она инстинктивно выбрала наиболее безопасное место, где на нее меньше всего станут обращать внимание.

В голове метались тоскливые мысли.

«Меня создали ради достижения конкретной цели, – тяжко размышляла Лори, сев за свободный столик, так, чтобы видеть вход. – Никто не рассчитывал, что я смогу провести в состоянии сверхглубокого сна три столетия, а потом очнусь. Или рассчитывали? Сколько еще программных ловушек скрыто в моем сознании? Если я один раз рефлекторно отреагировала на угрозу, потеряв всякий контроль над собственным телом, где гарантия, что это не будет повторяться вновь и вновь, под диктатом скрытых, не осознаваемых мною программ?»

Криогенный сон. Она ухватилась за промелькнувшую мысль, словно утопающий за соломинку. Зачем машине низкотемпературный сон? Значит, лайкорон все же биологическая ткань?

Не факт. Нет сведений, все подробности технологического процесса – тайна для *изделия*.

Она вдруг почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Верить ли чувствам? Слишком силен страх, рожденный в момент спонтанных, неконтролируемых действий. Она могла бы убить двух оторопевших мужчин, но ведь остановилась, не сделала этого.

Мысль внезапно метнулась в другом направлении.

«Голод. Я ощущаю голод. Значит, мне, как любому человеку, нужна пища.

Вкусовые ощущения остались. Я дышу. У меня наверняка есть все внутренние органы. Разумеется, если, конечно, они не имитация».

Лори машинально поманила рукой официанта.

Старый, видавший виды андроид подошел к столику и учтиво спросил:

– Что желаете заказать, мэм?

Знал бы ты, кто я на самом деле...

Лори хотела заказать что-нибудь из еды, но внезапно она передумала.

– Кофе и сигареты.

Дройд не выказал никаких эмоций по поводу заказа. Он попытался уточнить, какие сигареты она предпочитает, но Лори, и без того напряженная до предела, отослала его не терпящим возражений жестом.

– Любые.

* * *

Следующее роковое событие произошло, когда андроид уже принес заказ, и она, немного расслабившись, закурила, откинулась на спинку не очень удобного кресла и сделала несколько глотков кофе, удивляясь и

одновременно радуясь, что ощущает его вкус.

Кофе был паршивым. Сигареты тоже.

Я чувствую...

Мысль оборвалась, когда в дымном сумраке бара, несмотря на продолжавшую грохотать музыку, вдруг (в субъективном восприятии Лори) наступила звонкая тишина, все замерло. Но на самом деле вокруг продолжалась прежняя суета, – это она, внезапно почувствовав нечто необычное, мгновенно напряглась, и, как следствие, – ее разум перешел на иной уровень быстродействия.

Дым сигареты застыл в неподвижном воздухе витиеватым сизым узором.

Медленно, *тягуче*открывалась дверь, звон старомодного колокольчика звучал долго и надсадно, словно кто-то записал этот звук заранее и теперь замедлил его воспроизведение.

Лори поняла – сейчас через порог бара переступит такое же существо, как сама она.

Непостижимым для себя образом она почувствовала это, и невыносимо замедлившееся время, подстегнутое острым, пронзительным предчувствием, вновь сорвалось в прежнем беге секунд: дверь наконец распахнулась, колокольчик сдавленно звякнул, и на пороге появилась молодая симпатичная женщина.

Их взгляды встретились, несмотря на сизые пласты дыма, мечущиеся отсветы лазерного шоу, и...

Незнакомка все прочитала во взгляде Лори и прямиком направилась к ее столику. Она выглядела такой же молодой, симпатичной и... напряженно растерянной.

Они не проронили ни звука, но однозначно поняли, кто есть кто.

За сильнейшими переживаниями Лори попросту забыла о второй криогенной камере, где на момент старта «Элизабет-Альфы» шли процессы пробуждения ее напарницы.

– Привет, Лори...

Она постаралась вести себя спокойно.

– Привет.

– Почему не дождалась моего пробуждения? – Голос Эльзы прозвучал глухо, в нем ощущались интонации, но не страха и растерянности, как это было у Лори, а скорее нотки напряженного вызова, готовности ответить ударом на удар, грубостью на грубость, неадекватностью на попытку непонимания.

Лори некоторое время молчала.

– Я не знала, насколько будет успешен процесс пробуждения, – наконец произнесла она.

– Логично, – согласилась Эльза. – Все прошло нормально. А теперь давай-ка разберемся в наших отношениях и ответим одна другой на пару вопросов. Ты сейчас в боевом режиме? Ощущаешь мнемоническое давление со стороны программ?

– Нет. Я словно очнулась... перед самой стыковкой со станцией.

– А там, в пещере?

– Я действовала спонтанно. До сих пор не могу прийти в себя.

– Понимаю. – Эльза усмехнулась. – Я тоже думала, что крыша съедет, когда в первый раз пришла в себя после трансформации.

– Так ты... – Лори запнулась, пытаясь подобрать нужное слово.

– Да. Я уже провела некоторое время в новой ипостаси. Имела возможность довести себя до грани срыва, после чего вновь угодила в криогенную камеру. Поэтому, получив второй шанс, я решила пока не задаваться глобальными вопросами. Тем более что та пещера совсем не похожа на лабораторный комплекс. Можешь относиться к моим словам как угодно, но я быстро сообразила: многое изменилось с тех пор, как я впервые осознала себя в новом качестве.

– И что нам делать теперь?

– Может, попробуем плюнуть на все и просто немного поживем? – Эльза откинулась в кресле, продолжая сверлить Лори немигающим взглядом. – Я последовала за тобой вовсе не ради выполнения задания. У меня, к счастью, боевой режим не включился. – Она немного помолчала, а затем добавила: – Чего нам теперь бояться? Давай посмотрим на обстоятельства с другой стороны, поищем в них что-то положительное?

– Не уверена, что у меня получится.

– Тогда давай просто отметим нашу встречу. А заодно узнаем, сохранилось ли в нас что-то человеческое? Например, мне любопытно, смогу ли я напиться?

Черный юмор Эльзы пришелся Лори не по душе, она сейчас менее всего была склонна к опасным экспериментам, но ее подругу, видимо, не заботили последствия. Она хотела хотя бы попытаться жить. И точка.

У Лори в тот момент не нашлось сил на бесполезные препирательства.

* * *

Эльза оказалась интересной и умной собеседницей.

Некоторое время они все еще испытывали взаимную настороженность, но после нескольких бокалов игристого напитка с

незнакомым названием обе девушки словно оттаяли.

Дымный сумрак помещения отступал на второй план, а вместе с гнетущей обстановкой низкопошибного заведения, казалось, отступают проблемы.

Лори не могла поверить, что химические соединения по-прежнему способны оказывать влияние на ее организм, чувство было странным, сознание словно раздваивалось, часть рассудка по-прежнему оставалась ясной, немного настороженной, внимательной к мелочам, а другая часть, напротив, тонула в сладкой дымке легкого дурмана.

Сложное ощущение. Непривычное, как и новые средства восприятия мира. Лори, например, уже не вздрагивала, когда ее взгляд внезапно менял диапазоны видения, мгновенно сканируя окружающее пространство в спектре определенных волн, – сейчас это пугающее качество казалось даже забавным.

– Так значит, ты сразу все поняла и тут же бросилась искать меня?

– Со мной занимались, – доверительно сообщила Эльза. – Учили пользоваться новыми способностями. Но я психовала и не хотела быть «хорошей девочкой». А выходит, ни один урок не пропал зря. Нужно было поспать лет триста, только и всего. – Она вдруг расхохоталась и машинально поправила прядь волос.

– Я убила кого-нибудь? – внезапно спросила Лори, вновь с дрожью вспомнив свои импульсивные действия там, в пещере.

– Нет. Только напугала, до смерти... Я таких перепуганных глаз у мужиков отроду не видела.

– Скажи, ты понимала, к чему тебя готовили? – Лори не могла полностью отрешиться от снедавших ее вопросов.

– Сама не знаю. Учили быть человеком. И при этом пользоваться новыми возможностями организма, не выдавая своим поведением, что ты уже не совсем человек. Пару раз здорово гоняли на виртуальном полигоне. Проверяли боевые рефлексы. Те самые, что ты продемонстрировала в пещере. Только в мою программу входила еще стрельба из всех видов оружия и дистанционный взлом кибернетических устройств.

– Значит, и я умею то же самое?

– Наверное, – пожала плечами Эльза. – Хочешь попробовать?

– Нет.

– Тогда давай поговорим о чем-нибудь другом. Например, не о подготовке, а о реальном положении дел. Ты вот сорвалась, угнала корабль, прилетела сюда, а что дальше? Подумала?

Лори отрицательно покачала головой.

– Я вижу. Ты чем, к примеру, собиралась платить за тот же кофе и сигареты?

Лори растерялась. Действительно, ведь Эльза права...

– Я позаботилась об этом. – Эльза взглядом указала на кейс, который принесла с собой. – Два миллиона, наличными. Этого хватит, чтобы купить себе новую жизнь. Поверь. Я успела подумать о многом, пока летела сюда.

– Кстати, на чем?

– Не заметила разве, что на плоскогорье стояли еще несколько небольших кораблей?

Лори кивнула.

– Не верится, что все происходит наяву, – негромко произнесла она, опасливо покосившись на кейс с деньгами, но тут же одернула себя, стараясь не привлекать пристального внимания со стороны посетителей бара. После всего случившегося она не могла с точностью предсказать: сможет ли при возникновении внезапной, нежелательной ситуации обуздать притаившееся в рассудке второе «я»?

– Тебе нужно, прежде всего, успокоиться. Расслабься, – посоветовала Эльза. – Все не так плохо. – Она говорила, не повышая голоса, но Лори прекрасно слышала ее, несмотря на громкую музыку.

Что это? Еще одна способность, дарованная ей вместе с новым телом?

– Заметила? – Эльза едва заметно усмехнулась, глядя на Лори через прозрачное стекло бокала. – Ты не можешь читать по губам, неверная мысль.

Мысль?

– Именно. Наши импланты настроены для взаимной передачи данных.

Лори подавленно промолчала в ответ. Ей никак не удавалось справиться с нервным напряжением, одно открытие следовало за другим, не давая расслабиться, постоянно пробуждая новые и новые вопросы, а вместе с ними тщетные попытки разобраться, провоцирующие внезапный отклик внутренних систем.

Почему Эльза так спокойно относится ко всему?

Ты меня слышишь?

– Слышу. Я свой кризис уже пережила. Было время и подумать, и получить некоторые ответы.

– Только некоторые?

– К сожалению, да. Теперь уже поздно – людей, которые нас создали, давно нет в живых.

– А люди ли они?

Вопрос вырвался непроизвольно, сам собой, но от него стало еще

холоднее, неприятнее на душе.

Испытывать чувства – уже огромное облегчение. Как же она не понимала этого раньше? Стремилась стать похожей на окружавшие ее машины, уподобиться им, – разве не абсурдное стремление?

Нет, тогда оно не казалось абсурдным. Это сейчас, на волне непонимания своей новой сущности, она впервые мысленно оспаривала собственную мечту.

Хотя разве к этому я стремилась?

Эльза укоризненно посмотрела на нее.

– Слишком много мыслей. Постарайся контролировать себя. Не выплескивай все через имплант, это может выдать нас. Неизвестно, как изменилась техника за три столетия.

– Я постараюсь.

Эльза внезапно обернулась, посмотрев куда-то в сумрак.

Она пыталась понять, может ли ее новая подруга взять верх над теми процессами, что протекали в сознании, а в итоге неожиданно для себя «услышала» слабые, прорывающиеся будто издалека мысли совершенно незнакомого ей человека.

Это и заставило Эльзу обернуться.

Она сравнила полученный образ с доступной взгляду обстановкой, вновь цепко ухватив обрывок посторонней мысли.

Человек, сидящий через два столика от них, угрюмо пил, не обращая внимания на происходящее вокруг. Он полностью погрузился в собственные размышления, видимо, даже не подозревая, что его имплант излучает слабые сигналы, которые сумела воспринять и распознать Эльза.

Она так заинтересовалась этим неожиданным наблюдением, что невольно сосредоточилась на восприятии, и мысль постороннего человека внезапно стала чуть четче, понятнее. Бар космической станции, конечно, не лучшее место для экспериментов, но Эльза искала ответ приблизительно на те же вопросы, что и Лори, только делала это более взвешенно, прагматично.

Сейчас, сумев воспринять более четкий образ, она невольно сконцентрировалась на нем, и ее сознание обрело кристальную ясность мышления, словно внутри включилась неведомая подсистема, связанная с источником технических данных.

Не желая останавливать внезапно начавшийся процесс, Эльза, которой происходящее было внове, машинально прикрыла глаза, чтобы лучше воспринимать образ, появившийся перед внутренним взором.

Молодой парень, что угрюмо напивался, пытаясь заглушить дурное

расположение духа, по-прежнему ничего не замечал. Схемы, появившиеся перед мысленным взглядом девушки, оказались принципиальными схемами имплантов, одна, как поняла Эльза, была почерпнута из ее собственной памяти, вторая только что отсканирована.

Заработавший модуль технической оценки позволял ей без труда ориентироваться в, казалось бы, новых для разума областях знания, она сумела удержать себя в руках и достаточно быстро разобралась в том наглядном сравнении, что предлагалось ее рассудку.

Это, должно быть, исключительно важно...– подумалось ей. Схемы имплантов не исчезали, напротив, они стали доступнее, понятнее, одна являлась известной заранее, но и вторая, полученная от вживленных сканирующих систем, не отличалась особой оригинальностью. Если исключить незначительные усовершенствования, то схема импланта, предназначенного для удаленного доступа к бытовым кибернетическим системам и комфортного для человека *мысленного*управления ими, не претерпела за триста лет радикальных изменений. Принцип работы вживляемого еще при рождении аппаратного расширителя человеческих возможностей остался прежним.

«Поразительно. У меня есть средства для восприятия данных, передаваемых имплантом человека. Я слышу фон, неэкранированное излучение мыслей, которые система импланта автоматически преобразует в машинный код! Другим людям подобное восприятие, по всей видимости, недоступно, а машинам нет до него никакого дела, ведь фон едва заметный, он не несет четких приказов, да и права доступа к каждой отдельной взятой киберсистеме ограничены. Очевидно, что подобный фон просто игнорируется. Тогда почему я воспринимаю его?»

Она внимательнее присмотрелась к схеме импланта, и та послушно видоизменилась, отвечая на внутреннее требование. Ее память внесла коррективы, и теперь Эльза видела третью, отличающуюся от двух предыдущих схему – это был *ее*имплант, в котором присутствовали дополнительные устройства, опознанные ею как усилители, связанные с микропередатчиками.

Усилитель, генератор, дополнительные программные модули...

Что еще я умею?

Нас создавали с какой-то целью. Альтруизмом во время войны никто не страдал. Все было подчинено задачам затянувшегося противостояния Земли и Колоний.

Эльза почувствовала холодок от своей машинальной реакции. Она вдруг поняла, что намеренно провоцирует совершенно незнакомого ей

человека, пытаясь внушить ему определенные мысли.

Он нервничает. Не продал сегодня ни одной статкарточки, а утром надо возвращать долг...

Парень вдруг обеспокоенно поднял голову, огляделся, словно почувствовал на себе пристальный взгляд со стороны. Она к тому времени уже отвернулась, но продолжала воспринимать смутные образы, обретающие четкость, по мере того как парень трезвел, испытывая непонятную, усиливающуюся тревогу.

Наконец он не выдержал, встал, прошел несколько метров, затем вдруг обернулся, словно вспомнил что-то очень важное.

– Не возражаете? – он вопросительно посмотрел на Эльзу. Она кивнула, испытывая жгучее любопытство, непонятную оторопь и внезапную, подкатившую к горлу дурноту, словно только что отдала очень много сил на реализацию своих скрытых способностей.

– Первый раз на станции? – Голос парня звучал хрипло, глаза бегали по сторонам, но уйти он не мог, этот момент Эльза почувствовала уверенно.

Лори лишь зябко поежилась, она явно не хотела принимать участия в спонтанно начатом эксперименте, и Эльзе пришлось брать инициативу в свои руки.

«В конечном счете, должна я узнать, что происходит? Глупо останавливаться».

Никто в баре не проявлял к ним внимания, пока она сама не спровоцировала его.

Эльза откинулась в кресле и ответила:

– Да, мы здесь впервые. Хотели попасть на Элио, но... не судьба.

– Меня зовут Зик, – парень перестал дергаться. – Могу помочь. – Он деланно улыбнулся.

Эльза вовсе не собиралась посещать Элио. Пять минут назад у нее и в мыслях не было ничего похожего. Забрать перепуганную, так и не пришедшую в себя Лори и убираться отсюда подальше...

– Чем же ты можешь помочь? Мы с Окраины. Кто нас пустит?

Кадык Зика нервно дернулся. Парень сглотнул. Сейчас в нем здравый смысл боролся с жадностью.

– Все можно устроить. За деньги, – он понизил голос.

Противный тип. Сейчас начнет воровато оглядываться.

Точно. Зачем я только...

– Ну? – он достал из внутреннего кармана куртки плоский, умещающийся на ладони кибернетический модуль с прорезью в корпусе.

– Фальшивые удостоверения личности? – осведомилась Эльза,

пренебрежительно посмотрев на парня.

– Кто сказал, что они фальшивые? Настоящие. Только биометрические данные не введены.

– Гарантируешь?

– Я себе не враг. Это мой бизнес.

Биометрические данные...Эльза зашла слишком далеко в своем экспромте. Им следовало немедленно уходить, под любым предлогом, но она замешкалась, из глубин памяти внезапно появился образ сотрудника лаборатории, отвечавшего за ее «адаптацию».

Он что-то говорил относительно сканеров и встроенной системы защиты, которая гарантировала...

Эльза почувствовала, как ее запястья коснулось что-то холодное, и тут же внутри у нее все замерло, оборвалось от внезапного, предельного напряжения жизненных сил.

– Порядок, – Зик держал в пальцах крохотный прибор, похожий на небольшой цилиндр. – Это портативный сканер. Можно? – Он вдруг задиристо посмотрел в глаза Эльзы.

– Давай.

Сканирование сетчатки заняло пару секунд, не больше.

– Сколько это будет стоить? – спросила Эльза, заметив, что Зик достал пластиковую заготовку с впаянным в нее микрочипом.

– Две тысячи. За каждую статкарточку.

– Что, гражданство Конфедерации продается так дешево? И никто не обращает внимания на незаконный прирост?

– А никакого прироста нет, – ответил Зик. – Я пользуюсь базой данных жителей Раворграда. Есть категория людей, никогда не покидавших планету и не собирающихся это делать в ближайшем будущем.

– Двойники?

– Да. С них не убудет, к тому же имеется и другая категория граждан, которые летают на станцию по нескольку раз в неделю. Бизнес. При таком потоке никто ничего не замечает. Нет повода сравнивать данные статистики из разных источников. Вы ведь не собираетесь поселиться на Элио? Я гарантирую только пару дней, не больше.

– Ах, вот как! – понимающе кивнула Эльза. – И много желающих?

– Хватает, – уклончиво ответил Зик. – Ну, так что?

Эльза посмотрела на Лори, взглядом давая понять – не дергайся. В конечном итоге – это проверка. Если что-то пойдет не так, мы сумеем уйти. В этом Эльза почему-то была уверена на сто процентов.

– Договорились.

– Деньги вперед.

Эльза кивнула. Она имела возможность сравнить мысли парня с его словами. Он не лгал. Статкарточки были настоящими.

* * *

– Зачем мы идем туда? Ты с ума сошла?

– Все нормально. Нам надо осваиваться в этом мире.

– Ты рискуешь. И меня заставляешь.

– Я рискую в пределах разумного. В космосе все намного хуже. Сюда мы проскочили, а если в окрестностях станции нас будет сканировать патрульный корабль? Мы должны быть хоть в чем-то уверены.

– Но не таким же способом!

– Лори, не психуй. Все прошло нормально. И у тебя, и у меня встроенная система антисканирования. Насколько она хороша, сейчас узнаем. Все, ни слова больше. – Эльза улыбнулась офицеру у турникета, над которым нависала аппаратура сканирующего комплекса.

– Поторопитесь. Челнок заканчивает процедуру шлюзования через десять минут, – не очень приветливо отреагировал офицер на ее улыбку. Он явно не выспался.

Лори поняла: спорить и препираться уже поздно.

Она глубоко вздохнула, не понимая, почему так остро воспринимает все происходящее.

«Если я киборг, откуда столько эмоций?»

Эльза уже прошла под сканерами и ждала ее по ту сторону турникета.

Лори внезапно успокоилась. Что-то мобилизовалось внутри, как только она вошла в зону действия аппаратуры и протянула офицеру свою статкарточку.

Еще одно новое чувство, как будто в груди у нее разлилось успокаивающее, дающее непонятную уверенность тепло. Она ощущала излучение сканеров, словно прикосновение, холодное, но не враждебное.

– Поспешите, – офицер вернул ей пластиковый прямоугольник. – Корабль ждать не будет. Шлюзы закроют через пять минут.

* * *

– Что мы будем делать на Элио? Тебе не страшно?

– А тебе не любопытно? – Эльза парировала вопрос. – Расслабься, наконец. Защита работает, сканеры нас не распознали.

– Знать бы еще, что именно они должны были распознать, – тихо ответила ей Лори.

– А вот это мы с тобой обязательно выясним. Только давай договоримся, сегодня больше не мучаем себя, ладно? Взгляни на все происходящее с другой стороны. Раз ты способна так глубоко переживать, что мешает использовать возможность и просто отдохнуть, почувствовать себя свободной. Ведь мы с тобой свободны, понимаешь?

– Умом понимаю. Наверное, к этому надо привыкнуть. Я ведь не приходила в себя после трансформации. Все случилось как будто вчера. – Лори опять почувствовала, что дрожит, но на этот раз быстро справилась, взяв себя в руки. – Вчера была Земля, пустые мегаполисы, начало зимы...

...Челнок с легкой вибрацией отчалил от станции.

Лори вдруг умолкла.

Их ждала иная планета, где прошло три столетия после войны.

* * *

Это была ошибка. Чудовищная, роковая ошибка с их стороны. Ни Лори, ни Эльза почему-то не вспомнили, что система Элио являлась объектом их задания.

Сбор разведывательной информации. Проверка боевых способностей. По исполнении – возвращение на базу.

Боевой режим включился, как только они покинули челнок, ступив на поверхность планеты.

Они прошли через полупустые в этот час залы для прибывающих и очутились на обширной площади с паркингом для автоматических такси.

Вдали, освещенный разноцветным заревом, высился мегаполис.

Эльза повела взглядом, *сканируя*окружающие постройки.

Ее внимание привлекла голографическая реклама: «Машины напрокат».

– Нам нужно транспортное средство. – Ее голос уже утратил эмоции, стал ровным и каким-то зловещим одновременно.

Лори кивнула. Внезапное включение боевого режима полностью убрало из рассудка лишние, не относящиеся к заданию мысли.

Прежде всего им следовало попасть в город.

* * *

Смена режима

Сбой наступил внезапно.

Имплантированные контроллеры продолжали генерировать нервные возбуждения, настраивая биологические нейросети на выполнение определенной боевой задачи, но ее разум, продолжая по инерции следовать

указаниям руководящих программ, начал проявлять внезапную инициативу.

Два восприятия, два мироощущения некоторое время болезненно накладывались одно на другое, двойственность как внешнего, так и внутреннего мира постепенно усиливалась: личность Лори сначала робко, а потом все явственнее начала заявлять о себе, она медленно выходила из состояния *наваждения*, по крайней мере так она воспринимала давление боевых программ на свой рассудок.

Она не знала, что произошло с ней, не помнила ничего, кроме последнего мига трепетной надежды, которая, вопреки заверениям и обещаниям, сейчас оборачивалась тщетой.

Ей говорили, что благодаря новейшим технологиям ее рассудок будет перемещен в новое тело, где, помимо биологических, будут присутствовать и кибернетические компоненты.

На этом заканчивалась правда и начиналась ложь.

Лори помнила, что ей обещали. Она верила: люди, исстрадавшиеся на войне, наконец поняли всю бессмысленность противостояния, и ей уготована судьба стать одной из тех, кто вырвется из этого кромешного ада, чтобы улететь к далеким, еще не освоенным мирам, и там, вдали от безумия, дать начало новому поколению людей.

Все ложь.

Никакого колониального проекта не было.

Их создали ради продолжения войны любой ценой, послали, чтобы вновь раскрутить остановившийся маховик взаимоуничтожения.

Ровное полотно автобана стелилось под колеса арендованной машины.

Рядом сидела Эльза.

В чужом небе яркими россыпями серебристого света царил рисунок незнакомых созвездий.

Давление боевых программ не ослабевало, оно грозило сломать очнувшееся самосознание, и Лори запаниковала. *Куда я еду? Что я успела натворить?*

Тревожные воспоминания окатили горячей волной.

Она пыталась что-то сделать, но не могла. Руки крепко сжимали манипуляторы управления, глаза, не отрываясь, смотрели на дорогу, не было сил даже на то, чтобы повернуть голову и посмотреть на сидящую рядом Эльзу.

Что же делать?

Она боролась, отчаянно, но безрезультатно. Чужая, неподвластная рассудку воля полностью парализовала ее.

Боевой режим.

Как из него выйти? Что со мной сделали?

– Эльза!

Ее губы едва шевельнулись, но Лори казалось, что все силы отданы едва слышному шепоту.

– Да? В чем дело?

– Эльза... Очнись... Умоляю...

Ее обжигающий шепот подействовал на Эльзу, словно вирус, проникший в сознание через все защитные барьеры, – она несколько минут сидела молча, затем внезапно произнесла:

– Лори, у тебя сбой программ. Останови машину.

«Гранд-Элиот» с визгом притормозил, уходя к обочине.

Она почувствовала, как впился в грудь ремень безопасности.

– Эльза, прошу тебя, очнись... – Лори по-прежнему сидела в водительском кресле, неестественно выпрямившись, бледная, с заострившимися от напряжения чертами лица.

Ее шепот внезапно привел к лавинообразному росту несанкционированных боевыми модулями мыслительных процессов.

Они обе находились в состоянии полуосознанного восприятия реальности, словно им снился один и тот же кошмарный сон.

– Проклятье... Где мы? – наконец с неимоверным трудом выдавила из себя Эльза.

– Не знаю. Я никогда не бывала на других планетах, – тихо ответила Лори.

Некоторое время они сидели в оглушающей тишине.

– Боевой режим... Я не понимаю, что происходит с моим сознанием, – собравшись с силами, продолжила Лори. – Его нужно... выключить.

Тишина.

– Я не знаю... как это сделать. Впереди город, – голос Эльзы вновь зазвучал холодно и твердо. – Нам нужно ехать. Дай я сяду за руль.

– Остановись. Мы не должны никуда ехать.

– Отстегнись.

Это был приказ. Ему подчинилось тело, но не разум. Лори машинально выполнила распоряжение, но, открыв дверь, не смогла выйти, рассудок постепенно перехватывал инициативу, две силы боролись за контроль над мышцами, и в результате Лори, содрогаясь от бесконтрольной дрожи, не сумела встать: совершив неловкое движение, она споткнулась и упала на стеклобетон обочины, отделенной от проезжей части фосфоресцирующей полосой разметки.

Бред. Кошмарный бред. Я сплю, и мне все это снится.

Тщетная попытка найти компромисс. Реальность стучалась в рассудок, Лори ощущала запахи, слышала звуки, ее щека воспринимала холод и шероховатую поверхность дорожного покрытия.

Внезапно ей на помощь пришла Эльза. Она обошла машину и склонилась над Лори.

– Вставай. Нам нужно ехать.

– Я никуда... не поеду...

Что-то вторглось в ее разум, посторонняя воля, пришедшая извне, дала внезапный импульс, усиливший воздействие боевых программ.

– Поднимайся!

Лори подчинилась. Боевой режим вновь захлестнул рассудок, и искра самосознания померкла. Она встала и ответила, на этот раз отчетливо:

– Я в порядке. Это был сбой. Мы можем ехать дальше.

* * *

До города они добрались быстро и без проблем.

Инструкции боевого режима заставляли искать временное прибежище, и Эльза, игнорируя гостиничные комплексы, заставляла «Гранд-Элиот» взбираться все выше по сложной сетке городских магистралей.

...Самосознание то возвращалось к Лори, то исчезало. Это было похоже на жесточайшую, изощренную пытку, в минуты, когда удавалось мыслить самостоятельно, она понимала – ничем хорошим их посещение Элио не закончится. В лучшем случае их с Эльзой убьют, в худшем – распнут на лабораторном столе...

Элио.

Слово, постоянно активирующее спрятанные в глубинах разума программы.

Лори понимала, что есть лишь один способ освободиться от гнета навязанной воли: покинуть планету и по возможности больше не вспоминать о ней. Но как это сделать, если Эльза ведет машину с окаменевшим лицом, а у нее способность самостоятельно мыслить то возвращается, то исчезает?

В одну из минут такого «просветления» Лори, как ей показалось, нашла выход. Мысль, подстегнутая страхом, неприятием происходящего, оказалась на удивление ясной, четкой. *И у меня, и у Эльзы сохранился биологический мозг. Это было понятно по легкому опьянению, испытанному в баре космопорта. Но что-то передает инструкции*

нейросетям, заставляя меня мыслить определенным образом. До источника инструкций мне не добраться, но ведь я могу спровоцировать сбой в приемнике данных. Если мой мозг начнет неадекватно обрабатывать инструкции, они перестанут мной управлять!

«Гранд-Элиот» в это время проезжал мимо одного из ночных клубов Раворграда.

– Останови машину. – Лори произнесла эту фразу ровным, не терпящим возражений тоном, и Эльза машинально подчинилась.

– Деньги! – потребовала Лори.

Эльза с подозрением посмотрела на нее:

– Зачем?

Лори не ответила, сама потянулась через сиденье, открыла кейс и разорвала упаковку пачки банкнот. Через секунду ее уже не было в машине.

Ее расчет мог показаться наивным, но на самом деле Лори прекрасно понимала, что делает. Она всего лишь спросила себя – почему мы с Эльзой спокойно сидели в баре космической станции и над нами ничто не тяготело?

Легкое опьянение. Вот что спасало от включения боевого режима. Вспомнить бы название напитка... Кажется, «Шарго»?

Около входа в клуб толпились группы подростков, и Лори, не рискнув входить внутрь, обратилась к ним:

– Мне нужна бутылка «Шарго». Нет, лучше две.

Один из парней посмотрел на Лори и вдруг сказал:

– Да забей ты на эту синтетическую дрянь. Вон лучше возьми у Макса эреснийской травки – натуральный продукт, и недорого.

Лори огляделась. Ага, вот на кого указывал парень.

Ей сейчас было все равно – спиртное или легкий наркотик, лишь бы избавиться от диктата боевых программ. Пока еще не поздно, пока есть моральные силы сопротивляться.

В машину она вернулась с несколькими сигаретами, тут же прикурила две и протянула одну из них Эльзе.

– Зачем? – холодно осведомилась та.

– Мы вызываем подозрение. Посмотри вокруг – все курят. – Лори сама не верила, что такое абсурдное пояснение возымеет действие на Эльзу, но, оказывается, рассудок, находящийся под гнетом *программ*, терял природную гибкость, сообразительность, недоверие, наконец.

Ведет себя, как взрослый ребенок...– поразилась Лори реакции подруги.

Эльза действительно огляделась, потом пожала плечами и взяла

сигарету, заметив:

– Это вредно.

Ну, затянись же...

Прошла минута, другая, а «Гранд-Элиот» по-прежнему стоял на паркинге подле ночного клуба.

– Слушай, а что мы с тобой тут делаем? – внезапно спросила Эльза.

Подействовало...– Лори едва не разревелась от облегчения. У нее кружилась голова, и мир вокруг казался каким-то необычным, ярким...

* * *

Через два часа они возвращались к космопорту.

Лори сумела объяснить Эльзе, как легко провела ее.

Они от души хохотали над своими поступками, не вспоминая в эти минуты о тех жутких процессах, которые руководили их поведением некоторое время назад.

Легкое наркотическое вещество, содержащееся в эреснийском табаке, вызвало ощущение эйфории.

Все выглядело бы нелепо, карикатурно... если б не было так страшно.

Они миновали какой-то небольшой населенный пункт, и Эльза вдруг остановила машину.

Лори, плохо соображая, что происходит, с удивлением посмотрела на подругу, которая вновь словно окаменела.

– Что... случилось?

– Группа поддержки. Рядом. На сигналы не отвечают.

– Что?! – Лори чувствовала – еще несколько мгновений такого морального напряжения, что навалилось на нее вместе с возвращением эмоциональной окраски мыслей, и она запросто сойдет с ума. – Эльза, очнись! Прошло триста лет! Война закончилась! Ты слышишь меня?! Какая группа поддержки?!

– Андроиды, – спокойно ответила Эльза. – Включайся.

– Да пошла ты!.. С меня хватит! Нам надо убираться отсюда! Назад на станцию, на корабль!

– Они не отвечают на запросы. Я блокировала кибернетические системы поселка, – с этими словами Эльза вышла из машины и неестественным *ровным*шагом направилась в сторону одного из домов.

Лори пришлось последовать за ней, но предотвратить тот кошмар, что произошел спустя несколько минут, она не смогла. Оказывается, у любой медали есть своя оборотная сторона. Под воздействием легкого наркотика Эльза не полностью освободилась от власти боевых программ, но

привнесла в их исполнение чисто человеческую ярость. Она находилась в состоянии полного аффекта, когда, подойдя к дройду, который не отвечал на ее запросы, вдруг несколькими сокрушительными, точными ударами сбила его грудной кожух, обнажая ядро системы.

Это было безумие в чистом виде, но Лори даже не попыталась остановить подругу, понимая, что, встав на ее пути, вряд ли останется в живых...

* * *

Эльза пришла в себя только спустя несколько часов, уже на борту «Элизабет-Альфы».

– Что со мной было? – глухо застонав, спросила она, машинально ощупывая свою голову.

– Нервный срыв, – не вдаваясь в подробности жуткого погрома, ответила Лори. – Радуйся, что мы выбрались. Я узнала, где нам могут помочь. Мы летим на Зороастру.

– А что там?

– Приходи в себя, расскажу.

Лори испытывала отчаянье. Она сделала все, что могла, они выбрались из системы Элио, и теперь она вновь позволила надежде вкрасться в собственные мысли.

Информацию о Зороастре она почерпнула из бортового компьютера, принадлежавшего контрабандистам, хозяевам корабля.

Планета-Без-Закона – наверное, именно так и должно было называться место, где за деньги их смогут обследовать, не задавая лишних вопросов, и, возможно, сумеют помочь.

* * *

Все обернулось тщетой.

И вот она сидит в мрачных глубинах цокольного этажа несостоявшегося мегаполиса и смотрит на голографическую проекцию своего организма – не человек, не киборг, – одинокая, осиротевшая душа, потерявшая всякий смысл жизни, в огромном равнодушном к ее невзгодам мире...

Единственным светлым воспоминанием, не позволяющим окончательно померкнуть ее измученному рассудку, был мотив чарующего Эригонского вальса и смутный, расплывчатый образ человека, который при других обстоятельствах мог бы стать ее судьбой...

«Где он сейчас?.. Вспоминает хотя бы изредка обо мне?..»

Хотелось плакать. Навзрыд.

Лори все еще мрачно размышляла, когда в дверях лаборатории появилась Эльза.

– Что случилось? – Лори безошибочно угадала напряженное состояние подруги.

– Наверху что-то происходит. Разве не чувствуешь вибрации?

Лори прислушалась к своим ощущениям: действительно, пол и стены ритмично вздрагивали, будто наверху что-то тяжелое билось о поверхность Цоколя.

– Нужно узнать, что там творится!

– Пойдем вместе. Так будет надежнее.

Глава 8

Саргон. Наблюдательный пункт группы Доргаева

Проклятье... «Нибелунги»!

Штурмовые носители появились в пределах видимости, приближаясь к городу сразу с четырех сторон. Маневр снижения они выполнили где-то над другим полушарием планеты и теперь двигались на турбореактивной тяге в режиме атмосферного полета.

Тяжелые десантные корабли, сеявшие ужас и смерть в период Галактических войн, являлись, по мнению специалистов, наиболее продуманными и соответственно опасными боевыми единицами. Способные совершать гиперпространственные прыжки и входить в атмосферу планет, они проектировались для доставки и поддержки наземных серв-соединений, но при желании «Нибелунги» могли выступать в качестве кораблей высадки пехотных подразделений.

В любом случае их внезапное появление не сулило ничего хорошего.

Доргаев и Дуглас переглянулись. Немершев пристально следил за маневрами штурмовых носителей, пока те не стали снижаться.

– Идут без нагрузки. Серв-машин на борту нет, – произнес Вадим.

– Уверен? – Доргаев так же пристально следил за маневрами тяжелых кораблей.

– Турбореакторы используются только после высадки серв-соединений. Будь у них хотя бы частичная загрузка серв-машинами, шли бы на планетарной тяге, – ответил Немершев.

«Нибелунги» тем временем снизились до высоты пятисот метров и внезапно устремились навстречу друг другу.

– Не понимаю, что они задумали?! Будут сбрасывать десант? – Дуглас недобрым взглядом провожал приближающиеся штурмовые носители.

– Сейчас узнаем, – буркнул в ответ Глеб Доргаев. – Сдается мне, они провоцируют жителей города...

– Смысл? – спросил Немершев.

– Могу поспорить, если сейчас расспросить местное население, то выяснится, что прямых нападений, типа вот этого, еще ни разу не было.

– С чем ты это связываешь?

– Со вторичным открытием колонизированных систем. Они узнали о существовании Конфедерации, им известно об успешной зачистке Эрихайма.

– И что из этого?

– Подчищают существующие внутренние проблемы. Времени на раскачку у них больше нет. Скоро сюда придут торговцы Конфедерации, появятся различные комиссии Совета Безопасности Миров, и все тайное, так или иначе, станет явным. Любое существующее противоречие в таких условиях дает рецидив.

– Согласен... – кивнул Немершев. – Учитывая, что базы Альянса на Нормане будут зачищены в любом случае... – Он не договорил, потому что в этот момент «Нибелунги» пересекли незримую черту, – теперь они двигались в воздушном пространстве над городом, и тотчас по штурмовым носителям был нанесен удар из мобильных ракетных установок.

Частые вспышки запусков замелькали на крышах зданий, в ответ ударили лазерные установки систем ПРО. «Нибелунги» продолжали движение, огрызаясь из всех зенитных орудий нижней полусферы, причем для беспристрастного стороннего наблюдателя их действия носили строго оборонительный характер.

– На кого рассчитано это шоу? – неприязненно спросил Немершев, когда лазерные зенитные батареи штурмовых носителей без труда сбили все выпущенные по ним ракеты.

– На нас, Вадим. На борту «Нибелунгов» дураков нет. Они специально прошли над городом, провоцируя огонь. Не исключают, что тут могут присутствовать наблюдатели или дипломаты от Конфедерации. Теперь у них есть повод заявить, что, собственно, прилетели торговать, а по ним был открыт огонь. Вот увидишь...

Дальнейшие события лишь подтвердили слова Доргаева.

Вторая волна ракетных запусков была уже не такой плотной, как первая, но тем не менее часть ракет каким-то «чудом» прорвалась сквозь плотный зенитный огонь и ударила строго в район грузовой рампы штурмового носителя.

Вадим прекрасно понимал, что броня «Нибелунга» должна выдержать несколько попаданий обыкновенных зенитных ракет, не особо пострадав при этом, но все произошло ровно наоборот: как только у борта носителя полыхнули разрывы, расположенная там грузовая аппарель внезапно начала раскладываться в рабочее положение, корабль накренился из-за резкого смещения центра тяжести и начал снижаться, роняя вниз десятки фигурок.

Для непосвященного все выглядело вполне натурально. Вниз на городские здания падали андроиды. При всей скудости информации было известно, что в системе Нормана производят бытовые модели

человекоподобных машин, которые являются главным продуктом экспорта планеты, а в качестве грузовых кораблей местные торговцы используют штурмовые носители, оставшиеся со времен Галактической войны.

Наверняка запись события через несколько дней «чудесным» образом появится на каналах новостей Конфедерации. «Мирные торговцы атакованы над главным поселением Саргона» – примерно так Вадим представлял заголовки информационных блоков.

– Это десант, – мрачно произнес он, уже не пытаясь сосчитать количество «выпавших» из грузового отсека «Нибелунга» андроидов.

– Ясно дело, – согласился Дуглас.

Штурмовые носители, не пытаясь изменить курс, разминулись друг с другом, имитируя внезапно прерванный маневр захода на посадку (в центральной части Цоколя располагались площадки для приема кораблей среднего тоннажа), и начали снижение.

– Они блокируют город, – прокомментировал Глеб. – Сядут на удалении в пару километров от стен Цоколя и будут вторично обстреляны, что окончательно развяжет им руки.

Вадим кивнул, соглашаясь.

– Наши действия? – спустя некоторое время спросил он, наблюдая за посадкой группы из четырех штурмовых носителей.

– Все это, конечно, шито белыми нитками, капитан, но для прессы и сенаторов сойдет. – Доргаев сплюнул. – Наша задача – сбор разведывательной информации. В межпланетные разборки нам ввязываться не с руки. В штабе не оценят подобную инициативу.

– Будешь сидеть сложа руки и наблюдать, как андроиды вычищают город?

– А они смогут? – прищурился Глеб. – Ты у нас специалист, так что давай, просвети. По моим данным, на Нормане производят машины класса «Хьюго». Модель, запрещенная к эксплуатации, но в принципе не представляющая серьезной угрозы. Чтобы они начали действовать против людей, нужны определенные условия, верно?

– Вынужден тебя разочаровать, – ответил Вадим. – Мы имеем дело с модернизированной моделью. Андроидам интегрированы дополнительные модули, содержащие боевые программы.

– Откуда информация?

– Можешь сослаться на меня как на источник. Я лично имел возможность убедиться.

– Ты был на Нормане?

– Нет. Но здесь, в окрестностях города, я видел места прошлых

боестолкновений. То, что происходит на Саргоне, – не гражданская война. По моим сведениям, налицо внедрение в среду цивилизации «пятой колонны», состоящей из бытовых машин с замаскированными боевыми программными модулями. Они якобы выходят из-под контроля, но на самом деле многие годы с Нормана осуществляется планомерное вторжение на Саргон.

– Цель?

– Пока не знаю. Машины и киберхаги осуществляют геноцид здешнего населения. Это факт, установленный мной. Но разумного объяснения их действиям я не нашел. Мало информации.

– Боюсь, вскоре ты ее получишь в избытке. – Доргаев посмотрел вниз, где в ущельях улиц уже растекались волны беспорядочной перестрелки. – Процентов пятьдесят от общего числа андроидов благополучно пережили падение, – прокомментировал он. – Что они станут делать?

– Прорываться в глубины Цоколя, – ответил Вадим. – Их цель – захват управляющих систем главной силовой установки, овладение контролем над автоматикой жизнеобеспечения города. Прекратив подачу энергии, они за несколько дней возьмут Цоколь. Остановятся синтезаторы пищи, не будет воды, иссякнет энергопитание стационарных огневых точек.

– Их вышибут оттуда, – мрачно предрек Доргаев.

– Сомневаюсь, – произнес Дуглас. – Я хорошо знаю устройство типовых цоколей. Внизу лабиринт технических коридоров: идеальное пространство для сдерживания, каждый проход может быть заблокирован небольшой группой обороняющихся. Учитывая, что они организуют оборону в зоне охлаждающих контуров реакторных залов, выбить андроидов оттуда по силам только специально обученным командам. Один неверный выстрел, и город превратится в термоядерный могильник.

– Вопрос, как я понял, заключен в следующем: будем мы статистами или примем активное участие в событиях? – Немершев продолжал следить за посадкой штурмовых носителей, которые снизились в нескольких километрах от города, как и предрекал Глеб.

– Считаешь, что мы впятером сможем радикально повлиять на ситуацию?

– Сидеть сложа руки не выход, – отрезал Вадим. – Я уверен, на борту штурмовых носителей людей нет. Это эхо войны.

– Зачем им Саргон?

– Базы на Нормане будут вычищены. Машины понимают это не хуже нас с тобой.

– И что? Какая разница? Им не скрыться на Саргоне, это же очевидно.

– Я бы согласился с тобой, Глеб, – ответил Вадим, – если бы тут не были замешаны киберхаги. Они практически неотличимы от людей и предположительно являются носителями искусственного интеллекта. Хотя относительно искусственности их сознания я не могу дать твердого, однозначного заключения. Андроиды в данном случае не больше чем инструмент достижения цели, они расходный материал и очень удобная сила, на которую при случае легко списать все человеческие жертвы.

– Я правильно тебя понял: Саргон необходим не машинам, а этим таинственным «киберхагам»?

– Да.

– Это меняет ситуацию. Если мы сможем доказать наличие тут биологических роботов.

– Для штаба флота будет достаточно разведданных, подтверждающих, что сегодняшнее событие – тщательно спланированная провокация. Если мы убедительно докажем, что дройды являются носителями боевых программ, а населению Саргона грозит физическое уничтожение, сюда будут посланы силы немедленного реагирования.

– Дело за малым. Спуститься в недра Цоколя и по-тихому стреножить пару десятков машин, правильно?

– Другого выхода я не вижу, – ответил Вадим. – Иначе нам останется лишь засвидетельствовать гибель колонии.

* * *

– Хороший план, – буркнул Доргаев. – Однако придется повременить. Пока не узнаем, что предпримут силы вторжения. Если здесь начнется штурм, спускаться в недра Цоколя не имеет смысла.

– Я считаю, немедленного штурма не будет, – возразил ему Вадим. – Иначе спектакль с поврежденным грузовым отсеком не имел бы смысла.

– И все же давай задержимся на некоторое время, – Глеб обернулся: – Дуглас, спустись вниз, подготовь снаряжение. Мы с Вадимом подойдем минут через тридцать.

Когда Ричард покинул наблюдательную площадку, Доргаев подошел к Немершеву, присел на широкий парапет, окаймлявший периметр крыши, и спросил:

– Ты сам-то что думаешь, капитан? Только откровенно. К чему эта возня? Дюжина штурмовых носителей могла превратить городской уровень в руины за полчаса.

– Не за этим они сюда прилетели, – ответил Вадим, продолжая наблюдать за зоной посадки четырех «Нибелунгов».

– Ну, должен же быть в их действиях какой-то смысл!..

– Должен, – согласился Немершев. – Но мы его пока не видим... Ясно одно, им нужен Цоколь. Цоколь без населения. При этом... – он осекся, потому что в этот момент от зоны посадки четырех штурмовых носителей показалась группа из трех человек. Подняв электронный бинокль, Вадим смог рассмотреть, что они не вооружены, одеты в гражданское, у одного в руках белая тряпка – переживший века и войны символ, означающий попытку к переговорам. – Вот тебе следующий шаг...

– Не понимаю. На что они рассчитывают?

– Думаю, это смертники.

– Почему?

– Они не люди. Киберхаги. Но на записи событий никто не заметит подмены.

– Смысл, Вадим?!

– Жители города ненавидят киберхагов. Они не станут разговаривать с ними. Тот, кто отправил «делегацию», точно знает, что произойдет.

– А как защитники Цоколя отличат искусственного человека от настоящего?

– У них своя система. Тебя разве не проверяли с помощью местных животных?

– Проверяли. Но этого недостаточно, чтобы утверждать наверняка, что перед тобой не человек!

– Для них достаточно.

* * *

Несколько минут спустя навстречу делегации выскочила целая свора скваргов, – так на местном наречии называли прирученных животных, издали действительно напоминающих непородистых собак. Те с хрипом рванулись вперед, мгновенно замыкая парламентеров в кольцо, не давая им двигаться дальше. Ситуация развивалась стремительно, по заранее предопределенному сценарию: нервное поведение животных, которые со злобным рыком начали бросаться на остановившихся «людей», не оставляло сомнений, что к стенам города приблизились киберхаги.

Для защитников реакция животных действительно оказалась достаточным поводом к решительным действиям: сиплая очередь крупнокалиберного импульсного пулемета хлестнула со стены, двое парламентеров упали как подкошенные, третий попытался рвануться назад, но вторая очередь настигла его, положив вместе с киберхагом несколько наиболее рьяных скваргов.

Если человеческие подобия погибали молча, то животные огласили сторожкую тишину громким предсмертным воем.

Жуткая картина. Нельзя сказать, что Немершев и Доргаев не видели смерти на своем веку, но происходящее на их глазах воспринималось тяжело, с внутренним надрывом, словно оба точно знали, какую цену придется заплатить защитникам Цоколя за две очереди импульсного пулемета.

Самое скверное, что их не покидало чувство предопределенности событий.

– Вот что, Глеб, – Вадим был зол и расстроен. – Нужно действовать. Иначе мы так и останемся статистами.

– Минуту. – Доргаев указал в сторону «Нибелунгов». – Посмотри, что они затеяли?

Немершев снова поднял электронный бинокль.

Вокруг штурмовых носителей наметилось явное движение. Если издалека наблюдалось только непонятное шевеление, то мощный прибор сразу же показал подробности: около сотни специализированных десантных ботов вгрызались в землю, поднимая тучи пыли, они буквально на глазах строили временные укрепления, двигая массы земли, возводя брустверы, обозначившие контур капониров, одновременно с этим штурмовые носители развернули в боевое положение генераторы короткоживущей плазмы и включили системы автопарения, чтобы дать возможность землеройным механизмам выбрать грунт под днищами кораблей.

– Они не собираются атаковать город немедленно, – произнес Доргаев. – Осада?

– Продолжение провокации, – ответил Вадим. – Они будут ждать, изображая мелкий вынужденный ремонт, пока у защитников не сдадут нервы.

– В смысле?

– Психология жителей Цоколя вполне предсказуема. Они люто ненавидят киберхагов. Долго ли они смогут усидеть в стенах города?

– Да, я заметил, народ тут суровый, неприветливый.

– Вот именно. Защитники не станут сидеть сложа руки. Они наверняка предпримут вылазку этой же ночью. Как сам понимаешь, под прицелом плазмогенераторов любая пехотная операция обречена на провал.

– Может, попробовать поговорить с ними?

– Тебя не станут слушать. Ты чужак, и этим все сказано.

– Ладно, – Глеб сжал кулаки. – А как тебе такая мысль: мы не идем в

недра Цоколя, а экипируемся и сами предпринимаем диверсионный рейд?

– Цель?

– Подорвем «Нибелунгов». Разблокируем город хотя бы с одной стороны, а заодно выясним, кто там дергает за ниточки, сидя под защитой брони. Боевые скафандры есть, современный «хамелеон» датчики носителей распознают разве что с дистанции в пять-шесть метров.

– Нет, – Вадим посмотрел на Доргаева и пояснил: – Глеб, я вовсе не уверен, что киберхаги – это чистое зло. Боюсь, что у меня нет прямых доказательств, но действовать нужно крайне осторожно. Пока мы не выясним всех обстоятельств...

– Не понимаю тебя, капитан, – насупился Доргаев. – По-моему, смерть угрожает прежде всего людям!

– Не торопись, – повторил Немершев, – у нас есть шанс предотвратить столкновение.

– Каким образом?

– Колониальный транспорт «Саргон» был построен на спаде Великого Исхода. Это проверенная информация.

– Ну и что? Есть разница?

– Есть. В базовом техническом оснащении колониального проекта.

– Говори яснее. Я не склонен гадать.

– К моменту постройки «Саргона» уже был известен принцип работы суспензорного поля.

– Ты считаешь, в конструкции Цоколя есть эмиттеры?

– Уверен. Я наводил справки, прежде чем прилететь сюда. Техническая информация по поздним колониальным проектам сейчас общедоступна. Суспензорная защита впервые была применена именно на борту колониальных транспортов.

– Почему тогда защитники Цоколя не воспользуются ею?

– Они не знают о существовании экстренной системы изоляции. Вернее, потомки колонистов прочно забыли о ней. Они многое принимают как есть, не пытаясь разобраться, каким образом функционируют системы Цоколя. Неизбежный процесс регресса в изолированных колониях.

– Наша задача усложняется?

– Не вижу иного выхода, – ответил Вадим. – Мы можем отсрочить столкновение, если запустим систему экстренной защиты поселения. Но для этого потребуется нейтрализовать десантную группу сервомеханизмов и перехватить контроль над энергопитанием.

Глеб хотел что-то ответить, но осекся.

– Вадим, смотри! Вниз!

Из безобразного пролома в перекрытии Цоколя, неподалеку от здания, где располагался наблюдательный пункт, появились две человеческие фигуры.

– Бинокль! – потребовал Вадим.

Это были они – Лори и Эльза.

– Глеб, продолжай наблюдение. Никому не дергаться! Я сам!..

Прежде чем ринуться вниз, он все же обернулся, бросив молниеносный взгляд на Доргаева.

Капитан лишь пожал плечами и сделал знак: *действуй*, недвусмысленно подтверждая, что данный вопрос исключительно в компетенции Немершева.

Прав я был. Не для зачистки их сюда прислал Стангмаер...

* * *

Он успел догнать и перехватить их в полукилометре от того места, где Лори и Эльза выбрались на поверхность Цоколя.

Над городом все еще кружил подбитый «Нибелунг», на улицах шла перестрелка, пару раз ударили взрывы...

– Лори, остановись!

Она медленно обернулась.

Сначала по коже побежали мурашки, потом на долю секунды помутилось сознание.

Это был он.

Вадим сбился с дыхания, пока спускался с двенадцатого этажа высотного здания и догонял их, поэтому его голос звучал прерывисто:

– Нам надо... поговорить...

– Не слушай его! – Эльза вдруг выступила вперед, заслоняя собой подругу. – Не о чем нам разговаривать!

Немершев холодно посмотрел на нее и ответил:

– Эльза, это касается и тебя тоже.

Она фыркнула:

– Нам не о чем говорить, ясно?

– Нет, постой! – Лори внезапно проявила характер. – Как ты оказался на Саргоне?

– Искал. Тебя.

Ее глаза вдруг влажно блеснули.

– Зачем?

Как ответить на этот вопрос? Как вести себя, когда она уже наверняка узнала правду? Что значат слова, когда вокруг беснуется трескотня

автоматных очередей?

Над головой с воем пронесся «Нибелунг» и, снижаясь, ушел к северной окраине Цоколя.

– Лори, ты очень нужна мне. Поверь!.. Я знаю, кто ты. Знаю, на что способна. Слова тут бессильны. Но, может быть, ты поверишь *мыслям?*

Она вздрогнула, когда Вадим сделал единственное, что мог предпринять в данной ситуации, – снял блокировку своего импланта.

Она вобрала, ощутила ауру его мыслей, не вторгаясь в разум, но будто *осязая*его...

– Ты действительно искал меня?.. – В ее голосе прозвучала растерянность, надежда и еще что-то, также не поддающееся словам.

– Да. Как частное лицо. Не по приказу.

– Да не слушай ты его! – вновь попыталась вмешаться Эльза, но ее слова прозвучали совсем неубедительно, ведь она тоже воспринимала ауру мыслей, но уже двух внезапно раскрывшихся навстречу друг другу рассудков.

– Это безумие... – с обреченностью в голосе прошептала Лори.

– Да, безумие, – ответил Вадим. – Безумие бежать в надежде спастись. Город окружен, и его жители обречены. Мы можем хотя бы поговорить, пока здесь не началась резня?

– Кто напал на город? – сухо осведомилась Эльза.

– Киберхаги. Такие же искусственные люди, как ты и Лори.

Его слова повисли в гнетущей тишине, нарушаемой лишь удаляющимся треском автоматных очередей.

– Хорошо. Мы поговорим с тобой. Хотя не понимаю, к чему могут привести слова.

– Мы не враги, Эльза. Ни ты, ни Лори не совершили ничего непоправимого. Пока не совершили. И у нас есть о чем поговорить. Я многое узнал о Саргоне и киберхагах. Поверь, информация достойна обсуждения – возможно, взаимопонимание между нами сможет остановить кровопролитие.

– Я же сказала – пошли. Или где мы будем говорить?

– Здесь недалеко. Только воспринимайте все спокойно, с точки зрения здравого смысла, хорошо?

Он так и не включил блокировку импланта.

* * *

– Итак, что здесь происходит? – резко спросила Эльза, когда они поднялись на площадку двенадцатого этажа, откуда невооруженным глазом

были видны позиции окруживших город «Нибелунгов».

– Вадим, позволь, я введу девушек в курс дела? – внезапно предложил Глеб.

– Давай. Только все без утайки. И о базах на Нормане, и о положении дел на Саргоне.

* * *

За десять минут, которые потребовались Доргаеву на сухое, но информативное изложение обобщения известных событий, обстановка вокруг города не изменилась, только стрельба на улицах стихла.

Когда Глеб закончил, Эльза лишь криво усмехнулась.

В отличие от Лори, она не строила иллюзий, не цеплялась за призрачные надежды.

– Может, мы с Лори и не совершили ничего *непоправимого*, но десять лет геноцида на Саргоне не спрячешь. Такое не прощают. Нас с Лори репрессируют общим списком с теми, кто...

– Мы офицеры Конфедерации, – прервал ее Вадим. – Это не пустой звук. Невиновные не пострадают.

– Сейчас речь идет не о прошлых годах, – поддержал его Глеб. – И проблема кроется не в факте существования искусственных людей – источник всех бед где-то на Нормане, я больше чем уверен. В данности мы имеем конкретную ситуацию, из которой предлагаю выбираться, – он твердо посмотрел на Эльзу, – всем вместе. В конечном итоге людей судят не по их строению, а по поступкам, если я правильно понимаю.

Никто, включая Немершева, не ожидал услышать подобных слов от Доргаева.

– То есть ты предлагаешь нам с Лори принять участие в обороне города?

– Да. А там – если выживем – разберемся.

– Но мы же не...

– Эльза, замолчи! – угрожающе произнесла Лори.

– А ты отвечай за себя, подруга!

– Согласна. – Лори подняла взгляд, на долю секунды взглянула в глаза Вадима и произнесла: – Я остаюсь. Решение за тобой, Эльза. Можешь пойти к ним, – она выразительно кивнула в сторону севших «Нибелунгов».

– Лори, это жестоко!

– Это не жестокость. Выбор. Я не виновата, что ты разучилась верить в людей.

Эльза отошла к краю площадки и некоторое время, отвернувшись,

смотрела вдаль – может быть, на севшие штурмовые носители, а быть может, просто в туманную дымку летнего утра...

Она не имела ничего против своих уникальных способностей, выходящих за рамки дозволенного для человека или кибернетической системы, но, в отличие от Лори, Эльза не умела прощать.

Все объяснялось достаточно просто: о ее добровольном участии в проекте «Киберхаг» не шло и речи.

В прошлом Эльза являлась пилотом серв-машины. Ее сознание еще до рокового ранения успело погрузиться в бездонную пучину полного нейросенсорного контакта с искусственным интеллектом модуля «Одиночка». Война наложила неизгладимый отпечаток на душу и рассудок лейтенанта Райт, потому свое негаданное «второе рождение» Эльза воспринимала двояко.

С одной стороны, остаться калекой, пережить поражение Земного Альянса – перспектива не из радужных, с другой же, ее душила элементарная ярость – трудно было абстрагироваться от ощущения, что тебя использовали как вещь, не удосужившись задать элементарный вопрос: а хочешь ли ты перерождения?

Впрочем, кто интересовался ее мнением о происходящем, бросая из боя в бой, навстречу верной гибели или приближающемуся безумию? Нейросенсорный контакт с кибернетическими системами серв-машины трансформировал рассудок, *будни войны*калечили душу, она по определению не могла вынырнуть из дикого омута затянувшегося, потерявшего всякие границы противостояния и стать прежней...

Нет, об этом даже не грезилось. Разум тонул в жестокой реальности техногенных схваток, собственные ощущения блекли на фоне тех возможностей, которые получал рассудок пилота, управляя сервомеханизмом, и промежутки между боями становились все более долгими, невыносимыми в субъективном понимании пилота.

Ничто в мире не могло дать таких же ярких переживаний, как схватка.

Наркотик. Не только рассудок, но и организм «подсел» на него. Регулярные инъекции боевых стимулирующих препаратов не шли на пользу, они вызывали привыкание, Эльза чувствовала, что становится хмурой, раздражительной, оживая только в кресле пилот-ложемента.

Безумие войны медленно, но верно пожирало рассудок.

Что изменилось теперь?

Она очнулась в новом теле, обстоятельства даровали ей иную жизнь, уникальные возможности, но те, кто имплантировал в рассудок киберхага воспоминания Эльзы Райт, совершили непростительную ошибку, полагая,

что она по-прежнему будет беспрекословно подчиняться приказам, исполнять внутренние инструкции программных модулей, как нечто само собой разумеющееся.

Ничего подобного. Эльза очнулась совершенно не так, как Лори. У нее не было чувства глобальной растерянности, она практически не задавалась вопросом «Кем я стала?», однозначно осознавая всю глубину произошедших с ней перемен. Длительный нейросенсорный контакт с кибернетическими системами не только подготовил ее разум к новым способам восприятия окружающего мира, но и помог быстро разобраться в ситуации, не испытывая при этом глубоких мучительных эмоций.

Она не искала спасения, не пыталась найти в себе человеческие черты. Эльза вела себя совершенно иначе: она приняла данность такой, как есть, но сейчас, стоя над обрывом двенадцати этажей, она в первый раз всерьез пожалела, что не осталось в ее душе той иллюзии, за которую она могла бы ухватиться, подобно тому, как сделала Лори, и остановить бесконечное падение в бездну *неопределенности*.

Как там она сказала? Выбор?

– Хорошо... – Эльза обернулась. – Я остаюсь. Только при одном условии: если выживем, я вместе с вами полечу на Норман. Хочу задать пару вопросов тем, кто там угнездился.

– Это я могу обещать, – ответил Немершев, переглянувшись с Доргаевым. – Если не секрет, кого ты там рассчитываешь найти спустя триста лет по окончании войны?

Эльза криво усмехнулась.

– Я вижу штурмовые носители Альянса. Не уверена, что война закончилась. Как бы там ни было – за этим стоит человек. Или матрица человеческого рассудка.

* * *

– Давайте подведем черту, – предложил Доргаев. – Мы столкнулись с внезапной проблемой. Население города сейчас не в счет. Они испытывают иррациональный страх перед внутренними уровнями Цоколя, но именно туда нам необходимо попасть. Речь идет об уничтожении андроидов, которые высажены, чтобы погасить реактор. Кроме того, нам следует отыскать и по возможности запустить древние установки суспензорной защиты. Это наиболее бескровный план, при котором мы сможем обеспечить относительную безопасность жителей Саргона. Если он не сработает, нам придется очень туго.

– Здесь я смогу помочь, – откликнулась Эльза. – Тоннель, по которому

мы выбрались, ведет прямиком к четвертому техническому горизонту. Ниже только реакторные залы, мне пришлось побывать там, когда Лори подключала аппаратуру биологических лабораторий.

– В таком случае экипируемся и вперед. – Глеб бросил взгляд в сторону Вадима, но тот понял Доргаева без слов.

– Командуй, Глеб. Это твоя группа.

– А что у нас с экипировкой? – сдержанно осведомилась Эльза.

– Бронескафандры. Они спрятаны в подвале этого дома.

– Не слабо... Я думала, будет хуже.

– Я же сказал: мы готовились к разведывательной операции на Нормане.

Глава 9

Цоколь.

Сектор биологических лабораторий

Они разделились.

Эльза повела группу Доргаева к реакторным залам, а Вадим, переговорив с Глебом, попросил Лори задержаться в лабораториях.

Пять человек в боевых скафандрах исчезли во мраке заброшенных переходов.

– Зачем мы остались? – спросила Лори.

– Ты должна показать мне результат исследований.

– Это твое задание?

– Нет, – Вадим присел на край стола. – Я думал, все будет просто. Отыщу тебя, еще раз взгляну в твои глаза, и все встанет на свои места.

– Ошибся?

– Дело не в тебе. В других... искусственных людях. Ты ведь хочешь понять, что происходит?

Она медленно повернулась.

– Хотел спросить: есть ли мне дело до остальных киберхагов? Я с собой-то не разобралась. А если разберусь, то оставлю знание для личного использования, потому что я – не машина, ясно?! И не стану подопытной в лабораториях военного ведомства. Если прижмете меня или Эльзу к стенке – пожалеете. Серьезно говорю.

Вадим сокрушенно покачал головой.

А что он хотел? Лори защищается, нет у нее оснований верить кому бы то ни было.

– Город на осадном положении, – напомнил Немершев. – Останавливаться на полуфразе или ограничиваться полумерами нельзя. Нравится или нет, но нужно идти до конца. Подумай, Лори. До пресловутой «лаборатории», которой ты так боишься, еще нужно дожить. Помнишь, что написала Эльза на кожухе андроида?

Лори побледнела.

*Предатель.*Она бессильно закрыла глаза. Мир показался ей сейчас пустым и враждебным.

– Понимаю, ты никому и ничему не веришь. Но что изменится в лучшую сторону, если осаждающие ворвутся в город и начнется бойня?

– Чего ты хочешь от меня?! – Лори было больно разговаривать с ним.

Образ Вадима успел прижиться в опустошенном сознании, и сейчас, когда он появился рядом, трудно, немыслимо трудно поверить, что...

– Я действую как частное лицо, – вновь повторил он. – Ты понимаешь это?

Она медленно подняла взгляд.

– Есть разница? Разве ты не продолжаешь служить Конфедерации?

– Лори, я хочу, чтобы ты успокоилась и попробовала мыслить объективно. Конфедерация – не зло. Я же прилетел сюда в поисках тебя, но не для того, чтобы доставить в пресловутую «лабораторию»!

– Я мыслю достаточно здраво. Ты сориентировался в происходящем и понял, что личные интересы находятся в зависимости от интересов содружества? Ведь так?

– Одно другому не мешает. Помогая тебе и Эльзе, я помогаю всем. В конце концов меня тоже ждет малоприятная участь, если они ворвутся в город.

– Чего ты от меня хочешь, Вадим? – повторила она.

– Лори, нужно искать выход. Дай мне шанс понять, кто ты есть на самом деле. Мир за три столетия изменился. Война давно в прошлом.

– Но не здесь и не сейчас... Тут война продолжается. – Лори села на край скошенной приборной панели. – Но мне нет дела до нее. Я теперь – сама за себя.

– Не боишься?

– А чего мне теперь бояться?

– Не думала, например, о практическом смысле проекта? Считаешь, нет средства воздействия на вышедшие из-под контроля боевые единицы?

Она усмехнулась.

– Все «средства контроля» в моей голове, Вадим.

– Не проще ли их обезвредить?

– С ума сошел? Кем я тогда стану? Откуда ты знаешь, что моя личность существует вне зависимости от системы контроллеров? Ставь опыты на себе, – отрезала она.

* * *

Ставь опыты на себе...– Эти слова почему-то обожгли, полоснули, будто ножом.

Немершев болезненно вздрогнул – фраза Лори внезапно пробудила смутные обрывочные воспоминания.

* * *

Боль... Она пульсировала в голове, острая, режущая, немилосердная. Видение или явь? Вадим не мог разобрать, что именно он сейчас вспомнил – реальные события или однажды пригрезившийся кошмар? С одной стороны, воспоминания носили обрывочный, гротескный характер, с другой – нахлынувшие вдруг ощущения поражали своей достоверностью.

Одна беда – бредовые ощущения плохо сочетались с элементарной логикой: Немершев внезапно и четко воспринял обрывок реальности. Он не лежал – сидел в специальном кресле, руки, ноги, грудь, голова – все зафиксировано захватами, нет возможности пошевелиться, но напротив сияет хромом емкость непонятного предназначения, и он видит в ней свое отражение, пусть искаженное, но узнаваемое.

Страх накатывался волнами дрожи. Нет, даже не страх – ужас. Я сплю... Такое невозможно в действительности... Вадим смотрел на свое отражение и видел, что кожа на лбу выглядит тонкой, прозрачной, как смоченный маслом лист кальки... Под кожным покровом кровь. Нет, по цвету – какая-то сукровица. Не видно порванных сосудов, жидкость розового цвета заполняет тонкую прослойку между черепной коробкой и пергаментной кожей.

Чуть выше лба закреплен мягкий тубус с такой же жидкостью. От множества незнакомых агрегатов к нему тянутся провода и трубки.

Голоса...

Они прорываются издалека.

– Мы ошиблись, Риган. Кто-то уже поработал над ним. Я исследовал структуру имплантированных микромодулей, но они бездействуют. Программы стерты. Причем произошло это давно, лет десять назад. Кто-то опередил нас, подсунув пустышку.

– Я не виноват, что пациентки ускользнули, Эгл.

– Знаю, что не виноват. Такое ощущение, что нас подставили... Что будем делать с ним?

– Операцию нельзя назвать неудачной. Ты извлек контроллер для исследования.

– Да, но он не работает.

– Это неважно. Его устройство многое нам расскажет.

– А что делать с ним?

– Пусть приходит в себя, дадим ему время на реабилитацию. Интереснейший экземпляр. Если он сохранит целостность сознания, мы получим бесценный опыт хирургии. К тому же он кладезь технологий.

– Ладно. Договорились. Посмотрим, что будет, когда он очнется.

Воспоминание истончилось, поблекло, но одно Вадим успел понять

со всей очевидностью – он узнал ту самую палату в клинике «Асгард», откуда бежал, очнувшись глубокой ночью.

Нет. Этого не может быть. Если они что-то извлекли из моего мозга, должен был остаться след от операции, рана...

* * *

– Лори... – Вадим обернулся. – Послушай меня...

– Ну? – она хмуро посмотрела на Вадима.

– В тот вечер на Зороастре... Это ты или, может быть, Эльза, кто-то из вас «вырубил» меня?

– Делать нам больше нечего! – фыркнула Лори.

Сердце Немершева глухо стукнуло. *Или мне только кажется, что оно бьется в груди?*

– Лори, отсканируй мой мозг.

– Это еще зачем?

– Прошу тебя.

– Ну ладно, – она пожала плечами. – Что я должна найти?

– Увидишь сама, – уклонился от прямого ответа Вадим. – Или не увидишь... В любом случае скажи мне правду, какой бы она ни оказалась.

Лори нахмурилась, внимательно глядя на Вадима.

– Ты что-то не договариваешь.

– Я сам ничего не знаю. Можешь поверить, что мне ни разу не приходило в голову направить сканер на самого себя? Одно могу сказать точно – со мной что-то случилось на Зороастре.

– Ладно. Давай попробуем.

Он закрыл глаза. Тишина окутала рассудок, ожидание было долгим, невыносимым, Вадиму всерьез казалось, что канула целая вечность, прежде чем он ощутил осторожное прикосновение пальцев Лори.

Немершев открыл глаза. Лори стояла напротив, ее лицо осунулось, кожа на щеках приняла землистый оттенок.

– Ты... Ты знал?!. – В ее голосе ужас смешивался с нотками непонятного для Вадима *облегчения*...

Вадим сглотнул. Такого морального напряжения он не испытывал в самые страшные минуты боев.

– Что показал сканер? – хрипло спросил он.

– У тебя... – ее голос дрогнул, – у тебя два десятка имплантированных микрочипов.

– Они похожи на твои?!

– Да! – Лори не выдержала, отшатнулась, сканер выпал из ослабевших

вдруг пальцев, и она присела, сжав ладонями виски.

– Ты киберхаг, Вадим...

* * *

После ее фразы наступила тишина. Вадим ощущал себя так, словно только что получил удар кувалдой в лоб... *Киберхаг*...

Почему Лори страшится посмотреть на него? Откуда в ее глазах почти мистический ужас?

– Они тебя использовали? Вслепую? – наконец глухо спросила она, нарушив тягостную тишину.

Вадим поднял оброненный сканер, посмотрел на крохотный дисплей. Прибор показывал наличие темных вкраплений, асимметрично разбросанных по условной схеме полушарий головного мозга.

Значит, один из контроллеров извлекли на Зороастре? Вот что привлекло внимание сотрудников клиники при обследовании моего организма. Хотя не только это, наверное...

Их кто-то выключил лет десять назад...– рванулось воспоминание. – *Нас кто-то опередил...*

Вадиму казалось, он сейчас сойдет с ума. Десять лет назад он начал свою службу во флоте Конфедерации. Что было до этого?

Он не помнил... Отсчет осознанной памяти начинался *в госпитале.*Он всю жизнь считал, что получил ранение при первой неудачной зачистке Эрихайма, которая действительно состоялась десять лет назад.

Теперь кое-что начало вставать на свои места, нашло, наконец, разумное объяснение, но становилось ли от этого легче?

Почему Хельга не распознала во мне биологическую машину? И как, ради всего святого, я мог из года в год проходить медицинские освидетельствования?

Внезапно пришло чувство смертельной тоски. ВСЕ МЕДИЦИНСКИЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ – БЛЕФ. Кому положено – те знали. И Стангмаер в их числе...

Теперь он понимал Лори. Понимал, как никто другой. Она очнулась спустя три столетия в ином мире, с которым ее не связывало ничего общего, очнулась, не понимая, что с нею сделали, чья воля периодически подчиняет себе ее рассудок, как жить с этим, куда податься?

Она вдруг вздрогнула, подняла взгляд и тихо произнесла:

– Я слышу твои мысли... – В ее глазах внезапно блеснули слезы. – Ты... Ты хоть понимаешь, что сейчас сделал для меня?

Вадим понимал. Ему было невероятно трудно. Ощущение

эмоциональной контузии не отпускало. Чтобы жить дальше, нужно найти ответ на сотни новых вопросов, примириться с данностью... либо отвергнуть ее.

– Да, Лори. Я киберхаг. И одновременно – офицер Конфедерации. Мои модули не работают, а я жив и не потерял свою личность. Меня действительно использовали вслепую... но как минимум дважды люди, осведомленные о моем истинном происхождении, давали мне право на поступок. Да, они использовали меня, – повторил Вадим, – но... все десять лет рядом были люди, которых я защищал, которые рисковали своими жизнями ради меня...

– Я была неправа... – тихо произнесла Лори. – Извини, если сможешь...

– Не за этим ли меня послали? – с горечью произнес Немершев. – Быть может, я – лишь наглядное пособие, доказательство того, что искусственный человек может жить и не потеряет личность после стерилизации микрочипов?

Лори не ответила. Она заставила себя встать, взяла Вадима за руку.

– Пойдем.

– Куда?

– Нам нужно поговорить. Времени мало, – она как будто вспомнила, что существует целый мир, который сейчас балансирует на грани катастрофы. И они находятся в самом эпицентре грозящего взрывом противостояния.

– Ты сказала «нам»?

– Не придирайся, Вадим. Я не доверяла тебе. И ничто не заставило бы меня изменить мнение...

– Кроме наглядной демонстрации? – Немершев нашел в себе силы усмехнуться.

– Да. И поверь, это не худшая из порученных тебе миссий. Пусть она спланирована кем-то, но этот человек не желал, чтобы люди уничтожили друг друга. Понимаешь? Он хорошо знает тебя, и потому... не спеши навешивать ярлыки. Он хотел, чтобы ты разобрался во всем и нашел решение, если оно есть. Я готова помочь тебе, сделать все что смогу, вывернуться наизнанку, понимаешь? Ты только что подарил мне надежду! Осознанную надежду...

Они вошли в помещение центральной биолаборатории.

– У нас есть еще как минимум час, – произнесла Лори. – Я хочу, чтобы ты узнал все, что я ощущала, чувствовала с того момента, как очнулась.

– Слишком мало времени.

– Хватит с лихвой. – Лори села в кресло и добавила: – В том случае, если мы воспользуемся имплантами для прямой передачи данных.

* * *

Цоколь. Часом позже...

Разведчики вернулись около полудня. Хотя в недрах Цоколя понятие смены дня и ночи теряло смысл, Вадим привычно фиксировал время событий, как будто ему предстояло писать рапорт по возвращении на базовый корабль...

– Что скажешь, Глеб?

Доргаев устало опустился в кресло, заставив старый механизм застонать под весом боевой экипировки.

– Не все так плохо, как мы думали. Спасибо Эльзе, здорово помогла, – он обернулся и громко повторил, чтобы было слышно в смежном помещении: – Эльза, я твой должник.

– Расслабься, Глеб, придет время, сочтемся, – донесся оттуда голос девушки.

– Говори толком, что удалось сделать?

Доргаев потянулся за полупустой чашкой остывшего кофе.

– Не возражаешь? – он отпил несколько глотков. – В общем, дела такие. Дройдов в реакторных залах было полтора десятка. Остальные, по-видимому, либо неудачно приземлились, либо были отловлены и уничтожены в городских кварталах. Нам удалось обойти их пост благодаря Эльзе, она видит кибермеханизмы при отключенных сканерах экипировки, так что мы «просочились» мимо, воспользовавшись ее способностями, и смогли точно установить – подрыв реактора не входил в планы нападающих. Они готовили силовую установку к введению в режим резерва. Как только стало ясно, что реактор не поврежден, мы ликвидировали машины.

– Значит, у нас есть лимит времени до начала боевых действий? – спросил Немершев, решив, что пусть все идет своим чередом. Настанет необходимость, и он расскажет Глебу о собственных открытиях.

– Да, поскольку они собирались отключить город от энергопитания, но без взрывчатки, сечешь, капитан? Я сделал из этого два вывода. – Доргаев растопырил пальцы. – Во-первых, на манипуляции с реактором кибермеханизмам потребовалось бы пять-шесть часов. Затем еще как минимум двое суток они были намерены держать оборону, на тот случай, если кто-то рискнет сунуться сюда и проверить, что за хрень творится с

энергоснабжением?

– Исключено, – возразил Вадим. – Люди боятся подземелий и плохо представляют, как следует обращаться с силовой установкой.

– Но машинам это неизвестно, – усмехнулся Глеб.

– Допустим. Что с эмиттерами суспензорной защиты?

– Здесь полный провал. Они не работают.

– Скверно.

– Я бы выразился покрепче. – Доргаев, несмотря ни на что, пребывал в приподнятом настроении. – Есть предложение, Вадим: мы поднимаемся наверх и собираем городское ополчение. Когда выйдут все установленные сроки, а реактор продолжит работу, тем, кто сейчас прячется в «Нибелунгах», придется на ходу менять тактику поведения.

Вадим кивнул:

– План хорош, но неполон. Относительно сил вторжения: ты можешь прогнозировать, что именно они предпримут, когда поймут, что взять город «измором» не выйдет?

– Пойдут на штурм, – ответил Доргаев.

– Это меня и беспокоит. Как нам убедить население спуститься в Цоколь? Наверху плазмогенераторы «Нибелунгов» не оставят камня на камне.

– А вот это мы еще посмотрим, капитан. У нас тобой разные профили диверсионной подготовки, но если сложить опыт и знания, то получится весьма неплохо. Ты же не станешь отрицать, что генератор плазмы, хоть и выглядит неказисто, но на самом деле устройство сложное, к тому же капризное, а потому оснащено высокой степенью защиты.

– Ты имеешь в виду защиту от «рискованной эксплуатации»? – уточнил Немершев.

– Мыслим одинаково, – довольно усмехнулся Глеб. – Пара микросхем, извлеченная вручную, на их место устанавливаем тестовые муляжи, и дройды из взвода технической поддержки запарятся в поисках поломки. То же самое предлагаю проделать с системой корректирующих двигателей, – есть несколько слабых, доступных снаружи мест, куда можно установить чипы, которые внесут фатальную ошибку в предстартовую процедуру тестирования. Если на борту не дураки, они начнут искать поломку. А мы посадим снайперов по периметру и начнем прессинговать их службу технической поддержки. В конечном итоге получим ситуацию, доведенную до состояния «ровно наоборот». Они рассчитывали вынудить защитников города на отчаянные меры, спровоцировать людей на самоубийственную атаку, но ситуация развернется на 180 градусов, – долго ли они просидят в

штурмовых носителях без возможности взлететь или применить тяжелые виды вооружений, да еще и под постоянным снайперским огнем?

– Идея неплохая, – согласился Вадим. – Я еще при посадке «Нибелунгов» определил: пилоты точно вычислили дистанцию от стен Цоколя, на которой их не достанут стандартные виды стрелкового оружия.

– В своих расчетах они не могли учесть все факторы. Например, присутствие на планете нашей группы с современным вооружением.

– Отлично. Я тоже не с пустыми руками прибыл. По легенде я торговец, изучаю спрос на оружие. В грузовом отсеке моего «Дизверта» два десятка «ИМ-170», адаптированных под патрон от «АРГ-8».

– Неслабо... – присвистнул Доргаев. – Электромагнитное ускорение в сочетании с химическим зарядом?

– Да. Разработка «умельцев» с Окраины. Единственный минус – отдача. Остальное в плюсе. Дальность стрельбы и поражающая способность увеличены вдвое относительно исходных образцов. К тому же классическая пуля – это не шарик...

– В общем, все не так плохо, капитан, – Глеб допил кофе. – Мои ребята сейчас следят за автоматикой реактора, пока тот не выйдет на плановую мощность. Как будем действовать?

– Придется разделиться. Тут справишься сам? А я поднимусь в город, мне по легенде легче установить контакт с местным населением.

– Согласен. Девочек мне оставишь?

– Подружились с Эльзой?

– А ты думал?

– Ну, смотри. Оставлю, только помни – задеть их легко, а вот на извинения может не хватить времени. Так что думай, прежде чем что-то сказать.

– Ладно. Разберусь, – ворчливо ответил Глеб. – Ты лучше решай, где взять восьмого снайпера и как договориться с жителями колонии, чтобы они нас не порвали, приняв за вражеских диверсантов.

– За этим и пойду. Восьмой снайпер у меня есть на примете. Переговоры с колонистами тоже возьму на себя. Одно непременное условие, Глеб: Лори и Эльза должны подниматься наверх в бронескафандрах. Нельзя, чтобы их распознали. Понимаешь меня?

– Вполне.

– Тогда не будем терять времени.

* * *

Вадим уже покинул помещения лаборатории, выйдя в сумеречный

коридор уровня, когда его догнала Лори.

– Уходишь, даже не попрощавшись? – В ее голосе прозвучала плохо скрытая обида.

Немершев остановился. Их отношения за несколько часов усложнились настолько, что разум капитана пасовал под напором чувств. Все произошло слишком быстро, непредсказуемо. Если вдуматься, то у него не осталось времени, чтобы толком разобраться с правдой о себе самом.

Почему я не впал в крайность, словно заранее знал, предчувствовал, что в моей жизни что-то не так?

Она остановилась в двух шагах от Вадима.

– Лори, я ведь не ухожу насовсем.

– Вадим, я хотела спросить: тебе все абсолютно понятно? Ты хоть осознаешь, чем рискуешь, поднимаясь наверх?

– Жизнью, – ответил он. – Жизнью, Лори, потому что я человек. Такой же, как ты или жители этого города.

– А как же прошлое? Перерождение? Как быть с ненавистью колонистов к киберхагам?

– А что такое человек, Лори? Упорядоченный природой набор клеток? Инстинкты? Или все-таки душа и разум, способность мыслить, осознавать окружающий мир и главное – сопереживать ему?

– Ты говоришь правильные слова, Вадим, но многие ли их услышат?

– Лори, я говорю то, что думаю. Если мы хозяева своей судьбы, то значит, у нас есть право на поступки. Не механические запрограммированные действия, а поступки, ты ведь понимаешь меня?

– Понимаю, – она подошла ближе, и скупой свет далекой осветительной панели мягко выдавил из сумрака черты ее лица. – Нам придется кровью доказывать свою человечность?

Вадим осторожно коснулся ее щеки. Он все еще робел перед подобными движениями, но Лори лишь закрыла глаза, как будто старалась навечно запомнить его прикосновение.

– Дело не в способе доказывания, – мягко произнес Вадим. – Ты ведь понимаешь, что мы можем уйти, исчезнуть, раствориться на просторах Окраины, никому ничего не внушая?

– Да. И будем прятаться всю жизнь, доверяя только друг другу. Возможно, это было бы правильно, Вадим?

– Лори, у каждого своя правда. Я не успел тебе рассказать об одной встрече, которая произошла несколько дней назад. Я ощутил всю глубину безумия и ненависти, которую испытывают жители Саргона к киберхагам.

Но теперь я узнал тебя, Эльзу, в конце концов, теперь мне следует помнить, что я сам – киберхаг. Не спрашивай, почему я не пребываю в глухой депрессии по этому поводу. Сам не разобрался. Но хочу... Если я, ты, Эльза – мы можем совершать поступки, отвечать за свои действия, если наш разум оказался сильнее имплантов и подчинил их себе или отключил вовсе, как случилось со мной, то почему другие, подобные нам существа, действуют, как машины, несут смерть, горе, разрушение? Что властвует над ними?

– Тебя это так волнует?

– Да. У каждого явления есть причина. Если мы люди, пусть и с искусственно созданными телами, я не хочу, чтобы однажды неведомая сила взяла под контроль мой разум. Если же мы машины, то чем раньше узнаем правду, тем лучше. Я собираюсь бороться. За себя, за тебя, за Эльзу, за тех несчастных, что потеряли близких, прошли по пути безумия, – я хочу понять, кто и во имя чего это сделал. Мне нужна правда, вся без остатка, только тогда я смогу жить, не озираясь по сторонам.

– Я хочу того же, что и ты... – тихо произнесла Лори. – Вот только у меня не получается так убедительно говорить и мыслить.

– Потому что мы разные. Не штамповка, а индивиды, – он провел пальцами по ее щеке, смахнув слезу. – Все будет хорошо, вот увидишь.

Она кивнула, с трудом сглотнув мешающий дышать комок.

– Иди. Я буду ждать тебя, Вадим.

* * *

Путь наверх оказался недолог. Теперь Вадим знал дорогу и спустя час вышел из недр Цоколя на поверхность.

На улице начинался вечер. Сумерки еще не укутали землю, но солнце уже клонилось к горизонту, подсвечивая багрянцем редкие полосы перистых облаков.

На улицах было безлюдно, но Немершев точно знал, где найти жителей: все от мала до велика находились сейчас подле укреплений периметра, выстроенных по краю цокольного этажа несостоявшегося мегаполиса.

Пройти пришлось всего несколько кварталов.

Собственно, укрепления периметра представляли собой крайние здания с замурованными окнами, усиленными стенами и намеренно разобранными верхними этажами.

Вадим, не колеблясь, направился к произвольно избранному опорному пункту. В данный момент ему было все равно, с кем начинать переговоры,

он не знал руководителей колонии ни в лицо, ни по именам и потому решил, что сориентируется на месте.

Фортуна явно благоволила ему, потому что, войдя в здание, он почти сразу увидел Хельгу.

– Привет.

Она обернулась на голос, несколько секунд смотрела на Вадима, словно пыталась узнать его, а потом ответила:

– Здравствуй, торговец. Пришел посмотреть?

– Есть разговор, – Вадима не смущали периодические приступы безумия, случавшиеся с Хельгой, на этот раз она выглядела даже лучше, чем при их первой встрече, как будто распрямилась, сбросила десяток лет.

– День мщения, – она почти в исступлении посмотрела на Вадима. – Они не уйдут из-под стен города. Мы не дадим этого сделать.

– Не сомневаюсь, – ответил Вадим и тут же перешел к делу: – Хельга, кто руководит обороной города?

– Владимар.

– А где я могу его найти?

– Зачем тебе? – она с подозрением взглянула на Немершева.

– У меня с собой оружие на продажу. Думаю, оно сейчас не помешает.

Хельга на некоторое время задумалась, словно взвешивала его слова, а потом сделала знак рукой: *пошли.*

* * *

Владимар оказался высоким, худощавым, нервным парнем. Своеобразный штаб сил самообороны располагался недалеко от укреплений периметра, вход в здание не охранялся, повсюду *бродили*вооруженные люди, некоторые спали тут же, готовые по первому сигналу проснуться и бежать к укреплениям.

Кабинет на втором этаже, куда привела Немершева Хельга, когда-то являлся конференц-залом, сейчас же он представлял собой нечто среднее между казармой и временным тактическим пунктом, куда на два десятка голографических мониторов стекалась информация от датчиков периметра.

– Владимар. – Хельга тронула за плечо склонившегося над компьютерной схемой парня. – Тут с тобой хочет поговорить один торговец.

– Что ему нужно? – буркнул тот, не прекращая рассматривать схему.

– Привез оружие. Поговори с ним.

Вадим подошел к Хельге и, склонившись к ней, тихо сказал:

– Спасибо. Дальше я сам. Подожду, пока он освободится.

– Как знаешь, – она пожала плечами. – Если что, приноси оружие в то укрепление, где мы встретились.

– Договорились. Я найду тебя в любом случае.

Бардак... С такой организацией им не продержаться и пяти минут, если боевые дройды пойдут на штурм.

– Ну? – Владимар закончил рассматривать схему и повернулся к Немершеву: – Что хотел?

– Поговорить надо, – спокойно отреагировал Вадим.

Парень почесал небритый подбородок и ответил:

– Пошли. Хельга сказала, ты оружие привез? Много?

– Достаточно, – Вадим мельком взглянул на компьютерную схему, запоминая множество условных обозначений, расположенных по периметру виртуальной модели города. Особенно ему не понравились крупные маркеры, сгруппированные напротив четырех мест посадки штурмовых носителей.

– Что-то я тебя не припомню... – Владимар жестом указал Вадиму на свободное кресло.

– Я впервые на Саргоне.

– Да? И где твой корабль? На чем ты прилетел? – В глазах Владимара, наконец, проскользнуло подозрение.

– Ты знаешь торговца по имени Соул?

– Ну, допустим?

– Это он доставил меня на планету. А в город я приехал на машине.

– Тебя сканировали?

– Естественно. И скварги обнюхивали.

– Хельгу откуда знаешь?

– Познакомились в заброшенном поселке. Она едва не пристрелила меня, приняв за этого... как его... киберхага.

– Повезло тебе. Хельга обычно не промахивается. – Владимар усмехнулся, показав желтоватые зубы. – Что за оружие ты привез?

– Импульсные винтовки усиленного образца, армейские бронескафандры, ну и так еще немного всякой всячины, по мелочи.

– Хороший товар. Нужный, – мутный от усталости взгляд Владимара немного прояснился при упоминании бронескафандров. – Но мы сейчас находимся, как сам видишь, в несколько стесненном положении, – произнес он. – Обычно город платит за инопланетные товары редкоземельными металлами, которые мы добываем в горах, но в данный момент склады пусты. Ты согласишься подождать пару дней, пока мы не вышвырнем с планеты этих ублюдков и не разблокируем дороги?

– Подождать не проблема, – ответил Вадим. – Только мне не совсем понятно, как вы собираетесь одолеть такую силу?

– А вот это не твоя проблема.

– Ну почему? Если я сейчас отдам тебе скафандры и оружие, а их испортят во время боя, будет скверно. Особенно в том случае, если пришельцы победят.

– Ну, так на кой фрайг ты морочишь мне голову?! – вспылил Владимар.

– Не кипятись. Я бывший военный. Могу помочь.

– И что ты сделаешь? – Владимар уже потерял интерес к Немершеву и теперь досадовал, что зря потратил время.

– Послушай, ты хочешь победить? Упрочить свою власть? Или хотя бы элементарно дожить до восхода солнца?

– Ты что, пытаешься угрожать мне?

– Нет, – Немершев спокойно выдержал бешеный взгляд и продолжил: – Я дорожу своей жизнью, своим товаром и потому предлагаю помощь. Мне не будет никакой выгоды, если пришельцы победят. Ты когда-нибудь отбивал атаки «Нибелунгов»?

– Нет. И что с того? Они прилетели, и все когда-то случается впервые.

– Тогда выслушай меня, а потом можешь поступать, как знаешь. Всего пять минут.

– Пять минут, говоришь? Ладно. Пойдем. Я не слепой, видел, как ты смотрел на схему обороны.

* * *

– Насколько я понял, ты не собираешься выдерживать долгую осаду?

– Для долгой осады в городе не хватит ресурсов, – мрачно ответил Владимар.

– Хорошо. Значит, планируется ночная атака?

– Допустим.

– Вот эти маркеры, что они означают? – поинтересовался Вадим.

Владимар задумался. Странный и подозрительный этот торговец. Такое ощущение, что он пришел сюда не ради продажи товара. Ну, посмотрим. Он покосился на скварга, мирно дремавшего неподалеку. Вроде спокоен. Значит, торговец не киберхаг. Владимар мыслил тяжело, он смертельно устал за истекшие сутки и в глубине души понимал, что перспектив одержать победу у колонистов нет.

– Ты действительно был военным?

– Служил во флоте Конфедерации, – ответил Вадим. – Я офицер

запаса.

– Хм... Конфедерация... Торговцы с Окраины не очень жалуют содружество.

– Они никого не жалуют, кроме себя самих, – в тон Владимару ответил Немершев. – Давай вернемся к делу. Я вижу работающий таймер. Объясни мне диспозицию и план действий, ты ничем не рискуешь, ведь за... – Вадим взглянул на таймер, – за два оставшихся часа я даже не успею выбраться из города.

– Это верно. Ты даже из здания не выйдешь, – в хищной усмешке Владимара проскользнула обреченность. – Да и тайны никакой нет, мог бы обо всем расспросить на укреплениях. У нас есть орудия, оставшиеся еще с войны.

– Что за орудия?

– Обычные орудия, работают на принципе электромагнитных ускорителей. Хороши тем, что могут стрелять не только специальными зарядами, но и подходящими по калибру металлическими болванками. У нас есть немного боеприпасов с начинкой из таугермина. Через два часа мы обстреляем позиции «Нибелунгов» и поднимемся в атаку. Ничего лучшего я не смог придумать.

Немершев не стал комментировать самоубийственный план, лишь попросил:

– Можно увеличить изображение?

Владимар молча коснулся сенсора, и модель «Нибелунга» заполнила весь объем сферы воспроизведения голографического монитора.

– Останови вращение. – Вадим взял лежавшую рядом на столе лазерную указку и обвел алым маркером два устройства, развернутые в боевое положение на носу и корме штурмового носителя. – Знаешь, что это?

Владимар пожал плечами. Откуда ему было знать?

– Это генераторы плазмы. Один выстрел способен испарить пятиэтажное здание. Скорострельность – одно плазменное тело в минуту. – Вадим переместил маркер на орудийно-лазерные комплексы верхней полусферы и ракетные шахты. – Это лазерные излучатели и пусковые установки тактических ракет. При малейшей угрозе корабль огрызнется плазмой и взлетит на высоту полукилометра, открыв сектор обстрела для аналогичных комплексов нижней полусферы. Система боевого сканирования способна различать даже мелкие камушки, а модуль управления огнем одновременно сопровождает до сотни целей. Я рассмотрел возможности только одного корабля. А их шестнадцать.

Владимар угрюмо выслушал пояснения. Легче ему не стало, наоборот, лицо приняло землисто-серый оттенок.

– Ты пошлешь людей на верную смерть. Они даже близко не подойдут к позициям «Нибелунгов».

Пальцы Владимара дрожали, когда он машинально прикурил сигарету.

– Зачем ты явился ко мне?

– Я же сказал – не хочу умирать.

– Есть альтернатива? – нервно хохотнул Владимар.

– Есть, – Немершев указал на таймер: – Останови его.

– Смысл? Ну, просидим мы еще дней пять, потом они все равно пойдут на штурм и сровняют город с землей. Там на борту киберхаги. Может, тебе это ни о чем не говорит, но я-то знаю – они никогда не отступают. Им нужны наши души. Они будут убивать и выкачивать сознание перед смертью.

– Человек может противостоять киберхагу?

– Только на определенной дистанции. Подпустишь его метров на сто – и все, считай крышка.

– Теперь выслушай меня, Владимар. Я предлагаю тебе шанс. Повторяю, ты ничем не рискуешь. Я не сказал тебе всей правды, но и не лгал. Сейчас я торговец, но в прошлом действительно был военным. Кроме того, Конфедерация послала на твою планету группу разведчиков, которые должны были больше узнать о цивилизации Саргона. Это не шпионаж, а стандартная процедура проверки, после которой сюда смогли бы прилететь дипломатические корабли.

– Они найдут лишь наши тела...

– Выслушай меня до конца. Я знаю, где сейчас находится разведгруппа. Все они отлично подготовленные бойцы. Если я дам им бронескафандры и оружие, а ты силой своей власти и авторитета облечешь в форму приказов добрые советы профессиональных офицеров, то мы сможем переломить ситуацию.

– Как?

– Наша забота, Владимар. Рассказывать в подробностях долго, да и не к чему. Ты все сможешь увидеть своими глазами. Главное: дай нам возможность действовать и не предпринимай самоубийственных атак или обстрелов. Через сутки твои орудия и люди получат свой шанс.

– И все же, что вы станете делать? Я не могу слепо уповать непонятно на что!

– В двух словах – каждый корабль имеет уязвимые места, а современная экипировка позволяет пройти через зоны сканирования

незамеченными. Мы выведем из строя плазмогенераторы и заблокируем двигатели планетарной тяги. Тогда твои люди смогут атаковать с минимальным риском.

– Что ты потребуешь в обмен на помощь?

– А ты выполнишь любое условие?

– За жизнь можно отдать любую цену. Сейчас я бы заплатил даже за надежду.

– Хорошо, тогда запомни свои слова, Владимар. Мы тоже не хотим умирать. Для тебя это достаточный повод, чтобы повременить с атакой и позволить нам действовать без помех? Если вдруг начнется обстрел со стороны города, мы погибнем.

– Это единственное условие?!

– Жизнь дороже всего на свете. Я стал невольным заложником вашей войны, но погибать не хочу. Такой мотив должен быть понятен, не так ли?

– Хорошо, торговец. Ты меня убедил. В другое время я бы не поверил тебе так просто, но сегодня у меня нет никакого выбора.

– Ты умный человек. Обещаю, что жалеть о сделанном выборе не придется.

– Чем мы сможем помочь?

– Выдели снайперов. Всех, кого можешь собрать, распредели по позициям напротив мест посадки «Нибелунгов». Если кто-то из нас допустит ошибку, прикрытие огнем даст шанс выиграть несколько секунд. Это все, что ты можешь сделать. Главное – не мешать, особенно пока мы будем *там*.

* * *

– Глеб, ты готов?

– Мы выходим, – защищенный канал коммуникатора могли прослушивать только бойцы диверсионно-разведывательной группы. На Саргоне не было аппаратуры, способной дешифровать кодировку сигнала современных устройств связи, поэтому Немершев мог говорить совершенно спокойно:

– Ты распределил пары?

– Да. С тобой пойдет Лори. Я работаю с Эльзой. Ричард и Серж образуют третью группу, Коул действует в одиночку.

– Выдели ему северное направление.

– Смысл?

– Я передал часть оружия колонистам. Его будут прикрывать снайперы.

– Не наделали бы они беды.

– Без огневого прикрытия нельзя, Глеб. Особенно Коулу.

– Да понимаю я. Ты хотя бы проинструктировал их?

– Действиями снайперов руководит Владимар. Я уже сообщал тебе о нем.

– Не люблю полагаться на случайных людей.

– Глеб, у него тут семья. Никто не хочет умирать. Я достаточно четко обрисовал ему ситуацию.

– Ладно. Сверяем часы. На моих одиннадцать ноль одна.

– Аналогично. Жду Лори у западных дренажных систем. Следующий сеанс связи перед выходом. Потом полная тишина в эфире.

– Добро. Я передал Лори набор чипов и подробные инструкции по их установке, но, похоже, она разбирается в технике Альянса даже лучше, чем я.

– Этого следовало ожидать. Все, Глеб, до связи.

* * *

Неизвестная точка пространства...

Маргус Сент-Иво просматривал ежедневный отчет.

Каждые сутки автоматические системы лабораторно-исследовательских комплексов и цехов опытного производства составляли краткие справки о проделанной работе.

Машины, по мнению Маргуса, являлись незаменимыми помощниками. Безропотные, никогда не устающие, четко понимающие смысл поставленных перед ними исследовательских задач, они трудились по двадцать четыре часа в сутки. Большинство исследовательских систем сами являлись порождением предыдущего поколения машин. И все же, несмотря на многие плюсы, роботизированным исполнителям периодически требовался не только контроль со стороны человека, но явные указания: какие исследования приостановить, какие, наоборот, ускорить или расширить. Иногда самые совершенные исследовательские программы заходили в тупик, и тогда им на выручку приходил человеческий рассудок.

В отличие от многих других людей Маргус, находясь на вершине успеха, не вел праздный образ жизни. Он так привык к общению с машинами, которые являлись его друзьями и наставниками с самого детства, что не испытывал дискомфорта от затворничества. Благодаря обучающим программам он, став наследником набирающей могущество корпорации, по примеру отца изучил не только кибернетику, но и

биологию, химию, физику, специальную механику и прекрасно разбирался во всех тонкостях робототехники. Полученные знания дали ему возможность не только следить за результатами деятельности машин, Маргус сам формировал планы исследований, принимал решения о внедрении тех или иных разработок в опытное производство.

Ему нравилось заниматься делами корпорации.

Этим утром вместе с отчетом из основных лабораторий пришли данные по исследованию полученных неделю назад контейнеров с грузом.

Маргус знал, что среди этих материальных свидетельств былой войны находились два нефункциональных криогенных саркофага, предположительно с телами киборгов.

Предположительно.

Вот перед ним материалы отчета. Роковое стечение обстоятельств: блоки автономных накопителей энергии, питающие сложные устройства поддержания жизни, пришли в негодность за три столетия небрежного хранения. По-видимому, до момента изъятия криогенные камеры находились на стационарном энергообеспечении, но при их захвате, когда связка грузовых контейнеров, судя по следам плавления, была попросту отрезана от крепежных устройств военного транспорта, оборвалось и питание.

В результате киборги погибли.

Однако это не означало, что технология их создания утрачена, вовсе нет, данные отчета говорили как раз об обратном.

Маргус внимательно изучал материалы, затем затребовал дополнительные сведения.

С искусственной мышечной тканью на основе лайкорона он был знаком, однако применять ее в изделиях корпорации сейчас было бы глупо. Чисто военная разработка, данные по которой хранятся под грифом «секретно». Нет никакой необходимости вступать в конфликт с Конфедеративными силами, доказывая, что корпорация не похитила эту технологию. В принципе Маргуса в отчете заинтересовал только один аспект, а именно: схема, на основе которой осуществлялось скрытое управление биологическим мозгом.

Очень любопытно. Просто, как все гениальное, и в то же время уникально.

В биологические нейросети киборгов оказались имплантированы десятки контроллеров, содержащих определенные инструкции. Каждый из чипов имел дополнительное устройство, которое могло генерировать импульсы возбуждения или, наоборот, торможения в различных участках

коры головного мозга. Впрочем, среди контроллеров имелись и такие, что управляли моторными реакциями напрямую, но это тема отдельного исследования, Маргуса в данный момент заинтересовали «ГНИ» – так по первым буквам в документации были обозначены генераторы нейронных импульсов. Каждый генератор был соединен с нейросетями, отвечающими за распознавание образов, речи или обработку иных данных с имплантированных датчиков, – то есть любой из микрочипов контролировал всю сенсорную информацию, поступающую в рассудок киборга.

– Прекрасно... – не в силах удержать охвативший его исследовательский азарт и волнение, шептал Маргус, следя за показаниями сканеров и анализаторов. – За этой технологией будущее...

Его воображение разыгралось не на шутку. Имея в своем распоряжении нанотехнологии, Сент-Иво мог пойти дальше, пропорционально и практически незаметно для самых изощренных сканеров смешать биологический мозг с высокотехнологичными микрочастицами, – теперь, благодаря только что узнанному принципу управления нейросетями при помощи генераторов нейронных импульсов, он мог уподобиться Всевышнему, создавать послушные копии людей любого возраста и пола с любыми воспоминаниями, привычками, наклонностями.

Одно лишь обстоятельство несколько печалило Маргуса. Этой уникальной технологии еще не скоро суждено попасть на конвейер. Люди боялись мыслящих машин, так что же говорить о *подобной продукции*...

«Да, мне придется набраться терпения. Нужно исследовать все до конца, создать контрольные образцы и ждать, когда изменятся и общественное мнение, и конъюнктура рынка».

* * *

Саргон. Западная стена Цоколя

Они встретились в древнем дренажном тоннеле, по которому с поверхности Цоколя сбрасывались дождевые воды.

Не было ни звука приближающихся шагов, ни иных ощутимых признаков ее приближения, молчали сканеры, и лишь когда закованная в керамлит фигура выдавилась из мглы в двух шагах от Немершева, на проекционном забрале его боевого шлема вспыхнул и тут же погас распознанный системой контур.

– Вторая пара на месте, – доложил Вадим.

– Ждем, – раздался ответ Доргаева. – Ричард и Серж еще не вышли на

исходный рубеж.

– Понял. Дашь знать.

* * *

– Ждем? – тихо спросила Лори.

– Третья группа подтягивается. – Вадим не видел ее лица за дымчатым забралом, но пытался представить его.

– Мне так хорошо и спокойно... – внезапно призналась Лори.

Вадима насторожили ее слова.

– Почему? – машинально переспросил он.

– Я не ощущаю ничего, кроме собственных мыслей. Как будто исчез постоянный гул тысяч голосов. Не думала, что тишина такое благо.

– Скоро все закончится. Твой имплант перепрограммируют, генераторы нейронных импульсов отключат. Ты станешь нормальным человеком.

– Искусственным.

– Знаешь, Лори, я смотрю на события с иной точки зрения. Подумай, нам удалось то, о чем, наверное, мечтали миллионы из последнего поколения землян.

– Знаю. Мы пережили войну на три столетия. Но ведь за все в этом мире нужно платить. Какой будет наша цена, Вадим?

– Мы уже ее платим, Лори. Спасти колонию от полного физического уничтожения... это очень высокая цена.

– А ты думал о том, что на борту «Нибелунгов» не только андроиды? Или выбор уже сделан?

– Открой канал телеметрии, – внезапно попросил ее Вадим.

Лори не стала спрашивать – *зачем*, просто выполнила его просьбу и замерла в ожидании.

Мысли. Его мысли вливались в ее рассудок потоками байт.

Он вспоминал свою встречу с Хельгой, ее рассказ, а Лори видела все так, словно присутствовала при этом.

На передачу данных потребовалось меньше минуты.

Лори поняла, о чем хотел поведать ей Вадим. Она невольно сравнивала скупые слова Хельги с собственным восприятием мира, примеряла их к самой себе, и вывод даже не пришлось искать.

– Они другие, да, Вадим? Не такие, как мы? Почему? Зачем им понадобились личности живых людей?

– Этого я не знаю. Потому и не могу ответить на твой вопрос. Я не разобрался еще, кого мы можем встретить подле «Нибелунгов». С

андроидами все понятно, они чистые машины, а вот киберхаги... У меня есть подозрение, что они не наши современники. И в их действиях имеется смысл, отличающийся от тривиальной ненависти к людям, они пользуются своими способностями в силу неодолимых причин.

– Мы убьем их или попытаемся понять? Где будет названа настоящая цена наших жизней, Вадим?

– Там... – неопределенно ответил Вадим. Он хотел добавить что-то еще, но в этот момент вновь включилась общая частота коммуникаторов.

– Группы на исходной. Дистанция до объектов одинакова. Таймеры возвращения автоматически синхронизированы. Начинаем.

* * *

Четыре штурмовых носителя, окруженные трехметровыми брустверами вынутой из-под них почвы, едва возвышались над капонирами в нескольких километрах от наклонных стен древнего Цоколя.

Встречное сканирование ощущалось едва слышным, разнотонным попискиванием внутренних датчиков бронескафандра.

Вадим и Лори преодолели большую часть пути ускоренным шагом, но на последнем отрезке им пришлось лечь и ползти. Фототропная броня, покрытая составом «хамелеон», и антисканирующие комплексы боевых шлемов гарантировали их невидимость лишь до определенной дистанции, – непосредственно в районе временных укреплений в ход пойдут иные комплексы защиты: фантом-генераторы боевых скафандров имитируют голографические модели и энергетические сигнатуры, полностью формирующие для датчиков бортовых систем «Нибелунгов» образы андроидов технической поддержки, что не будет противоречить реальным действиям диверсантов.

Однако пока до края бруствера еще оставалось около сотни метров, имитировать дройдов было преждевременно.

...Они подобрались почти вплотную к исполинским штурмовым носителям, когда вдруг начались совершенно непредвиденные действия со стороны противника: одновременно в бортах четырех кораблей начали открываться рампы, обычно предназначенные для выгрузки серв-машин.

Механизмы отработали с вибрирующим гулом и остановились.

Немершев продолжал упорно продвигаться к той незримой черте, за которой автоматически включится маскировка фантом-генераторов. Сейчас значение имело только время – от синхронности действий боевых групп зависел успех всей операции.

Штурмовые носители находились в режиме боевой готовности, и это

означало, что каждые десять минут система каждого корабля проводила полное тестирование узлов и агрегатов. Если хотя бы одна из групп задержится, то неисправность в схемах плазмогенераторов и двигателей планетарной тяги станет сигналом общей тревоги, и тогда к «Нибелунгам» уже не подступишься.

Вперед. Только вперед, кто бы там сейчас ни появился из зевов открывшихся рамп.

Еще несколько секунд, и они с Лори перебрались через бруствер.

На внутреннем ободе забрала гермошлема тут же включились индикационные сигналы, возвещающие о начале работы фантом-генераторов.

Мгновенный взгляд на хронометр.

Успели...

Теперь главное – не останавливаться.

По заранее оговоренному плану Лори занималась двигателями, Вадим – установками короткоживущей плазмы.

Пассивное сканирование показывало, что тест боевых и двигательных систем завершен минуту назад.

Теперь все зависело от скорости и слаженности действий.

* * *

Вадим перебрался уже в четвертый капонир, когда увидел двух людей.

Облаченные в экипировку десантных подразделений времен Первой Галактической, они вышли из недр штурмового носителя и остановились на наклонной плите аппарели, недоуменно оглядываясь вокруг.

Пальцы Немершева машинально вскрыли кожух плазмогенератора, в то время как чуткие внешние микрофоны скафандра передавали тихие отрывистые фразы.

– Ничего не понимаю... – произнес один из них. – Такое ощущение, что спал и видел кошмарный сон.

– Я тоже... – негромко отозвался второй. – Что за одежду на нас напялили?

– Смотри... Это же город. Наш город! – первый из говоривших указал рукой на темную громаду Цоколя. – У них что, электроэнергия отключилась?!

Вадим установил чип и обернулся.

Две фигуры были хорошо видны на фоне освещенного грузового шлюза, они почему-то замолчали, более не обмениваясь недоуменными растерянными репликами, их лица будто окаменели, приняв одинаковое

равнодушно-натянутое выражение...

Из глубин «Нибелунга» появились еще четверо экипированных бойцов. Немершев, отступив в тень, продолжал наблюдать, ожидая возвращения Лори, которая действовала в районе кормы.

Вновь прибывшие вели себя странно – они не разговаривали друг с другом, не смотрели по сторонам, выражение их лиц было полностью апатично, будто ничто в окружающем не интересовало их.

...До слуха Немершева долетел характерный звук – в корме штурмового носителя открывалась десантная рампа.

Секундой позже он увидел Лори, фигура которой будто соткалась из полумглы.

– Порядок... Можем уходить. У нас еще три минуты в запасе.

Их связь осуществлялась при помощи микролазеров. Миллисекундные уколы направленного излучения небольшой мощности обеспечивали оперативный обмен данными между системами боевых скафандров, такую передачу было невозможно ни перехватить, ни зафиксировать.

– Лори, нам придется задержаться.

– В чем дело?

– На аппарели пять киберхагов. Ты можешь соединиться с их имплантами?

– Зачем?

– Много вопросов. Можешь или нет?!

– Могу...

– Сделай это. Сними информацию. Сама поймешь, насколько это важно.

Она не ответила, лишь повернула голову, застыв в напряженной позе.

Секунд через десять Вадим услышал ее сдавленный стон.

– Что?!

– Потом... Надо уходить. Они готовятся к атаке.

– Люди на аппарели понимают это?

– Нет. Я зафиксировала обмен данными между пехотными дройдами. Их около сотни. Выгружаются через кормовую рампу.

– Все, уходим. Ты сняла информацию с имплантов киберхагов?

– Да. Потом, Вадим. Время... Уходим...

Глава 10

Цоколь. Тридцатью минутами позже

Семь человек в бронескафандрах выстроились в помещении командного поста. В обширном зале собралось множество народа, все напряженно ждали, что сообщат негаданные союзники, облаченные в невиданную, внушающую оторопь и невольное уважение экипировку.

– Мы сделали, что обещали. Планетарные двигатели штурмовых носителей временно блокированы, генераторы плазмы не смогут произвести ни одного выстрела, пока не будет полностью переустановлено программное обеспечение.

– Отлично! – Владимар и не пытался скрыть торжества. – Теперь мы покажем этим тварям!

– Стоп! – оборвал его Немершев. – Во-первых, мы условились, как нужно действовать, во-вторых, возникла неожиданная проблема.

– Что еще за проблема?! – похоже, Владимар всем своим видом старался показать, что он здесь главный и не потерпит никаких указаний.

– Киберхаги, – ответил Вадим.

– Эти твари заслуживают одного – смерти!

Толпа защитников Цоколя взревела.

Немершев сделал знак Доргаеву: будь начеку, но тот и сам уже просчитал ситуацию, отдав кодовую команду по локальной сети: рассредоточиться, быть готовыми к осложнению обстановки.

– Сначала выслушайте, что нам удалось узнать. – Вадим без труда перекрыл своим голосом шум от возмущенных возгласов и проклятий. – Киберхаги – искусственные люди. Они – результат незавершенного эксперимента, проводившегося в лабораторно-промышленных комплексах базы планеты Норман.

– Какая нам разница?!

– Речь идет о близких вам людях! – до предела повысив громкость внешней аудиосистемы, произнес Вадим. Его громоподобный голос, эхом отразившийся от стен помещения, заставил стихнуть нестройную толпу колонистов. – Прошу, выслушайте меня. – Немершев все еще надеялся на взаимопонимание, хотя давал себе отчет, что убедить этих людей будет крайне трудно. Его взгляд нашел среди пришедших на командный пункт защитников периметра Хельгу.

– Мы все, – он указал на фигуры в бронескафандрах, – осведомлены о

вашем несчастье. Скажу больше, под разными предлогами мы прибыли сюда, чтобы выяснить, кто такие киберхаги, и по возможности разобраться в ситуации, найти ее решение. Вы ненавидите искусственных людей и имеете для этого основания. Но боюсь, что все эти годы вы ошибались, считая, что ваши близкие погибли.

– Ты лжешь, инопланетник! – исступленно выкрикнула Хельга. – Я похоронила своих сыновей! Они лишились рассудка, их разум и души похитили киберхаги!

– Хельга, я понимаю твою скорбь. Как и скорбь других жителей колонии, потерявших своих близких. Но сегодня, во время операции, я и мой напарник видели нескольких киберхагов, которые радикально отличались от остальных.

– Чем? – мрачно спросил Владимар.

– Одни осознавали себя и были полностью дезориентированы. Они узнали окрестности города, но не понимали, что с ними случилось. Другие не выказывали никаких эмоций. Мы произвели сканирование и получили неожиданный результат: первые ассоциируют себя с вполне конкретными людьми, *они считают, что Саргон их родина*, другие даже не могут осознать данности, их разум чист, словно у новорожденных младенцев.

– Нам что от этого?! – выкрикнул кто-то из толпы. – Они прилетели, чтобы убить нас!

– Киберхаги – не машины. Они искусственные люди. Повторяю, на Нормане существует база Земного Альянса, которая продолжает функционировать со времен войны. То, что удалось узнать о киберхагах, позволяет предположить, что там до сих пор имеются производства, на которых создаются искусственные люди. Но у этих созданий нет собственного сознания. Машины, которые обеспечивают поддержание проекта, видимо, нашли техническое решение вопроса, – они могут считать свою работу законченной только в том случае, когда у киберхага появляется личность, он начинает осознавать себя человеком...

– Зачем машинам производить людей?!

– Была война. Альянс разработал новый вид оружия – идеальных бойцов для формирования диверсионных групп. Их практически невозможно отличить от людей, как внешне, так и по внутреннему строению. Единственная особенность киберхагов – это наличие контроллеров, позволяющих перехватывать управление над их действиями, и особая конструкция имплантов, дающая им способность соединяться с имплантами ничего не подозревающих людей, сканировать разум, воздействуя на сознание человека. Это жестокие, не имеющие права на

существование технологии. Однако мы столкнулись с ними. Конец войны ничего не значил для исполнительных машин. Они продолжали начатые эксперименты, добились определенных успехов, сумели поставить производство искусственных людей на конвейер. Но я уже сказал, что киберхаг, по мнению машин, мог отвечать всем требованиям технического задания только тогда, когда в его разум будет имплантировано сознание человека. Исполнительные механизмы искали выход из ситуации и нашли его – они стали посылать группы киберхагов под охраной боевых андроидов в ваш мир, где искусственные люди, используя возможности своих кибернетических расширителей, попросту выкачивали матрицы сознания...

Голос Немершева на этот раз заглушили не отдельные реплики, а яростный вой.

– Я еще не закончил!

Неожиданно на помощь Вадиму пришел Владимар, раздраженным жестом заставив толпу утихнуть.

– Говори. К чему ты клонишь?

– Мы должны действовать осторожно и избирательно. Поймите же, наконец, ни один искусственный человек не действовал по своей воле, исходя из злого умысла или ненависти к жителям Саргона. Они прибывали сюда, подчиняясь воздействию генераторов нейронных импульсов. Но сейчас на борту «Нибелунгов» добрая половина сил вторжения – это ваши близкие люди!

– Ты лжешь! Мои сыновья умерли!

– Хельга, я знаю, как тебе тяжело. Но и ты, и все остальные должны понять – их внешность, конечно, изменилась, но сознание осталось прежним.

– Тогда зачем они прилетели? Чтобы убивать нас?

– Они находятся под воздействием боевых программ. Ими сейчас руководят крошечные модули, вживленные в мозг. Если устранить это воздействие, они... очнутся. Я прошу вас проявить терпение. Андроиды не поднимутся в атаку, пока не устранят последствия диверсии... или пока вы своими действиями не спровоцируете их.

– И что мы, по-твоему, должны делать?

– Проявить терпение, – повторил Вадим. – У нас есть все необходимые данные, чтобы оперативно разработать программу, которая нейтрализует работу генераторов нейронных импульсов. На это потребуется несколько часов. Мы можем остановить их, заставить очнуться, выйти из-под давления навязанной воли. Тогда нашими

противниками будут только андроиды, которые не являются носителями интеллекта, они лишь сервомеханизмы, созданные для выполнения конкретных задач.

– Это слова. А где хоть одно доказательство сказанного?

– Два киберхага, которых нам удалось отсканировать, ассоциируют себя с Генри Олменом и Николаем Шаповаловым. Эти имена что-то говорят вам?

На миг в помещении командного пункта повисла звенящая тишина.

– Да, мы знаем эти имена, – Владимар был потрясен, но достаточно быстро сумел справиться со своими чувствами. Он открыл было рот, чтобы продолжить начатую мысль, но его прервал визгливый срывающийся выкрик Хельги:

– Убейте их! Они все киберхаги!!!

* * *

– Всем стоять! Хельга, заткнись! Они не киберхаги, или наших скваргов пора утопить в ближайшей луже. Но ситуацию это не меняет, – Владимар подошел к Вадиму и ткнул его указательным пальцем в грудь. – Ты, инопланетник, действовал слишком самоуверенно и грубо, чем сразу не понравился мне. Но я подумал: почему бы не согласиться, не использовать тех, кто тайно проникает в наш город, прячется в глубинах Цоколя? Ты разговаривал со мной, как с недоумком. Считаешь, что мне неизвестно о Конфедерации, и ты открыл мне глаза? Нет. Мы слышали о твоем «содружестве» от торговцев с Окраины. Вы победили в войне и теперь считаете, что получили право совать свой нос, куда вздумается? Вот это, – он постучал костяшками пальцев по пластинам боевой брони, – прямое доказательство моих слов. Люди, прилетевшие с добром, не приволакивают с собой горы оружия.

– Мы появились на Саргоне по разным причинам, – хмуро ответил Вадим.

– Все. Время слов прошло. Вы помогли нам, и за это спасибо. А теперь можете убираться, – никто не станет ни благодарить вас, ни стрелять вам в спину. Катитесь туда, откуда прилетели, и передайте, что Саргон – независимая планета.

– Владимар, разве несколько часов, о которых я попросил, – это много?

– К сожалению, ты ошибся, посчитав, что нам нужны зомби. Мой брат, – Владимар обернулся к Хельге, – ее дети, – он снова переместил руку, – его родители – все они погибли и похоронены нами. Их не заменят

полуживые куклы. Вопрос исчерпан, и приказ уже отдан.

– Какой приказ?!

– О начале артподготовки. Мы не станем ждать, пока андроиды переустановят программы плазмогенераторов. Они сдохнут, как и их выкормыши – киберхаги.

Его последнюю фразу заглушил залп.

* * *

Дрожала земля. Орудия, установленные по краю Цоколя, били беглым огнем по позициям штурмовых носителей, которые не могли ни взлететь, ни огрызнуться в ответ, плазмогенераторы не функционировали, а пусковые стволы ракетных шахт блокировались стенами капониров.

* * *

– Все... Андроиды пошли на штурм. Волокут ручные ракетные комплексы. Киберхагов не вижу. – Капитан Доргаев стоял у оконного проема на третьем этаже полуразрушенного здания и наблюдал, как несколько сот сервоприводных механизмов подкатываются под наклонные стены Цоколя. – Что будем делать, Вадим?

– Я не могу приказывать тебе, Глеб.

– Ясно. Я думаю, киберхаги пойдут во второй волне, когда андроиды захватят плацдарм на поверхности Цоколя. Мы поможем колонистам сдерживать их. Конечно, десять-двенадцать часов гарантировать тебе не могу, но часа четыре продержимся, потом начнется уже не бой с дройдами, а мясорубка. Успеешь?

– Что я могу обещать? – с досадой ответил Вадим. – Мы сделаем все, что сможем. Лори, Эльза, справимся за четыре часа?

– Если ты сам будешь составлять атакующую программу. Мы сможем лишь предоставить тебе наши собственные генераторы импульсов в качестве испытательного образца, – ответила Эльза.

Лори лишь кивнула, соглашаясь с подругой.

Они разделились, не прощаясь.

Каждый пошел своей дорогой, унося собственное бремя...

* * *

Рассудок Хельги не выдерживал напора событий.

Она вновь сползала в пучину безумия, но помутнение сознания не помешало ей выйти к передовым укреплениям северной части Цоколя, куда была нацелена основная атака человекоподобных машин.

За десять лет непрекращающегося противостояния она изменилась до полной неузнаваемости, годы состарили ее до срока, в облике, взгляде, выражении лица Хельги уже невозможно было угадать прежние черты заботливой матери и счастливой женщины...

Она шла на частые отсветы боя, ее лицо казалось спокойным, отрешенным от мирских проблем, и лишь взгляд, глубокий, порой туманящийся или, напротив, вспыхивающий яростным блеском, выдавал смятение души, спонтанные противоречивые порывы, заставляющие ее жить...

О Вадиме и его товарищах она думала лишь вскользь, но обрывочные мысли начинали цепляться одна за другую, они вели в узилище памяти, к воспоминаниям о сыновьях, которых Хельга действительно похоронила много лет назад.

Чем стала ее жизнь после этого?

Хельге казалось, что годы спрессованы сознанием в один бесконечно длинный, пасмурный день. Она не задумывалась над тем, что ее *существование*подпитывается лишь ненавистью. Она опустела, выгорела изнутри, перестала радоваться или огорчаться, а самым сильным чувством до сегодняшнего дня оставалось мстительное удовлетворение, когда удавалось выследить и пристрелить очередного киберхага.

И вот сегодня слова Вадима больно ранили внезапно очнувшуюся душу.

Она не могла признаться себе, что не верит ему. Скорее внутри у Хельги вдруг зародился мерзкий червячок страха и сомнений: а что, если сказанное им – правда?

От подобного допущения начинало шуметь в ушах, и чтобы не заорать от монотонного тока крови, она до скрипа сжимала зубы, выискивая себе позицию среди огрызающихся огнем укреплений периметра.

...В конце концов после недолгих блужданий она нашла удобную точку на втором этаже полуразрушенного здания, возвышавшегося почти на самом краю Цоколя.

Приближался рассвет. Ночи в это время года всегда были короткими, светлыми, но сегодня краски приближающегося утра несли серо-стальные оттенки...

Хельга пристроилась у оконного проема, положила снайперский «ИМ» на широкий пластиковый подоконник, предварительно машинальным движением руки смахнув с него мусор, затем присела, и мир сузился до рамок оптико-электронного прицела, расцвел контрастными

серо-зелеными контурами сигнатур...

Андроиды шли в атаку, медленно, но неуклонно приближаясь к наклонным стенам Цоколя. Они действовали методично, активных маркеров было так много, что даже затуманенное сознание Хельги отреагировало на *оперативную обстановку*тоскливой мыслью: *в этот раз нам не удержать город*.

Никогда ранее машины не появлялись в таком количестве.

Перемещая ствол оружия, которое дал ей Немершев, Хельга пыталась приноровиться к его весу, она не торопилась стрелять, будто понимала: спешить уже некуда, а целей сегодня хватит на всех.

За годы, проведенные в скитаниях по опасным регионам, где постоянно появлялись смешанные отряды пришлых существ, она научилась издали отличать сервомеханизмы от киберхагов, читать сигнатуры, словно часть ее рассудка, отвечающая за технические знания, не попала под власть безумия и жила по своим канонам.

Вот и сейчас Хельга, медленно перемещая прицел, безошибочно определила, что в секторе обстрела только дройды: человекоподобные сервомеханизмы подбирались к стенам, грамотно используя рельеф местности, не перли напролом, а использовали каждое укрытие, что было непохоже на их обычное поведение.

Выбрав жертву и тщательно прицелившись, Хельга коснулась сенсора огня.

Импульсная винтовка с силой ударила в плечо, мимо щеки отлетела горячая гильза, запах химического заряда обжег обоняние щекочущими ноздри кисловатыми флюидами, и одновременно с этими непривычными ощущениями она ясно различила, что андроид, привставший для очередной перебежки, вдруг опрокинулся на спину, будто ему в лоб врезали кувалдой.

Оружие оказалось на удивление мощным и точным.

Обычно при выстреле из импульсной винтовки отдачи не ощущалось вовсе, но шариковые пули часто лишь бесполезно рикошетили от кожухов сервомеханизмов, и приходилось бить короткими очередями, а тут хватило одного патрона, чтобы андроид уже гарантированно не встал.

Посторонние мысли постепенно отступали, Хельга чувствовала, как разгорающийся бой захватывает все ее существо, она уже не воспринимала мир вне рамок прицела, данность с одной стороны истончалась, превращаясь в абстракцию, с другой – концентрировалась, принимая ясные конкретные формы: меняя обойму, Хельга не воспринимала краски рассвета, ей было абсолютно все равно, что станет с нею спустя час или два, а перед глазами, застилая реальность, стыло фантомное изображение,

словно она по-прежнему смотрела через прицел оружия.

Ее безумие достигло этим утром своей наивысшей точки, словно она знала, что жизнь закончилась, больше не будет тяжелых мучительных скитаний, не будет тоски во время редких прояснений рассудка, мир, наконец, отпустит ее...

* * *

Цоколь.

Зона кибернетических лабораторий научного сектора... То же время

Лори сидела в кресле между двумя громоздкими компьютерными терминалами. Ее голову накрывала полусфера объемного комплексного сканера, глаза девушки были прикрыты, дыхание то учащалось, то, наоборот, успокаивалось.

Перед мысленным взором все четче проступали картины прошлого, потом вдруг наступала резкая смена восприятия, и вместо воспоминаний она видела какие-то кибернетические схемы, совершенно незнакомые и непонятные...

За терминалом компьютерного комплекса сидел Вадим.

В отличие от Лори, он не сосредотачивался на туманных образах ее прошлого, пытливо всматриваясь лишь в схемы кибернетических устройств, которые удавалось распознать при помощи сканирующей аппаратуры.

Сознание Лори постепенно начинало меркнуть. Эльза, следившая за ее жизненными показателями, постоянно что-то переключала на пульте ручного управления корректора метаболических реакций.

Эксперимент, на который они решились, мог обернуться непредсказуемыми последствиями. Эльза предлагала в качестве испытуемой себя, но Вадим отказался, не объясняя причин.

Лори постепенно теряла ощущение реальности. Ее руки, ноги и грудь были закреплены страхующими захватами, достаточно прочными, чтобы выдержать усилия лайкороновых мышц.

– Эльза, внимание. Я нашел командную частоту. Вероятен внезапный переход в боевой режим. Будь готова.

– Я слежу за ней. – Эльза коснулась сенсора, вводя в организм Лори очередную инъекцию успокоительного.

Через несколько мгновений, как и предполагал Вадим, генераторы нейронных импульсов активизировали свою работу, тело Лори внезапно выгнулось, ее сотрясали судороги, мозг, получая дополнительную стимуляцию, четко обозначил в объеме голографического монитора зоны

наибольшего возбуждения, неизменно связанные с микроскопическими инородными включениями.

Вадим сейчас старался не думать о том риске, которому подвергалась Лори. Он выбрал именно ее по той причине, что уровень личного сопереживания ее состоянию действовал на него как стимулятор, позволяя не просто сконцентрироваться на поиске решения поставленной задачи, а сделать это на максимуме своих возможностей.

Он хотел спасти ее, спасти Эльзу, спасти еще сотни, а быть может, тысячи искусственно созданных людей, для которых имплантированные генераторы нейронных импульсов являлись источником чуждой, противоестественной, навязываемой извне воли, влияние которой превращало их в исполнительные биологические машины.

Этому следовало положить конец.

Вадим сейчас не ощущал себя ни исследователем, ни офицером Конфедерации, ни человеком и ни киберхагом. Он превратился в сгусток нервов и рассудка. Напряжение незримой схватки с чудовищным наследием давно отпылавшей войны превосходило все мыслимые пределы. Он искал единственный верный ход, отчетливо понимая, что под его губительным воздействием находится сейчас любимая женщина.

В глубине души он проклинал тех изуверов, что не гнушались ничем, пытаясь выиграть войну, но все эмоции копились, словно накипь, чтобы найти выход позже, а сейчас он, собрав все силы, всю волю, все знания, искал способ взломать защиту генераторов и уничтожить их программы, превратить имплантированные устройства в статичные инородные тела, неспособные более влиять на поведение Лори.

– Вадим, идет лавинообразное ускорение метаболических реакций! Я теряю контроль над процессами обмена веществ в ее организме!..

Он не ответил, сжав зубы, продолжал работать. Пригодилось знание древних языков программирования и опыт тысяч виртуальных вторжений в системы боевых механизмов. Он знал, что для генераторов нейронных импульсов использовался один из трех основных языков программирования, и был уверен, что эти генераторы можно отключить, раз и навсегда уничтожив руководящие ими программы.

Точкой входа в работе Вадима стал рассудок Лори. Он понимал, что в данном случае применялась технология нейросенсорного контакта, следовательно, обратная связь возможна: если генераторы могут влиять на фрагменты коры головного мозга, формируя инструкции к действию, то, значит, и те же самые участки биологических нейросетей могут сформировать и передать в кибернетические устройства терминирующий

импульс.

Как сформировать правильную командную последовательность? Как передать ее в соответствующие точки мозга?

Вадим уже не воспринимал окружающее. Его рассудок полностью погрузился в виртуальную реальность, но все равно он действовал слишком медленно...

«Нет, так не пойдет! Я потеряю ее».

– Эльза, шунт! Мне нужен шунт с контрольной вставкой для записи данных!

Все гениальное просто!..

Вадим понял, что нашел единственное решение: он должен подключиться к разуму Лори через прямое соединение двух имплантов и использовать основное свойство микрокибернетической системы, созданной для того, чтобы человек мог мысленно управлять внешними устройствами: каждое ментальное пожелание владельца, его имплант преобразует в правильный машинный код и посылает исполнительным системам посредством микропередатчиков.

Эльза мгновенно сообразила, что задумал Вадим. Шунт с контрольным отводом для записи передаваемых данных понадобился ему, чтобы не угробить всю окружающую аппаратуру, в том числе поддерживающую сейчас жизнь Лори.

Он собирался сформировать мысленный приказ, а его имплант, подчиняясь особенностям своей конструкции, преобразует мысленный порыв в короткую терминирующую программу, которая будет передана в мозг Лори.

Биологические нейросети лишь передадут сигнал, они невосприимчивы к машинному коду, а вот имплантированные модули воспримут его!

– Эльза, ты должна записать данные, передаваемые через шунт! Это и будет терминирующая программа, которую мы сможем передать на частотах связи любому киберхагу!

– Да поняла я! Давай!

Разъем шунта мягко вошел в ответное гнездо импланта.

Второй разъем соединительного кабеля Эльза вставила в имплант Лори, включила блок автоматической записи передаваемых данных и отрывисто произнесла:

– Вадим, все готово!

Он закрыл глаза.

Страх за Лори, помноженный на едва осознанные чувства к ней,

желание помочь, гнев на тех, кто много веков назад решил *отштамповать* для себя армию живых рабов, – все это слилось в едином безудержном мысленном порыве, приказе, который не могла проигнорировать система *боевого* импланта капитана Немершева, содержавшая, в отличие от бытовых аналогов, не только базы данных всех основных языков программирования, начиная от древних и заканчивая современными, но и разрешение на генерацию терминирующих кодов и их передачу.

Яростный порыв Вадима оказался столь силен, что его собственное сознание помутилось, он отключился от реальности всего на несколько секунд, а когда с трудом открыл глаза, пытаясь понять, что произошло за эти мгновения, то увидел, как Лори медленно сползла в кресле, прекратив неудержимые попытки вырваться, потом перевел помутившийся от напряжения взгляд на Эльзу и прочитал в ее глазах ужас, смешанный с восхищением.

Она стояла, прижимая к груди оснащенный дополнительным блоком шунт, который успела извлечь из имплантов сразу после прохождения сигнала.

На устройстве контрольной записи данных трепетно моргал индикатор, свидетельствующий, что генерированная имплантом Вадима программа успешно сохранена.

– Скопируй ее... – хрипло выдохнул Вадим. – И подай мой бронескафандр... Помоги...

– Ты не можешь сейчас идти туда. Не выдержишь нагрузки!

– Я сказал: скафандр!.. Ты отвечаешь за Лори... Я прошу тебя, Эльза... торопись... Я должен остановить киберхагов... Пока они и колонисты не перебили друг друга...

* * *

Ярость схватки нарастала с каждой минутой.

Такого боя не мог вспомнить ни один житель Саргона. Им казалось, что машины обезумели в своем стремлении любой ценой ворваться в Цоколь.

Каким-то образом сервомеханизмы сумели разгрузить нижние отсеки одного из легших на грунт «Нибелунгов», и теперь к пехотным дройдам присоединилось несколько реактивных установок залпового огня и почти два десятка «бродячих минометов».

...Владимар потерял контроль над обороной периметра, как только первые залпы реактивных установок вспороли тьму ослепительными

вспышками запусков.

Разрывы взметнулись плотной стеной огня, черные смерчи дыма были почти не видны на фоне разгорающегося зарева, центральная часть северной стены Цоколя вдруг с оглушительным треском стала покрываться растущими прямо на глазах ветвистыми трещинами, – стеклобетон, отлитый семь столетий назад, не выдержал ураганного обстрела, в нескольких местах наклонная стена начала рушиться, образуя отлогие языки осыпей; над северной частью города поднимались клубы едкой белесой пыли, а бесноватые машины продолжали посылать залп за залпом, расширяя образовавшиеся обвалы, с тем чтобы по ним могли пройти атакующие группы сервомеханизмов.

Оставаться на командном пункте было бессмысленно, бесполезно, пустотелый Цоколь в буквальном смысле ходил ходуном, как при землетрясении, от толчков и вибрации рвались кабели энергопитания, взрывалась аппаратура, лопались окна и экраны.

Казалось, наступил конец света, но обезумевший Владимар, выбираясь из изменившегося до полной неузнаваемости командного пункта, интуитивно понял – это лишь тысячная часть той мощи, которой на самом деле обладают штурмовые носители.

Запоздалое раскаяние в собственной надменности и самоуверенности уже не могло изменить ситуацию.

Если бы он послушал инопланетников и позволил им действовать по заранее оговоренному плану, ничего подобного бы не случилось. Хотя кто знает? Владимар хоть и испытывал запоздалое раскаяние, но все равно не понимал, почему Немершев и его люди были так уверены, что до первого залпа, произведенного с городских укреплений, машины не начнут атаку, а будут тупо подставляться под огонь снайперов, пытаясь устранить внезапно возникшие неполадки?

Наверное, они знали, что говорили, ведь именно после нескольких залпов наших маломощных древних орудий машины пошли в атаку на город, – подумалось ему.

Поздно...

Теперь уже не было смысла раскаиваться в совершенных поступках или надеяться на чью-либо помощь, уповать оставалось лишь на собственные силы, но они-то как раз являлись смехотворными, по сравнению с сотнями механических бойцов, которые, после ураганной артподготовки, под прикрытием ночи двинулись на штурм Цоколя.

* * *

Улицы города освещал огонь пожаров. Горели десятки зданий, пластиковая облицовка стен пузырилась, стекая в зловонные, исходящие едким дымом лужи, по которым метались язычки голубоватого пламени. В воздухе витали крупные хлопья сажи.

Владимар бегом миновал зону пожаров, стремясь поскорее попасть на рубеж обороны. Здания, расположенные ближе к краю Цоколя, не горели, весь пластик с них давно был содран и растащен на хозяйственные нужды.

Собственно рубеж обороны был образован руинами, высотой не более двух этажей. Перед ними, по самому краю исполинского фундамента, проходила многополосная автомагистраль, обеспечивающая отличные сектора обстрела для защитников города, укрывшихся среди древних построек.

Беда, что нас мало,– подумал Владимар, бегом пересекая улицу, одновременно отмечая, как с уровня вторых этажей во тьму бьют короткие очереди из разных типов стрелкового оружия. Зримые росчерки трассирующих пуль принадлежали штурмовым винтовкам «АРГ-8», работу импульсных винтовок отмечали лишь бледно-голубоватые сполохи, освещающие узкие оконные проемы, превращенные в амбразуры при помощи бетонных обломков или мешков с песком.

Переждав очередной ураганный обстрел, Владимар бегом поднялся на второй этаж ближайшего к нему здания, от которого попадание реактивного снаряда только что отломило изрядный кусок, и, пристроившись подле окна, с жадным, смертельным нетерпением вскинул электронный бинокль с системой ночного видения и устройством энергосканирования[26].

В первый момент помутившийся рассудок Владимара воспринял открывшуюся взгляду картину совершенно неадекватно – подсвеченные алым контуры сервомеханизмов показались ему маленькими огненными человечками, которые стекались со всех сторон, приближаясь к образовавшемуся после ракетного обстрела оползню...

Их были сотни. Они не шли в рост, а ловко перебегали от одного укрытия к другому, но Владимар не мог видеть рельеф прилегающей к Цоколю местности, режим, в котором работал прибор, позволял различать только активные энергетические контуры, и ему всерьез казалось, что огненные человечки исполняют какой-то сумасшедший коллективный танец на фоне вязкой, всеобъемлющей тьмы...

В небеса Саргона внезапно взметнулось несколько осветительных ракет, и наваждение тут же схлынуло, отступило, словно белый

мертвенный свет стер иллюзию, высветив реальные контуры предметов.

Вот они.

Владимар по чистой случайности оказался в одном из домов, расположенных у самого оползня, и теперь даже невооруженным глазом видел, как по дымящимся отвалам бетонного щебня карабкаются фигурки сервомеханизмов.

Он начал стрелять, сначала промахиваясь, нервничая, потом успокоился, и «АРГ-8» в его руках стала бить точнее, высекая короткими очередями султанчики бетонной пыли подле ползущих фигур.

Боковым зрением он видел, как из десятков оконных проемов близлежащих зданий по андроидам бьют защитники городских укреплений.

Еще не все потеряно... Не все...

Он исступленно стрелял, жадно впитывая рассудком картины ночного боя: несколько человекоподобных машин загорелось, один дройд, которому зажигательная пуля пробила грудной кожух, продолжал карабкаться вверх по осыпи, нагоняя жуть своими конвульсивными, отрывистыми движениями. Видимо, не только Владимар испытал подобное чувство, глядя на объятую огнем, упорно карабкающуюся вперед фигуру, потому что по андроиду с разных направлений ударило несколько очередей, остановив бесноватую машину.

Остальные механизмы залегли, укрывшись за крупными бетонными обломками, и начали методичный обстрел обнаруженных огневых точек. Они, в отличие от людей, не нервничали, не совершали лишних движений, не делали ошибок; машины действовали наверняка, словно понимали, что подавляющее преимущество на их стороне и к рассвету не останется никого из защитников укреплений...

Владимар не мог понять, чья злая воля привела человекоподобные механоформы на Саргон, зачем им понадобился древний Цоколь, чем малочисленное население колонии так насолило неведомой силе?

Но понимал другое – ответа на данный вопрос он скорее всего не узнает никогда.

* * *

Минут через пять он уже не мог думать ни о чем постороннем. По мере того как в район осыпи прибывали все новые сервомеханизмы, их огонь стал таким плотным, что засевшие в руинах люди практически не могли поднять головы, чтобы ответить выстрелом на выстрел.

Похоже, развязка приближалась стремительнее, чем полагал

Владимар.

Он в очередной раз попытался привстать, хотя знал, что машины давно засекли его позицию, но неожиданно для себя не услышал визгливого рикошета пуль, выбивающих пыльные султанчики вокруг его амбразуры, зато в свете очень медленно опускающихся осветительных ракет он заметил другое: по кольцевой магистрали двигались четыре призрачные фигуры в бронескафандрах. Две приближались к осыпи с запада, две с востока. Они шли тяжелым, размеренным шагом, автоматические орудия, вцепившиеся своими креплениями в плечевые пластины скафандров, били, не умолкая ни на секунду, выпущенные ими снаряды дробили крупные бетонные обломки, разбивая их в горячий щебень, и андроидам, залегшим на осыпи, пришлось несладко – слишком много сервомеханизмов успело втянуться на ограниченное пространство, накапливаясь перед атакой, и внезапное появление четверых бойцов в современной боевой экипировке возымело ужасающий, опустошительный эффект. Владимар неистово заорал от переполнившего его торжества: десятки сервомеханизмов разлетались на отдельные фрагменты от беспощадных попаданий разрывных снарядов, а отчаянные бойцы, так вовремя пришедшие на помощь защитникам передовых укреплений, продолжали свое опустошающее шествие, пока не добились желаемого результата – основная масса андроидов, определив, что защищавшие их укрытия более не могут считаться надежными, а стрелковое оружие практически не наносит урона бронескафандрам, не выдержали и *поднялись*, чтобы отступить с опасного рубежа.

Внезапно оживший коммуникатор передал только одну команду:

– Огонь! Все, кто может стрелять, – огонь!

Это была минута упоительной, помрачающей рассудок мести, – около сотни колонистов, только что в отчаянье пластавшихся по полу в руинах зданий, поднялись, посылая вслед отступающим сервомеханизмам шквал огня и металла.

Андроидов выкашивало десятками, но торжество защитников длилось недолго.

Снова заработал коммуникатор, и тот же голос приказал:

– Всем в укрытия! Прячьтесь в подвалах, наверху оставить только наблюдателей!

Если бы хоть кто-то прислушался к нему.

Нет, люди продолжали в исступлении стрелять, посылая вслед отступающим машинам свой пережитый ужас, свою ненависть, а несколькими секундами позже в бесноватую ритмику автоматического огня

вдруг вплелись ноты высокочастотного воя...

Владимар в жизни никогда не слышал подобного звука, вой накатывался из поднебесья, он нарастал, превращаясь в рев, звук нес непонятный, воспринимаемый на уровне подсознания ужас, словно каждый, находящийся сейчас в руинах человек точно знал: падающие сверху мины летят точно в него...

Владимар не выдержал, он отшатнулся от оконного проема, едва не выронив «АРГ-8» из внезапно ослабевших пальцев, метнулся к дальней стене помещения, еще не понимая, что спасения нет – мины плотным роем падали сверху по крутой баллистической траектории; они пробивали перекрытия полуразрушенных этажей и взрывались внутри помещений, выбрасывая через двери и оконные проемы гудящие снопы пламени.

Последнее, что увидел в своей жизни Владимар, была ослепительная вспышка разрыва.

* * *

...Выпустив осветительные ракеты, Доргаев разделил свою группу на пары, понимая, что только их вмешательство может отбить первую атаку сервомеханизмов, которые карабкались по образовавшейся в результате ракетного обстрела осыпи.

Андроиды действовали грамотно, намереваясь постепенно выдавить защитников из граничащих с осыпью кварталов.

В их расчеты вкралась лишь одна фатальная ошибка: сканирующие системы человекоподобных машин не смогли вовремя зафиксировать четверых бойцов в современной экипировке, которые двигались, словно призраки, и капитан Доргаев в эти минуты досадовал лишь на глупую выходку Владимара, разрушившую тщательно разработанный план.

Теперь приходилось выручать колонистов из огненного котла, в который они попали, поддавшись на очевидную логику действий машин.

– Серж, отсканируй укрепления.

Доклад пришел через минуту:

– Сто семьдесят человек в непосредственной близости к оползню. Против них до трехсот сервомеханизмов, концентрируются под прикрытием крупных бетонных обломков, готовятся к атаке.

– Огневое прикрытие?

– Подавляющий огонь ведут пятьдесят машин.

– Много убитых?

– Убитых нет, командир.

Доргаев в первый момент усомнился, что правильно расслышал

доклад:

– Повтори!

– Убитых нет, командир. Дройды ведут сдерживающий огонь, не позволяя защитникам высунуться.

– Произведи анализ траекторий стрельбы.

Взглянув на полученную схему, Глеб смог убедиться, что сервомеханизмы действительно не пытались убивать защитников Цоколя, хотя у них имелась прямая возможность для этого. Пули, выпущенные из оружия сервомеханизмов, щедро осыпали стены вокруг оконных проемов, били внутрь помещений, когда амбразуры не заслонялись человеческими силуэтами. Среди защитников, по данным активного сканирования, насчитывалось десятка два раненых, но ни одного убитого.

– Что они затеяли?! – в недоумении спросил Ричард.

– Разве непонятно? – ответил ему Серж. – Ты же слышал, как действуют киберхаги. Им не нужны трупы. Андроиды постепенно окружат здания и будут держать защитников под плотным огнем, чтобы те не могли огрызнуться в ответ. Когда плацдарм наверху будет занят, а очаги сопротивления окружены, появятся киберхаги. Как мы знаем, им нужно сблизиться со своими жертвами на дистанцию около сотни метров...

– Проклятье... Это хуже, чем я думал, – Глеб не стал скрывать душившей его злости. – Нам остается уповать лишь на Вадима. Если он добудет терминирующий код, то киберхаги нам не страшны, а вот андроидам нельзя позволить подняться к укреплениям Цоколя. Нам придется их сдерживать.

– Сейчас удобный момент, – заметил Ричард. – Они завершают накопление перед атакой. На осыпи почти три сотни механизмов. Если возьмем их под перекрестный огонь, мало машинам не покажется.

– Согласен. Разделяемся на пары. Будем атаковать по кромке Цоколя с магистрали. Наша задача – поднять андроидов из-за укрытий, дальше подсобят ополченцы.

– Один момент, командир. В сфере сканирования мелькали «LD-37». Когда мы обозначим себя, они начнут обстрел.

– Проверь связь.

– Есть. Укрепления слышат нас.

– Тогда действуем по плану. Как только отработаем, передавайте на всех частотах, чтобы люди уходили в укрытия. Понятно? Тогда начинаем!

* * *

Ночь кружила над городом в бесноватом танце разрывов.

Вот так все и происходило во время Первой Галактической, – невольно подумалось Глебу, когда он понял, что машины под напором внезапно изменившихся обстоятельств вдруг отступили от первоначального плана действий. Строго говоря, андроиды, перегруппировавшись, вновь начали выдвигаться к оползню, а вот прикрывавшие их огнем реактивные установки и рассредоточившиеся по местности «LD-37», похоже, не придерживались общего тактического замысла, они тупо исполняли заложенные в них программы, накрывая залпами целые кварталы городских построек.

На миг Доргаеву стало жутко. Не от количества разрывов, не от вида подламывающихся, оседающих в клубах пыли зданий, а от осознания, что тут, на Саргоне, действует *смехотворно малое*по своему количеству и составу механизированное подразделение Альянса. Не было тяжелых серв-машин, с воздуха атакующих пехотных дройдов не прикрывали аэрокосмические истребители, но людям, оказавшимся в огненном котле техногенного боя, уже сложно на что-то рассчитывать.

– Командир, «LD-37» вошли в автономный режим. Они отреагировали на наше появление и теперь будут долбить город, пока не исчерпают свой боекомплект!

– Что предлагаешь, Серж?!

– Нужно отвлечь их внимание. Отходим на несколько кварталов к западу, там нежилые районы, и обозначим себя огнем реактивных комплексов! Пусть перенесут обстрел на пустующие дома.

– Добро. Но удержат ли колонисты осыпь?!

– Узнаем, если вернемся. Пока мы тут, они точно не смогут ничего сделать. Система распознавания целей принимает нас за какой-то новый вид серв-машин...

– Это я уже понял. Двигаемся, в темпе!

* * *

Через пару километров они остановились. Антисканирующие комплексы и покрытие «хамелеон»[27] по-прежнему предохраняли четверых бойцов от прицельного огня, давая им шанс нанести удар первыми.

– Отлично. Мы на дистанции залпа тактических ракет. – Глеб оценил оперативную обстановку и приказал: – Разобрать цели и доложить. Ведем огонь из ОРК, после каждого пуска – смена позиции! Начали!

Отбежав на десяток метров, чтобы обеспечить дистанцию, Доргаев выбрал ровный, неповрежденный участок дорожного покрытия и припал на одно колено, поднимая руку с закрепленными на ней тубусами пусковых

установок тактических ракет. Три ствола автоматически сбросили защитные заглушки, обнажив заостренные жала реактивных снарядов.

Тихо клацнули дополнительные фиксаторы локтевого соединения, предохраняющие сустав человека от динамической нагрузки в моменты запусков, на проекционном забрале шлема появились маркеры «LD-37». Дистанция три с половиной километра. Рельеф местности ровный, естественных укрытий для бродячих минометов фактически нет. Некоторые маркеры перемещались по условной схеме прилегающей к Цоколю территории, но большинство «тридцать седьмых» в данный момент стояли на позиции, готовясь к очередному залпу.

...Четыре ракеты ушли в ночь, Глеб тут же поднялся на ноги, стремительно смещаясь в сторону, уже на бегу он с торжеством отметил, что ни один запуск не пропал впустую, четыре маркера моргнули и погасли, остальные, так и не произведя залпа, начали сниматься с позиций.

Автоматически заработала система сопровождения целей, и пусковые стволы ОРК еще дважды выпустили огненные факелы ракет.

Девять из двенадцати запусков нашли свои цели.

Теперь, когда бойцы группы Доргаева очевидно обозначили себя, обстрел прилегающих к осыпи зданий прекратился. Уцелевшие «LD-37», сообразуясь с собственным пониманием приоритетности целей, перенесли огонь на пустующие кварталы, откуда по ним только что били ракетные установки.

Разрывы тяжелых двухсотмиллиметровых мин ложились сплошной стеной, от бесноватого огня ответных залпов уже не могли спасти системы маскировки, примитивные, узкоспециализированные механизмы мгновенно образовали локальную сеть и, скоординировав действия, замкнули трудноразличимые цели в плотное, постепенно сужающееся кольцо удара по площадям.

Доргаев успел пробежать метров сто, когда два разрыва полыхнули спереди и сзади, швырнув изувеченную бронированную фигуру на исковерканное покрытие автомагистрали.

Он попытался вскочить, но тщетно: половина сегментов брони была повреждена, сервомоторы усилителей мускулатуры заклинило, они работали с надрывным визгом, но без ощутимого эффекта.

В следующий миг капитан Доргаев увидел, как на него наползает клубящееся белесое облако, выброшенное рухнувшим зданием.

* * *

В районе осыпи бой разгорелся с новой силой, но после ураганного

ракетно-минометного обстрела большинство укреплений превратилось в груды щебня, и теперь продвижению андроидов уже не препятствовал плотный огонь со стороны защитников Цоколя.

Хельге казалось, что эта ночь бесконечна.

Она уже не пряталась в здании, интуитивно выбрав в качестве позиции бесформенную груду обломков, оставшихся от двухэтажного дома. На вершине горы щебня истекала дымом воронка от вторичного попадания, в нее и заползла Хельга. Некоторое время она лежала на спине, приходя в себя после контузии, потом перевернулась на живот и с отчаянным упорством поползла к краю воронки.

Оказавшись у импровизированного бруствера, она выглянула поверх нагромождения разбитого в щебень бетона.

Андроиды уже поднялись по осыпи и теперь окружали уцелевшие после обстрела дома, где еще прятались люди. Хельгу буквально заворожил вид сервомеханизмов, занимавших позиции в какой-то сотне метров от нее.

Подняв оружие, она приникла к прицелу, не замечая, как со стороны осыпи появилась первая группа киберхагов.

Первый же выстрел, ударивший в спину человекоподобной машины, опрокинул дройда, Хельга тут же резко переместила прицел и вновь коснулась сенсора, вбирая резкий, уже болезненный толчок отдачи, затем еще и еще один...

Она видела, как падают сервомеханизмы, и в эти минуты для нее не существовало иной данности... пока ее рассудка внезапно не коснулось что-то ледяное.

Резко повернувшись, она увидела всего в десятке метров от себя группу киберхагов.

Стрелять было поздно.

Ее сознание помутилось, воля иссякла, оружие с глухим стуком выпало из мгновенно ослабевших пальцев, и она дико закричала, машинально схватившись руками за голову.

С ней произошло самое страшное, что только могло случиться с человеком на этой планете...

Ее разум забирал киберхаг.

* * *

Утро выдалось стылым и туманным.

Над северной окраиной города все еще поднимался черный дым, кое-где на фоне бледной зари были видны отсветы пожаров.

Три человека поднялись из глубин Цоколя, выйдя на поверхность

через массивную дверь с винтовым запором.

Первым появился Вадим. За ним, поддерживая Лори, показалась Эльза.

Немершев окинул долгим пристальным взглядом панораму окрестностей и тихо произнес:

– Будем надеяться, что передатчик отработал как должно. Эльза, – он обернулся, – почему я не вижу андроидов?

– Не знаю. Должны бы уже подойти.

– Проверь, – Вадим бережно полуобнял Лори, помогая ей устоять на ногах.

– Как ты, милая?

Она слабо улыбнулась в ответ. Эта долгая тяжелая ночь сблизила их, как не смогли бы сблизить годы, проведенные рядом. Теперь они знали друг о друге многое, если не все. Прямой нейросенсорный контакт не подразумевает недомолвок, фальши либо лжи.

Вадим теперь точно знал, что ни Лори, ни Эльза не причастны к его неприятностям на Зороастре, а она... она просто почувствовала, что может жить дальше, вопреки всему. Вадим стал тем человеком, который вернул ей веру и надежду.

В конце улицы появился «Дизверт». Управляемый автопилотом внедорожник плавно притормозил, паркуясь у тротуара.

Автоматически открылась задняя дверь, Вадим бережно усадил Лори в салон, затем обошел машину, открыл багажник и достал оттуда три импульсные винтовки. Мельком взглянув на оставшееся в грузовом отделении оружие, он подумал:

Да, оскудел арсенал за эти сутки...

– Ну, как? Связалась с дройдами? – спросил он у Эльзы, передавая оружие Лори.

– Они в двух кварталах отсюда. Двигаются к нам.

– Сколько?

– Десять единиц.

– Модель «Хьюго»?

– Да, чистые «Хьюго», без подвоха.

– Отлично. Надеюсь, они нам помогут.

* * *

Через четверть часа андроиды, лично запрограммированные Немершевым, активировали третью степень свободы, позволяющую им применять полученное от Вадима оружие, и небольшой отряд начал

движение в сторону северной окраины Цоколя.

Торопиться, пороть горячку не было смысла. Раненым и убитым уже не поможешь, сигнал, нейтрализовавший генераторы нейронных импульсов у всех находящихся в черте города киберхагов, они сумели сгенерировать и передать только под утро, поэтому, как ни горько было это сознавать, но даже те защитники Цоколя, что остались в живых, скорее всего лишились рассудка.

Туман, затянувший улицы, понемногу рассеивался, над Саргоном вставало солнце, изгоняя стылую сырость из ущелий улиц, начинался обычный летний день, и тем страшнее выглядели картины, открывающиеся взгляду.

Почти вся северная окраина города была разрушена, от большинства домов остались лишь чудом уцелевшие огрызки стен, улицы стали непроходимы из-за завалов.

– Боевые машины отступили? – тихо спросила Лори, невольно поежившись при виде тотальных разрушений.

– Да. Они сделали свое дело, обеспечив киберхагам доступ на поверхность Цоколя.

– Вадим, ты можешь объяснить хоть что-то? Кому это понадобилось? Для чего такая жестокость, к чему эти жертвы? Кто стоит за этими зверствами?

– Люди, – ответил Вадим. – Или, по меньшей мере, человеческие создания. Мы не узнаем правды, пока не доберемся до Нормана.

...Внезапно среди руин они увидели бесцельно бредущего человека.

– Сканер!

Эльза уже активировала прибор и спустя некоторое время произнесла:

– Это киберхаг, Вадим. Генераторы нейронных импульсов не функционируют. Терминирующая программа сработала!

– Нужно проверить. Если все произошло именно так, как мы рассчитывали, нужно послать дройдов на прочесывание кварталов. Пусть ищут тех, кто остался в живых, и эвакуируют в здание штаба. Оно уцелело, и там есть необходимая аппаратура для оказания первой помощи.

– Хорошо, я займусь этим.

– Давай, Эльза, я отвезу Лори в пункт сбора, а сам приступлю к поискам группы Доргаева. На связь они не выходят, но это еще не значит, что бойцы погибли. В бронескафандрах можно выжить и под завалами зданий, знаю по личному опыту.

– Договорились. – Эльза была немногословна, она, хоть и освободилась от постоянного изматывающего противодействия чуждой

воле, которая все это время гнездилась в ее рассудке, пытаясь влиять на него, но коммуникабельнее от этого не стала. – Я сделаю все как должно, не сомневайся. Береги себя, – внезапно добавила она.

Вадим кивнул.

Им всем требовалось остановиться хотя бы на минуту, на час, чтобы *прислушаться*к самим себе, но обстоятельства не располагали к самоанализу, нужно было действовать быстро и решительно, если они хотели спасти тех, кто пережил эту жуткую ночь.

– Встречаемся в здании штаба. Сроков не назначаю. Осторожнее со связью, не забывай, что город постоянно сканируют системы «Нибелунгов».

– Разберусь. Не маленькая.

* * *

Доргаева отыскали только к вечеру.

Он был в сознании, но едва мог говорить. Остальные бойцы группы, потеряв командира, но вырвавшись из-под обстрела, были найдены в районе осыпи. Именно они до последнего сдерживали натиск дройдов, не позволяя новым группам машин ворваться в Цоколь.

Положение складывалось хуже некуда.

Вернувшись в здание командного пункта, Вадим узнал, что из всего населения Цоколя в живых осталось всего около сотни человек, не считая полутора сотен киберхагов, которые находились тут же.

Вчерашние непримиримые враги сейчас были рядом, и никто не обращал внимания на этот факт, не делал различий между ранеными людьми и едва осознающими себя киберхагами.

Всем в равной степени требовалась помощь, не хватало медицинской аппаратуры, два десятка андроидов модели «Хьюго», которых удалось отыскать на консервационных складах в недрах Цоколя, едва справлялись с экстренными случаями, когда требовалось немедленное хирургическое вмешательство.

Попадания нескольких ракет еще во время ночного боя выбили все межкомнатные перегородки, превратив этаж здания в одно громадное помещение, из которого дройды и вызванные из недр Цоколя вспомогательные механизмы уже убрали строительный мусор, расставив на очищенном пространстве всю способную работать медицинскую аппаратуру.

– Всем – и киберхагам, и людям – ввести снотворные препараты! – распорядился Вадим, с дрожью осмотрев огромный зал, где вповалку

лежали бывшие непримиримые враги. – Пока мы не разберемся с «Нибелунгами», они должны спать. Иначе вцепятся друг другу в горло... Все оружие собрать и надежно изолировать.

К нему подошла Эльза.

– На консервационных складах Цоколя обнаружено еще пятьдесят дройдов. Думаю, если ввести их в строй, нам хватит персонала для обслуживания раненых.

– Хорошо, займись этим. Как только прибудут новые машины, уже проверенных дройдов оснастить «ИМ-170», пусть держат под контролем «Нибелунги». Не позволять группам технической поддержки осуществить ремонт плазмогенераторов.

– Сделаю.

* * *

Вадим едва держался на ногах от усталости. Третьи сутки немыслимого морального и физического напряжения отняли все силы, но сейчас он не мог позволить себе ни минуты отдыха.

– Глеб, – он присел рядом с Доргаевым. – Нам надо поговорить.

Капитан Доргаев мучительно скосил глаза, его пересохшие губы едва шевельнулись:

– Говори...

– Мне нужна связь с центром. У тебя ведь был предусмотрен экстренный вариант?

– Генератор... гиперсферных... частот... – он некоторое время молчал, собираясь с силами. – Здание... Где мы встретились... Запиши... код связи...

Когда он закончил диктовать, силы фактически иссякли, но Глеб, собрав все свою волю, спросил:

– Что с ребятами?..

– Хорошего не скажу. Состояние критическое, ранения тяжелые. Они до последнего держали рубеж у осыпи. Если их эвакуировать в ближайшие сутки, думаю, все обойдется.

– Свяжись... со Стангмаером... Он не бросает... своих...

Глава 11

Щтаб флота. Разведывательный отдел...

На Элио был полдень, когда в смежном с кабинетом Стангмаера помещении заработал комплекс виртуальной связи. Датчики кибернетической системы мгновенно определили, что генерал находится в кабинете один, и часть стены неслышно скользнула в сторону, открывая доступ в пункт межзвездной связи.

* * *

Начальнику разведывательного управления флота Уилфреду Стангмаеру, от галакткапитана Немершева.

Срочно. Секретно.

Источник данных: экстренный канал гиперсферной частоты, точка инициализации связи – система Саргон.

В ходе выполнения задания в рамках расследования инцидента на Элио вошел в контакт с разведывательной группой галакткапитана Доргаева. Совместными действиями установлен факт неверной трактовки данных, полученных о системе Норман. В результате наблюдения и сбора информации нами установлено:

1. В системе Норман действуют боеспособные механизированные подразделения Земного Альянса.

2. «Торговые отношения» между поселениями Нормана и Саргона носят дезинформационный характер. Под прикрытием торговли на протяжении десяти лет с военно-исследовательских и промышленных баз Альянса на Саргон поступает продукция двойного предназначения, что превращает колонию в испытательный полигон для имплантации матриц сознания на биологические носители искусственно создаваемых людей.

3. Последними наблюдениями установлен факт прямого вторжения в колонию Саргона механизированных подразделений Альянса. Силы вторжения (16 штурмовых носителей класса «Нибелунг») блокировали Цоколь, где сосредоточено девяносто процентов населения Саргона.

4. Исходя из критического развития ситуации, несущей угрозу физического уничтожения населения колонии, мною совместно с группой капитана Доргаева, при поддержке двух известных вам по событиям на Элио киберхагов, была предпринята диверсионная операция, в результате которой нейтрализованы системы автоматического управления

штурмовых носителей, десантные группы сервомеханизмов спровоцированы на атаку городских укреплений и частично уничтожены в результате затяжного боя. Остатки серв-соединений рассеяны по прилегающим территориям.

Требуется немедленная помощь.

15 августа 2943 года по универсальному галактическому календарю.

Капитан Немершев.

Сообщение составлено в присутствии капитана Доргаева.

* * *

Генерал вот уже несколько суток ждал сообщения из системы Саргона, но принятый текст не мог претендовать на полноту данных, он ставил больше вопросов, чем давал ответов на них.

Стангмаер еще раз перечитал сообщение и вошел в кабину виртуальной связи.

Перед ним стояла призрачная фигура капитана Немершева. Выглядел он далеко не лучшим образом: лицо бледное, одежда мятая, из-под простреленной в нескольких местах куртки проглядывает край бронежилета, глаза безмерно усталые, но не равнодушные – злые.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, словно борцы, пытающиеся оценить противника перед тяжелым поединком, затем Уилфред отвел взгляд, сел в кресло и произнес:

– Давай сразу расставим точки над «i», Вадим. Да, я использовал тебя вслепую, и поверь, могу объяснить мотивы своих поступков, но только не по каналу ГЧ, согласен?

Немершев кивнул.

– Я не затем вышел на связь, чтобы выяснять отношения. Тем более что мне все известно, – ответил он, продемонстрировав поразившее Стангмаера хладнокровие. – Нужна конкретная помощь. Канал связи мне передал капитан Доргаев.

– Добровольно?

– Он сказал, что разведуправление не бросает своих. Правда, мне неизвестно, подпадаю ли я под определение «свой»?

– Что с Глебом и его группой?

– Капитан через пару дней встанет на ноги. Остальным требуется немедленная эвакуация, оказать помощь на месте мы не можем, нет необходимого оборудования.

Уилфреду эти слова сказали многое, но не все.

– Давай, Вадим, все прошлое в сторону, до поры, согласен? Мне

нужны подробные сведения. Что произошло? Откуда «Нибелунги»?

– Вы не спросили главного, генерал – «что с киберхагами?».

– Да.

– Шестнадцать штурмовых носителей по-прежнему блокируют город. Источник вторжения – система Норман. Все киберхаги, включая Эльзу и Лори, – тех самых девушек, что разгромили усадьбу на Элио, – нейтрализованы.

– Они под контролем?

– Нет. Я обезвредил их генераторы нейронных импульсов. Сумел создать терминирующую программу. Сделал то, что не удалось совершить специалистам вашего отдела в случае со мной десять лет назад. Код уникален, вряд ли его сможет воспроизвести еще кто-нибудь. – Вадим не давил на Стангмаера, он лишь ставил его в известность. – Нам нужна помощь. Хочу сразу предупредить, – получим мы ее или нет, развитие дальнейших событий предполагает атаку системы Норман.

– Почему?

– Там источник технологии проекта «Киберхаг». Когда вы просмотрите файл данных, приложенных к отчету, то поймете – кто-то целенаправленно засылал на Саргон диверсионные группы с целью трансплантации киберхагам личностей колонистов. У меня есть все основания предполагать, что на Нормане сейчас находится огромное количество киберхагов. Их наверняка держат в состоянии низкотемпературного сна, но, очнувшись, они будут осознавать себя жителями Саргона.

Уилфред задумался.

– Это может являться развитием эксперимента, который поддерживают машины Альянса в рамках предписанных им несколько веков назад исследований? – наконец спросил он.

– Нет. Не стройте иллюзий, генерал. Будь события продолжением неких исследований, они были бы завершены давным-давно. Я считаю, что проект был заморожен после капитуляции Альянса, а десять лет назад при появлении флота Конфедерации в непосредственной близости от Эрихайма, Нормана, Саргона и Карлоса исследования возобновили с определенной целью.

– Какой?

– Пока не знаю. Но за реанимацией проекта стоят люди. И они в данный момент находятся на Нормане.

– Не вижу смысла...

– А я вижу, генерал. Зачем имплантировать киберхагам сознание

реальных личностей? Если совместить технологию создания искусственных людей с теми матрицами сознания, что получены, хотя бы при помощи мыслесканера Джедиана Ланге, можно сконструировать вполне устойчивые психологические архитектуры с воспоминаниями о прошлом и осознанием смысла настоящего и будущего.

– Хочешь сказать, те, кто окопался на Нормане, не имеют доступа к современным технологиям?

– Это один из вариантов. Я не сбрасываю его со счетов, но склоняюсь к другому: кто-то отдает себе отчет, что вскоре планеты сектора станут протекторатом Конфедерации, а затем войдут в состав Содружества. Понимаете, генерал? Кто-то очень не хочет быть узнанным. Этому человеку или группе людей вполне очевидно: система Нормана, как опорный пункт Альянса, будет зачищена, а вот колонию Первого Рывка никто не тронет, но Саргон все равно будут проверять, хотя бы номинально. Выдержать проверку и вести на равных диалог с Содружеством можно, переселившись на Саргон и подменив его население киберхагами, которые будут осознавать себя коренными жителями планеты, без запинки ответят на любой заданный вопрос и в то же время по команде могут быть мобилизованы, как абсолютно дисциплинированная, обладающая незаурядными навыками и способностями сила.

Стангмаер все больше мрачнел, по мере того как Немершев излагал свою точку зрения.

Все сказанное капитаном очень походило на правду. Но что мог сделать генерал в данный момент? Пойти к президенту за санкциями?

Нет, это лишь затянет время и многократно усложнит проблему, которую нужно решать немедленно.

– В чем твой личный интерес, Вадим?

– Не мой. *Наш.* – Немершев посмотрел в глаза Стангмаеру и добавил: – Я имею в виду себя и остальных киберхагов, которые больше не опасны для Конфедерации. Но пока существует база на Нормане, мы не сможем начать новую жизнь, над нами будет постоянно тяготеть призрак нового вторжения, угроза попытки взять нас под контроль либо физически уничтожить.

– Как ты намерен действовать?

– Я уже ответил. Атаковать Норман.

– У тебя недостаточно сил. А я не могу послать флот, на это нужно согласование в Совете Безопасности Миров.

– Думайте, генерал. У нас общие интересы. Упустим момент, и зачистка может обернуться большой кровью.

– А сейчас крови не будет?

– Будет.

– Вот что, капитан. Не пори горячку. Дай мне хотя бы пару часов на осмысление ситуации. Эвакуационные модули и полевой автоматический госпиталь я пришлю немедленно. Насколько опасны блокирующие город «Нибелунги»?

– Нам удалось вызвать сбой в работе их планетарных силовых установок и временно вывести из строя плазмогенераторы, – ответил Вадим. – Сейчас дежурные снайперские пары не дают андроидам технической поддержки нормально работать, но сколько еще удастся удерживать ситуацию, не знаю.

– Вадим, ты сможешь определить серийные номера штурмовых носителей?

– Уже определил.

– Знаешь о базах данных? – удивился Стангмаер.

– Для меня они не секрет. Я ведь не одну планету зачищал. Все реликтовые единицы флота имели строго засекреченные коды управления, инсталлированные на заводах-изготовителях. Эти коды предназначались для устранения фатальных ошибок в работе кибернетической системы, часто возникающих при критических повреждениях корабля в бою.

– Передай мне список серийных номеров этих «Нибелунгов». Если они есть в базах данных, то я сообщу тебе управляющие коды. Но с одним условием: без моего ведома – никаких активных действий.

– Генерал, я ничего не могу гарантировать. Хватит. Вам следует понять, что кроме большой межпланетной политики есть еще судьбы отдельных людей. Мы возьмем «Нибелунги», с кодами или без них, а затем отправимся на Норман, чтобы освободить подобных нам искусственных людей и задать пару вопросов тем, кто стоит за всем этим безумием, считая, что может жертвовать тысячами жизней, дергая за ниточки наших судеб. Хотите помочь – я приму помощь с благодарностью. Нет – буду действовать сам.

– Не дави на меня, капитан!

– Даже не думаю, – устало ответил Немершев.

– Хорошо. Я понял твою позицию. Два часа?

– Согласен.

* * *

Отключив канал связи, Вадим некоторое время сидел, уставившись в одну точку, потом достал мобильный коммуникатор, подключил его к

комплексу ГЧ-связи и набрал номер.

Несколько секунд тишины, затем раздался характерный щелчок, и без появления изображения из коммуникатора послышался голос:

– Соул слушает, кто на связи?

– Немершев. Извини, нет видеоряда, пользуюсь армейской станцией связи.

– Рад слышать тебя. Как торговля?

– Все оружие ушло с ходу. Спрос просто бешеный. Но я по другому поводу. Сколько стоит полностью укомплектованный «Х-страйкер»?

– Двести пятьдесят тысяч.

– А если брать оптом, например, четыре истребителя?

– Ну, тогда можно скинуть штук по десять на машину.

– Тебя устроят такие комиссионные?

– Сорок тысяч? Вполне. А что...

– Без вопросов, Соул. Тебе придется рискнуть. Деньги, к сожалению, перечислить не могу, они у меня в наличности, здесь, на Саргоне. Без подвохов.

Соул умолк, задумавшись.

Вадим обернулся к Эльзе:

– Сколько осталось у тебя в кейсе?

– Миллион двести, – она пожала плечами, как бы давая понять: действуй по своему усмотрению.

– Короче, Соул, сто тысяч – премия за риск, сверх тех сорока, что ты выигрываешь на опте.

– Другой разговор. Когда и где?

– «Х-страйкеры» мне нужны как можно скорее. У тебя от силы два дня. Посадочную площадку в центре Цоколя на Саргоне знаешь?

– Кто ж ее не знает?

– Тогда жду тебя с товаром. Не упусти шанс. Такие деньги на дороге не валяются.

– Мне нужно навести справки, Вадим.

– Хорошо. Когда ты будешь знать точно?

– Часа через три.

– Договорились. Я сам вызову тебя. До связи.

Вадим коснулся сенсора, отключая комплекс межзвездной связи. Энергии в накопителях осталось от силы на десять минут поддержания канала ГЧ.

– Ну что? – спросила Эльза.

– Ждем. Стангмаер обещал как минимум эвакуационный модуль и

полевой госпиталь. Соул, думаю, не подведет. А вот с «Нибелунгами» пока неизвестно.

* * *

Генерал Стангмаер вызвал к себе галакткапитана Вронина, назначив аудиенцию на девять часов утра.

Прежде чем принять решение, Уилфред долго и тяжело размышлял над сложившейся ситуацией.

Докладывать президенту преждевременно. Он человек сугубо гражданский, не понимает многих нюансов, реально оказывающих влияние на положение дел в пограничных секторах космического пространства. Кто бы спорил, Генри Райт хороший *политик*, но человек не может объять необъятное, и потому рядом с президентом должны находиться профессионалы из других структур власти, готовые подсказать нужное решение.

Другой вопрос: в последние время президент Конфедерации Солнц не очень-то прислушивается к мнению военных, особенно, когда речь идет о присоединении к Содружеству новых, недавно открытых планетных цивилизаций.

Таким образом, у Стангмаера оставалась только одна возможность – принять ультимативные требования Немершева, чтобы назревшая проблема была решена в рамках конфликта не входящих в Конфедерацию звездных систем.

* * *

Дверь кабинета открылась ровно в девять.

– Проходи, капитан, садись, – Стангмаер выслушал уставное приветствие и указал на кресло. – Разговор у нас пойдет не совсем обычный.

Вронин внутренне собрался. Многие моменты давили на него, например, подразделение, которым он командовал всего неделю (получив звание галакткапитана и новую должность), напрямую не подчинялось управлению внешней разведки.

– Не напрягайся. Твое начальство в курсе, – словно прочитав мысли Кирилла, успокоил его Стангмаер и тут же спросил, не оставляя времени на раздумья: – Какие отношения у тебя с бывшим командиром подразделения капитаном Немершевым?

В рассудке Кирилла пронеслось множество мыслей, но ни один мускул на лице не дрогнул.

– Вадим Петрович очень много сделал для меня. Я уважаю его как человека.

– Сколько бойцов взвода придерживается той же оценки?

– Большинство. По крайней мере те, кто прослужил под командованием Вадима Петровича хотя бы год.

– Между капитаном Немершевым и подчиненными существовали трения?

– Нет.

Уилфред недоверчиво вскинул бровь.

– Так не бывает, капитан. Всегда есть недовольные. Кого-то не отпустил в увольнение, кому-то дал слишком большую нагрузку, придрался по мелочи, отдал необоснованный приказ в бою.

Взгляд Вронина стал колючим, и Уилфред мысленно усмехнулся: сейчас, похоже, произойдет нарушение устава и субординации, наслышан я о вашей вольнице в элитных спецподразделениях...

– Господин генерал, я хотел бы уточнить – это допрос?

– А если допрос? – Стангмаер тяжело опустился в кресло и исподлобья посмотрел на Вронина. – Адвоката потребуешь?

– Обойдусь. Но своего командира я порочить не стану.

– А ты уверен, что хорошо его знаешь?

– Я обязан ему жизнью. Капитан Немершев не из тех офицеров, которые прячутся за спины подчиненных. Он никогда не оставался на орбитальном КП. Всегда – подчеркиваю, – всегда шел с нами, под те же пули, что и рядовые бойцы.

– Это разумно? С точки зрения командира? Он что, искал смерти? Или зарабатывал очки популярности? – продолжал допытываться Стангмаер, нарочно провоцируя Вронина формулировками задаваемых вопросов.

– Господин генерал, я могу задать встречный вопрос? – Взгляд Кирилла похолодел, из него исчезло недоумение, на смену которому пришла мрачная решимость принятого внутреннего решения.

– Давай.

– Когда вы в последний раз лично принимали участие в боевой операции?

– Дерзишь, капитан? – Уилфред неодобрительно покачал головой, но все же ответил: – В последний раз я командовал операцией по зачистке известной тебе системы Эрихайма. Не скрою, это была неудачная миссия. Мы потеряли группу высадки, с планеты удалось вырваться только двум потрепанным в бою подразделениям. Наши силы попали в ловушку: обнаруженная военная инфраструктура, состоящая из трех баз Альянса,

поначалу не подавала признаков функциональности. Тщательная предварительная разведка показала, что все механизмы находятся в режиме глубокой самоконсервации, однако, когда группы зачистки ступили на территорию двух опорных пунктов, произошла внезапная реактивация боевых систем, причем это явилось не следствием неправильных действий высадившихся подразделений: сигнал, пробудивший машины, пришел извне, из другой звездной системы, которую в тот момент нам вычислить не удалось.

Вронин слегка побледнел. Конечно, он слышал о той операции флота, но не знал, что ею руководил Стангмаер. Подробности, естественно, не разглашались, но он сам недавно побывал на Эрихайме и мог сопоставить свои личные впечатления со сведениями, полученными от генерала.

– Вы упомянули о трех опорных пунктах. Но мы зачищали только один...

– Правильно. Нам удалось подавить два очага сопротивления и полностью уничтожить средства гиперсферной связи. После этого было принято решение об эвакуации десантных групп и постановке планеты на карантин...

Стангмаер тяжело посмотрел на Вронина.

– Теперь, капитан, я жду исчерпывающего ответа на свои вопросы, касающиеся Немершева. Кем он был для подчиненных?

– Боевым товарищем. В некоторых смыслах отцом или старшим братом...

– То есть субординация в подразделении отсутствовала, так? – прищурился Стангмаер, машинально постукивая пальцами по широкому подлокотнику кресла.

– Нет, вы неправы. Языком устава этого не объяснишь. У Вадима есть какое-то особое чувство, он, как мне казалось порой, знает о войне намного больше, чем мы все вместе взятые. Я же говорю, обычными формулировками этого не передать...

– Хорошо, объясни простыми словами.

Вронин некоторое время молчал, затем, собравшись с мыслями, произнес:

– Вадим Петрович особенный человек. Многие бойцы взвода, как и я лично, обязаны ему не только жизнью... Взять, к примеру, меня, молодого лейтенанта, только что окончившего училище. Обычно в спецподразделения попадают после многих лет службы, но капитан Немершев подбирал личный состав взвода по иному принципу. У него существовало незыблемое правило: не более одного вновь прибывшего за

полгода.

– С чем это связано? – поинтересовался Стангмаер.

– Капитан Немершев всегда лично сам обучал новобранцев, – ответил Кирилл. – Он взял меня в напарники и передавал опыт во время боев, часто закрывая грудью в критических ситуациях. Зато такие уроки запоминались навечно, ни одной ошибки никто из нас уже не повторял дважды. Он никогда не искал смерти, но порой казалось, что Вадим по какой-то причине *не страшится умереть*. Я как-то спросил его об этом, но прямого ответа не получил. Он лишь усмехнулся и сказал: «Дважды в одну воду не войдешь, Кирилл».

– Он произносил эти слова, понимая, что хочет высказать?

– Он всегда понимал, о чем говорил. Никогда я не слышал от него глупых, необоснованных приказов, надуманных суждений или несправедливых упреков. Для меня он эталон командира и человека.

– Ясно. – Уилфред сцепил пальцы рук в замок. – Что скажешь, Кирилл, если я сообщу, что Вадиму требуется помощь?

Вронин не был столь наивен, чтобы не понимать: если начальник разведуправления флота вызывает его и ведет подобный разговор, значит, у него есть какая-то цель, а Вадим попал в такую ситуацию, из которой невозможно найти выход, действуя обычными способами.

– Если дело касается моего командира, вы можете рассчитывать на меня.

– Есть несколько нюансов. Во-первых, я не могу тебе приказать. Во-вторых, операция будет проводиться неофициально, без поддержки флота, более того: в случае провала я не смогу выслать помощь.

– Тип, уровень противника? – Вронин не выказал сомнений или колебаний, он услышал то, что должен был услышать, а остальное не имело значения. Уилфред, глядя на молодого офицера, невольно испытал гордость – нечасто ему приходилось сталкиваться с такой спокойной, твердой верой в своего командира...

Значит, Вадим действительно заслужил подобное отношение к себе, – подумалось ему.

– Тип и уровень противника до конца неизвестны. Обстоятельства сложились таким образом, что капитан Немершев принял самостоятельное решение, проинформировав меня о том, что собирается нанести удар по системе Норман. Как оказалось, наша информация по данному миру, мягко говоря, далека от действительности. Мы считали, что в системе Норман существует планетная цивилизация, которая выросла на базе поселения, основанного Альянсом в период Галактической войны. Сведения,

полученные от Вадима, опровергают эти данные. На Нормане продолжают функционировать боевые системы, более того, теперь я уверен, что сигнал, спровоцировавший реактивацию машин на Эрихайме, во время операции десятилетней давности, пришел оттуда. Таким образом, мы имеем задачу со многими неизвестными.

– Какими силами располагает Немершев?

– Ему удалось захватить полтора десятка штурмовых носителей Альянса, – ответил Стангмаер. – Это серьезная боевая мощь, но без грамотных, решительных пилотов и командиров «Нибелунги» – не более чем груда металла, – их можно использовать только в полуавтоматическом режиме, без подключения главной киберсистемы. Трофейная техника, как ты сам понимаешь, требует очень осторожного обращения. У Немершева нет времени, чтобы полностью перепрограммировать «Нибелунги», исключив возможность несанкционированных действий со стороны автоматики, но и надежных пилотов у капитана также нет. Если он поведет в бой корабли, не укомплектованные должным образом, то операция будет обречена на провал.

– Поэтому вы меня вызвали?

– Да, Кирилл. Мне нужен ты и еще как минимум десять человек из подразделения, доверяющих Вадиму, как самому себе.

– Это не проблема.

– Тогда последний аспект. Ты должен знать все, прежде чем окончательно дашь свое согласие.

Кирилл удивленно посмотрел на Стангмаера. Ситуация и так предельно ясна: Вадим, действуя как частное лицо, попал на Саргон, где стал невольным участником событий, напрямую затрагивающих интересы Конфедерации. Вполне естественно, что он не смог остаться сторонним наблюдателем. Теперь ему нужна помощь в планетарной зачистке. Что тут неясного?

– Дело в том, Кирилл, что капитан Немершев... не совсем человек.

Вронину показалось, что на него вылили ведро ледяной воды.

– То есть... как?! – в замешательстве воскликнул он.

– Во время первой зачистки Эрихайма нами был эвакуирован с планеты загадочный контейнер, не поддающийся экспресс-сканированию в полевых условиях. Когда его доставили на базу Конфедерации и вскрыли, в нем оказалась криогенная камера необычной конструкции. Наши техники сумели разобраться с системой и ввели аппаратуру в режим пробуждения. Сначала мы думали, что внутри найдем офицера Альянса, попытавшегося обмануть время при помощи технологии низкотемпературного сна, но

ошиблись. В криогенной капсуле был заключен искусственный человек – последняя разработка военно-промышленного комплекса Земного Альянса.

– Биоробот?!

– Нет, Кирилл, искусственный человек. Он отличается от нас иным материалом мускульных тканей, более прочными костями скелета и имплантированными в головной мозг контроллерами, так называемыми генераторами нейронных импульсов. В случае с Вадимом система генераторов по каким-то причинам оказалась неработоспособна, и в условиях лабораторного карантина все причастные к его пробуждению специалисты вынесли однозначный вердикт – он человек, невзирая на радикальное усовершенствование некоторых тканей и органов. Более того, когда был взят образец ДНК, то его сравнение с банком данных, доставшимся нам после разгрома Альянса, показало, что он по своим биометрическим данным полностью идентичен капитану ВКС Альянса Вадиму Петровичу Немершеву, погибшему во время штурма Юноны силами флота Свободных Колоний. Он помнил свое имя, сохранил знания и профессиональные навыки офицера, прекрасно разбирался во всех типах боевых кибернетических систем, но совершенно не помнил собственного прошлого.

– И вы решились на эксперимент?

– Мы дали возможность капитану Немершеву начать новую жизнь, – Стангмаер жестом отверг любые претензии относительно этической стороны проблемы. – Мы приняли ситуацию такой, как есть. Вадиму внушили, что амнезия – следствие тяжелого ранения, и после курса реабилитации, в течение которого ему были имплантированы знания о современном мире и уровне развития цивилизации, капитан Немершев вернулся в строй, возглавив новое, только формирующееся подразделение по борьбе с реликтовыми кибермеханизмами. Могу сказать тебе одно, Кирилл, я ни на день не упускал его из вида и могу подтвердить твои же слова: он человек, не только физически, но и духовно. В нем нет изъянов или червоточин.

Стангмаер немного помолчал, а затем произнес, подытоживая сказанное:

– Выбор за тобой, капитан. Подумай, прежде чем дать окончательный ответ.

* * *

Через два часа Стангмаер вышел на связь:

– Вадим, я принял решение. Посылаю к тебе группу, думаю, ты

будешь рад этим парням.

– Посмотрим, – ответил Вадим, который так устал, что не радовался сейчас ничему. – Что со штурмовыми носителями, генерал?

– Все выпущены на одном и том же заводе, в две тысячи шестьсот тридцатом году. Одна из последних модификаций.

– Я заметил. Коды есть?

– Да. Но по каналу ГЧ их передать не смогу.

– Почему?

– Это сеть, Вадим. Я не могу быть уверен, что разговариваю именно с тобой.

– Логично, – Немершев устало помассировал виски. – Когда ждать группу? Раненые в критическом состоянии.

– Модуль уже начал предстартовую подготовку. Шесть часов продержитесь?

– Есть альтернатива?

– Нет.

– Тогда продержимся. До связи, генерал, у меня энергия в комплексе связи на исходе. Получу запасные накопители – поговорим по существу.

– Добро, Вадим. Продержись.

Последние эрги в накопителях комплекса ГЧ Немершев израсходовал спустя час, разговаривая с Соулом:

– Что решилось? Давай сразу к делу, сигнал слабеет.

– Я сделал заказ. Правда, удалось достать только три «Х-страйкера». Поставка через сутки. Еще часов шесть на полную загрузку боекомплектов. Итого: я буду на Саргоне через тридцать два часа. Раньше не успеваю. Тебя устраивает?

– Вполне. Будь осторожен на подлете. Свяжись со мной через коммуникатор, когда выйдешь в зону высоких орбит.

– Сделаю. Мой кейс с деньгами на месте?

– У меня на коленях.

– Береги его, Вадим.

Немершев усмехнулся, несмотря на свинцовую усталость, которую уже не могли побороть дозы стимулирующих препаратов.

– Ну? – спросила Лори, когда он отключил комплекс межзвездной связи.

– У нас есть шесть часов до прибытия людей Стангмаера. «Х-страйкеры» получим не раньше, чем через сутки.

– Что будем делать?

Он посмотрел на нее и сказал:

– Произведем проверку снайперских пар и спать. Не против?

Лори не ответила.

Она мечтала об этом, но не верила, что мечта может вот так неожиданно сбыться.

* * *

Несмотря на усталость, сон не шел...

– И как это произошло с тобой? – Вадим потянулся за сигаретами, прикурил и перевернулся на спину, глядя в потолок старого, давно требующего капитального ремонта помещения, в котором от понятия «цивилизация» сейчас остались лишь свет и тепло...

Лори знала, что рано или поздно он задаст этот вопрос.

Она хотела ответить на него, чтобы между ними не оставалось недомолвок, и в то же время боялась, сама не понимая, где кроется источник страха?

– Сначала ответь: ты знал, что я киберхаг?

Вадим глубоко затянулся, а затем, выпустив колечко дыма, произнес:

– Нет.

– А когда увидел меня? Что подумал?

– Я понял одно – ты человек. Большего мне знать не требовалось. И все же, Лори, как ты решилась?

Она повернулась, чтобы видеть его, коснулась дрожащими пальцами щеки Вадима, потом ответила:

– Ты знаешь, что такое одиночество и бессилие?

Вадим задумался. Да, наверное, он мог согласиться относительно бессилия, – бывали моменты, когда измученный организм не просто требовал отдыха: в такие секунды казалось, что жизненные силы закончились, и это раздражало. Но вот одиночество? Наверное, нет. Он никогда не был одинок до такой степени, чтобы остро почувствовать дискомфорт.

– Другая эпоха. Иное время. – Лори прижалась к нему. – Холод... Мне едва исполнилось двадцать. Родителей я не помнила. В наследство от них мне досталась генетическая деформация. Говорили, что это связано с постоянным стрессом родителей. Я знаю, они оба погибли. Их сожрала война. А я осталась. Сейчас мне жутко вспоминать, хотя кажется, что все происходило только вчера. – Она тоже потянулась за сигаретой. Хотелось почувствовать горьковатый вкус дыма, ощутить, что ты не механизм, искусно закамуфлированный под человека. Лори все еще страшилась себя самой. – Пустые города, – продолжила она спустя некоторое время. –

Вокруг, пока я росла, были лишь машины. Я очень рано начала завидовать им. Особенно, когда внутренний недуг обострялся, не давая нормально мыслить, парализуя тело. Они никогда не уставали, не чувствовали боли, не раздражались, и я втайне мечтала стать такой же.

– Теперь жалеешь?

– Нет. Ты все еще опасаешься меня, Вадим?

Он погасил окурок и едва заметно улыбнулся краешком губ.

– Тебя – нет.

Она перевернулась на живот, глядя ему в глаза.

– Меня обманули. Говорили, что проект связан с колонизацией новых миров.

– А вот я не помню, как все было, – проронил он. – Но что-то во мне осталось от того человека, который воевал в Первую Галактическую. Я это чувствую.

Некоторое время Лори лежала, прислушиваясь к дыханию Вадима.

– И все-таки нас не признают людьми... – неожиданно прошептала она. – Мы не сможем иметь детей...

– Ты не права.

Она вздрогнула.

– Повтори...

– Не права, – он обнял ее. – Ты не сможешь вынашивать своего ребенка, это действительно так. Но существуют технологии, использующие ДНК родителей, с развитием плода в специальной камере.

– Это нормально?

– Более чем. Во многих колониях только так поддерживается разнообразие генофонда.

Она не ответила на его последнюю фразу.

Просто лежала и смотрела поверх его плеча на сложный узор текстуры отделочного материала стены, пока линии не стали расплываться перед глазами.

Навернувшиеся слезы внезапно швырнули ее душу в омут воспоминаний, Лори зябко поежилась, будто вновь соприкоснулась с тоскливым холодом безысходного существования.

Сбылось ли то, о чем она мечтала?

Да.

Его ладонь, скользнувшая вдоль спины, обдала жаром, стирая холод воспоминаний.

Глава 12

Саргон. Щесть часов спустя...

В лазурных небесах появились четыре снижающиеся точки.

– Ну, наконец-то...

Эльза ждала, что сейчас ближайшая группа «Нибелунгов» начнет противодействие, огрызаясь залпами зенитных установок верхней полусферы, но ошиблась: боевые подсистемы штурмовых носителей не произвели ни единого выстрела по заходящим на посадку эвакуационным модулям.

– Что происходит, Вадим? – Эльза в недоумении обернулась, зачем-то коснувшись пальцами своего импланта. – Снайперские пары докладывают – механизмы технической поддержки прекратили попытки ремонта генераторов плазмы!..

– Все нормально, расслабься, – успокоил ее Немершев, наблюдая, как заходит на посадку первый из спускаемых аппаратов. – Носители обезврежены дистанционной командой.

– Это надежно? Откуда коды?

– Из баз данных, оставшихся после падения Альянса. Побудь с ранеными. Я пойду, встречу прибывших.

Нельзя сказать, чтобы у Вадима отлегло от сердца. На душе все равно оставалось смутное беспокойство. Возможно, это была даже не тревога, а глухая саднящая тоска, – он только сейчас до конца понял, что очутился вне привычного ему мира, и люди, прилетевшие на выручку, уже несут на себе печать отчуждения.

«Смогу ли я свыкнуться с этим?»

Внешний люк шлюзовой камеры скользнул в сторону, и в образовавшемся проеме появился офицер в форме галакткапитана.

Вадим не сразу узнал его, а когда понял, что на верхней ступеньке короткого трапа стоит Кирилл Вронин, у него на миг перехватило дыхание.

Кирилл легко сбежал по ступенькам, а вслед за ним появился, щурясь от солнечного света, лейтенант Рапшар.

Немершев так и стоял, будто окаменев, на краю старой, местами потрескавшейся посадочной площадки. Он никогда не думал, что способен испытывать такие сильные и одновременно противоречивые чувства, которые рвали, комкали сейчас его душу...

– Привет, командир! – Вронин крепко стиснул его ладонь, а потом

вдруг не выдержал и обнял Вадима. – Живой...

Может, он ничего не знает?– промелькнула в сознании Немершева спасительная мысль, но когда Кирилл отстранился и пытливо посмотрел ему в глаза, сомнения рассеялись – знает. Да и могло ли быть иначе?

– Почему Стангмаер послал именно вас? – Голос Вадима прозвучал глухо, напряженно.

– Генерал никому ничего не приказывал, – спокойно ответил Кирилл. – Он вызвал меня, обрисовал ситуацию и... Слушай, о том ли мы говорим? – Вронин посмотрел на Немершева и добавил: – Ничего не изменилось, командир.

Вадим многое постигал заново.

Он снова обретал пошатнувшуюся веру. Наверное, стоило родиться заново, чтобы встретить Лори, чтобы пережить этот острый, потрясающий миг встречи с Кириллом...

– Кто еще прилетел? – наконец справившись с нахлынувшими чувствами, спросил он.

– Основной состав взвода. Все, кроме новичков.

* * *

Через час, забрав всех тяжелораненых, три эвакуационных модуля вновь взмыли в небеса Саргона.

– Эмиттеры суспензорного поля привезли? – спросил Вадим, когда три точки окончательно растворились в прозрачной лазури.

– Все, как ты запрашивал. Только к чему они тебе? – поинтересовался Кирилл.

– Сейчас увидишь. Пусть дройды технической поддержки установят их в помещении командного пункта, – Вадим обернулся, жестом подозвав Эльзу. – Знакомься – это Кирилл Вронин.

– Эльза Райт, – она с вызовом посмотрела в глаза Кирилла, но почему-то не выдержала, отвела взгляд.

– Покажи капитану Вронину схему расположения эмиттеров. Как договаривались, помнишь?

Она кивнула.

* * *

После эвакуации тяжелораненых в помещении бывшего штаба сил самообороны осталось около двухсот человек. Люди и киберхаги, пережившие страшную ночь штурма, пока что спали под воздействием введенных в кровь препаратов.

Глядя на них, было жутко осознавать, что это все, кто уцелел в результате десяти лет необъявленной войны.

Сейчас они просыпались, и как только первые из колонистов начали приходить в себя, дезориентированно оглядываясь по сторонам, между ними и киберхагами, к которым также возвращалось сознание, возникло зеленоватое мерцание поля суспензорной защиты.

* * *

Вадиму никогда ранее не приходилось выступать публично, но сегодня ситуация не оставила выбора.

Перед ним стояли две группы людей, которые слепо ненавидели друг друга.

Нет, наверное, он ошибался. Киберхаги не могли ненавидеть поселенцев. Все было гораздо сложнее...

Произнести первые слова было тяжело. Он с трудом подбирал формулировки и фразы, чувствуя, как растет, концентрируется напряжение от каждого прозвучавшего в глубочайшей тишине слова.

Он не пытался смягчить события или как-то оправдать одну из сторон. Вадим излагал все как есть, по крайней мере как виделось ему после долгих, мучительных размышлений.

Он говорил о людях и киберхагах, о наследии войны, о технологиях Альянса, далеко перешагнувших черту дозволенного, в период безумия Первой Галактической.

– ...каждый из вас пусть сейчас вспомнит – кто он? Между вами поле суспензорной защиты, но оно не сдержит ненависти. Я уже сказал и повторю еще раз – все, кого вы оплакали и похоронили на протяжении последних десяти лет, находятся сейчас в системе Норман. У них другие тела, но прежние души, те же разум и память. Они ваши дети, братья, сестры. Мы можем освободить их от воздействия имплантированных модулей, как освобождены присутствующие тут киберхаги – простите, что пользуюсь именно этим термином, но, прислушиваясь к себе, каждый должен найти ответ на вопрос: кем он ощущает себя сейчас – биологической машиной или человеком. Вам будет нелегко.

– Откуда ты знаешь, каково нам?! – неожиданно выкрикнула молодая девушка-киберхаг, напряженно слушавшая Немершева. – Откуда тебе, инопланетник, может быть понятно наше горе, наша ненависть к нелюдям?!.

Она внезапно осеклась, побледнела, потом медленно обернулась, посмотрев на незнакомых ей людей, стоявших за спиной.

Нелюдей...

А кем была теперь она?

Знакомое безумие на миг помутило рассудок, кулаки сжались, взгляд заледенел и вдруг...

Расталкивая толпу киберхагов, к ней, инстинктивно отступившей на несколько шагов, рванулся мужчина средних лет.

– Не подходи!

Вадим внезапно узнал в этом голосе знакомые чуть визгливые нотки и с содроганием понял, что перед ним... Хельга!..

– Я сказала – не подходи ко мне!!!

Мужчина остановился.

И люди, и киберхаги смотрели на него в предельном, невыносимом напряжении.

– Мама... Это же я... Дункан!.. Неужели ты не узнаешь меня?!..

Хельга без сил закрыла глаза. Ее тело сотрясала крупная дрожь.

Она молчала. Потом так же, не проронив ни звука, рухнула на пол, потеряв сознание.

– Снимите защиту! – выкрикнул Вадим, первым бросаясь вперед.

Он не думал в эти мгновения о риске. Говорить что-то еще уже не было смысла, все поведала короткая, *невыносимая*сцена.

– Да помогите же ей!

Первыми к потерявшему сознание киберхагу бросились несколько человек из числа выживших колонистов.

– Пропустите, я медик!

Вадима окружил водоворот тел, которых сейчас объединила не застарелая ненависть, а внезапно очнувшееся сострадание, такое острое, кричащее, что могло разрезать души, обнажая тлеющие в их глубинах искры *человечности.*

Он стоял среди смешавшихся людей и киберхагов, окаменев от медленно захлестывающего рассудок безумия. Где-то должен был наступить предел, и он бы наступил, не окажись рядом Лори и Кирилла.

Они поддержали пошатнувшегося Вадима, вывели его из толчеи, усадили в кресло.

* * *

Минут через пятнадцать к нему подошел Дункан.

Кирилл посторонился, пропуская его, Лори же мгновенно напряглась, готовая к любому обороту событий.

Дункан переминался с ноги на ногу, видимо, не зная, с чего начать.

– Говори, раз подошел, – сзади внезапно возникла фигура Эльзы, которая так же была начеку, понимая, что ситуация еще не разрешилась окончательно, и взрыв неконтролируемых эмоций возможен в любой момент.

– Вадим Петрович... – Дункан внезапно присел на корточки, чтобы не возвышаться над креслом, в котором сидел по-прежнему смертельно бледный Немершев. – Я хотел сказать... Я действительно узнал маму... Ее голос не изменился. Я почувствовал, что она где-то рядом, а потом услышал... Это было страшно...

– Да, страшно. Но с этим придется жить. Нам всем придется заново узнавать друг друга.

– Понимаю, – голос Дункана вдруг осип. – Не за этим подошел. Наши импланты. Мы по-прежнему слышим мысли друг друга.

– Это временно. Будет установлена блокировка.

– Да, понимаю. Но сейчас, пока мы еще ощущаем мысли... Я пришел сказать, что вы можете рассчитывать на нас. На всех. И на людей тоже. На Нормане наши родные. Теперь в этом уже нет никаких сомнений.

– И что? – Вадим находился в страшном и странном для него состоянии, будто четверть часа назад внезапная вспышка сожгла что-то важное в его душе. – Что дальше?

– Мы полетим туда. Не мстить. Спасти их... Прошу, не оставляйте нас сейчас!..

– Не оставлю, – на бледных щеках Немершева внезапно появились пунцовые пятна. – Но вы должны поклясться, что не ослушаетесь приказов, пойдете до конца, иначе все потеряет смысл. Стычки на Саргоне, даже вчерашняя ночь – ничто перед предстоящей схваткой.

– Мы знаем это.

Вадим встал.

Он не понимал, умерла ли его душа или возродилась?

Только встревоженный взгляд Лори да рука Кирилла, дружески поддержавшая его, помогали прожить этот миг, чтобы идти дальше.

До конца.

* * *

Саргон. Сутки спустя...

– Соул, ты много раз бывал на Нормане?

– Не помню. Лет пять уже торгую с ними.

– Можешь передать навигационные данные?

– Да, без проблем. Скажу тебе, Вадим, – это довольно неуютный мир.

Молодой и слишком «горячий». Единственная хорошо знакомая мне посадочная площадка находится вот тут. – Соул активировал кибстек[28], вызвав карту полушарий планеты. – Вот, можешь скопировать. Здесь, – он указал горный массив, пересекающий меньший из двух материков планеты, – на плоскогорье тоже имеются посадочные площадки. Под ними, вероятно, бункерная зона. Людей там немного. Где-то поблизости расположены производства, выпускающие андроидов. Думаю, место выбрано из-за обилия полезных ископаемых.

– А военные базы? – поинтересовался Вадим.

– Я их не видел. Ходят разные слухи, но врать не стану. Не видел, – повторил Соул.

– Ладно. Спасибо и на этом.

– Не расскажешь, что задумал?

– Извини, не могу.

– Ну, как знаешь. Что-то ты уже не больно похож на торговца, – Соул подмигнул Немершеву. – Ладно, надеюсь, еще увидимся.

– Удачи тебе. И почаще заглядывай на Саргон.

– А что так?

– Торговля тут будет хорошая. Но уже не оружием.

– А чем? Намекни?

– Колонисты собираются восстановить Цоколь и продолжить строительство города. Вот и подумай. А еще потребуется аппаратура по программе «Генезис». Может, слышал, как на Кьюиге?

– Поддержание генофонда?

– Соображаешь.

– Спасибо за намек. Учту, – Соул выключил кибстек и протянул Немершеву руку. – Ну, до встречи?

– До встречи...

* * *

Совещание состоялось вечером того же дня.

Первым докладывал Вронин:

– Перезагрузка кибернетических систем «Нибелунгов» завершена. Все подсистемы переведены в полуавтоматический режим, чтобы ими было невозможно манипулировать дистанционно. Десантные группы сформированы, оружие и экипировка розданы. Короче, к старту все готово. Вопрос в том, как будем действовать?

– Жесткую зачистку мы себе позволить не можем, – ответил Вадим. – Неизвестно, где расположены криогенные залы со спящими людьми,

поэтому «слепые» массированные удары по площадям исключаются. Схема действий в отсутствии навигационных и разведывательных данных будет проста: три «Х-страйкера» оснащены самыми современными сканирующими комплексами. Они войдут в атмосферу Нормана и начнут разведку боем. Когда мы обнаружим точное местоположение базы и получим данные по размерам и структуре бункерной зоны, в дело вступят штурмовые носители. Наши главные козыри – это внезапность и техническое превосходство «Х-страйкеров» над аналогичными образцами техники времен Галактической войны.

– Кто поведет машины на разведку базы? – спросил Доргаев, отказавшийся покидать Саргон.

– Я, Лори и Эльза, – ответил Вадим. – Это не обсуждается, мы уже полностью загрузили через импланты виртуальные обучающие модули и через пару часов будем готовы управлять «Х-страйкерами». Общее руководство операцией возлагаю на Кирилла Вронина. Штурмовые десантные группы внутрь бункерной зоны поведешь ты, Глеб. Справишься?

– Ты о моих царапинах? Справлюсь.

– Командирами штурмовых взводов назначаются люди Вронина.

– Какая роль отводится «Нибелунгам»? Кроме высадки десанта, разумеется? – уточнил Кирилл.

– Зачистка зон высадки, взлом проходов для десантных групп. Все, что будет обнаружено на поверхности, включая структуры навигации и связи, – уничтожать без колебаний. Планета для колонизации непригодна, так что можно не церемониться. Главное – точно рассчитывать мощность плазменных зарядов, чтобы не разрушить межуровневые перекрытия самой базы.

– В принципе, все понятно. Когда начинаем?

– Восемь часов на отдых личному составу. Андроиды продолжают отладку систем штурмовых носителей. Еще вопросы есть?

– Как быть, если при штурме мы встретим киберхагов? – спросил Дункан, принимавший участие в совещании.

– Не стрелять, – лаконично ответил Немершев. – Мы будем посылать терминирующий код с борта «Х-страйкеров» каждые пять минут. На всякий случай соответствующая командная последовательность будет скопирована в передатчики боевых систем связи каждого бойца.

Больше вопросов не последовало.

– Все. Всем отдыхать. Общее построение через семь часов.

* * *

Планета Норман.

Три века спустя после капитуляции Альянса...

Пятнадцать штурмовых носителей класса «Нибелунг» осуществили всплытие из глубин гиперсферы в районе высоких околопланетных орбит.

Следом, с небольшой задержкой в пространстве трехмерного континуума, материализовались три «Х-страйкера».

Канал командной частоты передавал доклады пилотов:

– «Ноль-один», на связи. Завершил обратный переход, – раздался в коммуникаторах голос Немершева.

– «Ноль-два», пошла телеметрия данных. Начинаю перестроение. – Лори старалась докладывать спокойно, буднично, но не получилось, Вадим ощутил, как сильно она напряжена.

– «Ноль-три», иду в оси курса, – голос Эльзы, напротив, не нес эмоций. Она как будто отрешилась от всего, что тревожило душу, погрузившись в прошлое, то самое прошлое, что уже давно стало историей.

– На связи командный. Все носители заняли точки орбит, мы готовы к приему данных.

Был ли смысл соблюдать радиотишину, скрывать натянутые до предела нервы под сухими кодовыми фразами?

Нет. Их главным козырем оставалась стремительность, помноженная на опыт десятков планетарных зачисток.

Галакткапитан Вронин принял на себя тяжелое бремя. Он командовал операцией и, следовательно, должен сохранять абсолютное спокойствие. Очевидное неравенство сил требовало от него забыть все личное, понять – они сами сделали выбор, решили пройти испытание огнем, с тем чтобы никто не мог более сказать киберхагам в лицо или в спину – *вы не люди*.

Как жестока порой бывает жизнь. Ну какое дело жителям десятков планет Конфедерации до горстки существ, переживших насильственную трансформацию тел, но не души?

Оказывается, есть дело. Если не обывателям, то политикам, и Кирилл не мог спорить с Вадимом, когда тот сказал:

– Так надо, капитан. Если Норман будет зачищен Конфедерацией, нам не останется места в Обитаемой Галактике. Я не хочу доказывать в Совете Безопасности, что я человек. Выход один – мы сами должны разрубить этот узел проблем. Если мы пришли из прошлого, то мы и покончим с ним.

Мог ли Кирилл возразить?

Конечно, мог. Имелось множество аргументов, указывающих на

неоправданно высокую степень риска, и в то же время отнимающих само право на поступок.

Если бы он разговаривал не с Вадимом, а с кем-то другим, то расценил бы план вторжения в систему Норман как шаг отчаяния, изощренный способ самоубийства, но капитан Немершев был для него на протяжении многих лет не просто командиром.

Вронин машинально поправил коммуникатор. Древняя техника не причиняла ему неудобств, ее простота и надежность, доведенная до абсолюта той страшной войной, сейчас работала на них, гарантируя, что уникальный боевой опыт, полученный за пять лет службы в спецподразделении, будет реализован максимально точно и эффективно.

Пятнадцать штурмовых носителей являлись ударной силой, которую сложно остановить. На борту не было серв-машин, но люди, чье сознание оказалось перемещено в искусственные тела и дополнено системами боевого сканирования, превосходили по своим качествам любой кибернетический механизм, – помимо физических возможностей у каждого из них была *воля к победе*.

Кирилл не завидовал им, но уважал то мужество, с которым мужчины и женщины, без скидок на пол и возраст, боролись за целостность своего «я», вступали в смертельную схватку с собственным сознанием, чтобы либо сойти с ума, либо принять свою новую сущность.

Они уже прошли через чистилище, и теперь на орбиты Нормана их привело не безумие, не жажда мести, а жизненная необходимость поставить точку, найти и уничтожить ту силу, что дергала за ниточки их судеб, пытаясь превратить в марионеток.

Кирилл не мог оспорить их право на осознанный выбор.

Не мог. И в этом заключался его личный поступок.

– Тактическим модулям носителей, доложить готовность к приему данных. Боевые посты – готовность. Генераторы плазмы в режим накопления энергии. Ракетные шахты нижних полусфер – режим полуавтоматического запуска. Напоминаю, осуществлять полный контроль над действиями кибермеханизмов. Быть готовыми в любой момент принять ручное управление. Команды могут запаздывать за развитием ситуации. Инициатива не возбраняется, помните лишь одно: принимать тактические решения, исключительно исходя из информации, полученной от пилотов разведывательного звена. Иные данные подвергать сомнению.

* * *

Три «Х-страйкера» стремительно скользили на фоне серой

облачности, плотно укутывающей шар планеты. Под облаками скрывался неведомый, загадочный и зловещий мир.

Разведка боем.

Вадим старался, но не мог полностью отрешиться от эмоций. Он ощущал слияние с машиной, но все же между ним и кибернетическими системами «Х-страйкера», вобравшего в себя весь опыт глобальных и локальных войн, звенела напряженная струнка отчуждения.

Слишком многое поставлено на карту, чтобы полностью довериться кибернетической системе.

– Лори?

– Да, Вадим?

– Я хочу, чтобы ты запомнила: чудес в бою не бывает.

– Знаю.

– Откуда?

– Помню. Ты же знаешь предел технологий Альянса. Прежде чем личность может быть имплантирована, ее нужно записать.

Вадим промолчал. Да, Лори права, во время войны подобное действие имело лишь одно техническое решение – разум пилота должен быть прочитан и оцифрован модулем «Одиночка». Такие приборы, как мыслесканер Джедиана Ланге, были созданы намного позже. Значит, она воевала...

– И все же будь осторожна. Третьего шанса судьба не даст.

* * *

– Первый – командному: зафиксировал спутниковую группировку. Передаю координаты целей.

Право на поступок. Не обманывали ли они себя, подменяя понятия? Быть может, это всего лишь право на достойную смерть?

Может быть. – Эльза не так скупо и однозначно трактовала события. У нее, к сожалению, не нашлось той частицы тепла, которая согревала души Вадима и Лори, даруя им надежду и смысл. А что есть у нее?

Горячечные, полные травматизма воспоминания прошлого? Ее разум еще до гибели был истощен постоянным нейросенсорным контактом с кибернетической системой серв-машины, дни сливались в кровавые будни, жизнь замерла, душа спряталась, не сумев вынести напряжения боев.

Что изменилось сейчас, спустя три столетия?

Либо ты, либо тебя. Неужели все настолько неизменно, незыблемо? На что в действительности надеялись Вадим и Лори?

Хотелось бы спросить, но Эльза не решалась.

Хотя за минуту до входа в атмосферу неведомого мира она, пожалуй, могла получить честный, исчерпывающий ответ.

...Впереди, прямо по курсу, мелькнуло несколько вспышек – это тактические ракеты класса «космос—космос», выпущенные с борта штурмовых носителей, уничтожили обнаруженную группировку спутников.

Два контрольных витка.

Орбиты Нормана чисты.

Эльза представила, как пухлый шар планеты качнется навстречу обзорным экранам, и ей вдруг стало тоскливо, – однажды она уже пережила подобное, падая вместе с обломками подбитого «Нибелунга» навстречу... новой, негаданной жизни.

К фрайгу воспоминания! Того времени нет. Оно – лишь страницы учебников истории...

Слабое утешение. Последние несколько минут Эльзу преследовало ощущение рока, неизбежности, предопределенности событий.

Возможно, она понимала, что черствость ее души, весь здоровый цинизм – лишь скорлупа, за которой она пыталась спрятаться от настоящего, а на самом деле уже через несколько минут ей, вероятно, придется выбирать между единственной подругой, ее любимым и собой.

Да. Именно это предчувствие тоскливо комкало душу.

Неизбежность. Или она нарочно готовила себя, *формируя*предопределенность, чтобы не дрогнула рука, когда придется делать выбор.

Одиночество.

Безграничная, бездонная чернь пространства...

Тихо прошелестел несущей частотой включившийся коммуникатор.

– Эльза?

Она не поверила – на связь вышел Вронин.

– Да, Кирилл?

– Я хотел сказать... береги себя.

Ей вдруг стало жарко. Реальность на миг подернулась дымкой, словно произошел мгновенный сбой в локационной системе, при помощи которой Эльза видела мир.

Он же человек... Ему незачем говорить мне такие слова. Он живой, и ему... не нужно ценой собственной гибели доказывать право быть самим собой.

Кирилл...

Она молчала, не в силах ответить ему.

– Не забывай о сенсоре катапультирования, – прорвался в сознание его голос. – Мир не такой, как ты привыкла считать. Все изменилось. Ты больше не расходный материал, не винтик военной машины, не фрагмент эксперимента.

Зачем? Зачем он вышел на связь, зачем разрушил фатальное течение ее мыслей? Неужели он не понимает, что разведка боем – это практически гарантированная смерть?

Они сознательно шли на запредельный риск, чтобы дать остальным возможность действовать, взять эту проклятую планету, схватить за горло тех, кто пытался дергать за ниточки их судеб...

– Доверься Вадиму. Он никогда не был самоубийцей. Поверь, я воевал с ним пять лет бок о бок. Просто не думай о смерти. Ты сильнее.

Возникший в душе надрыв стал невыносим. Эльзе казалось: все, она теперь точно не выйдет из боя, потому что в словах Кирилла она услышала то тепло, которого не было в ее собственной душе.

* * *

Вронин и сам не до конца понимал, что с ним творится.

По всем канонам он должен был молчать. Стиснуть зубы и молчать.

Молчать? А как в таком случае жить? Далеко не все в этом мире подчиняется логике, целесообразности, иначе человек перестает быть самим собой, превращаясь в скверное подобие исполнительной машины.

Эльза не ответила ему. Лишь в коммуникаторе некоторое время было слышно ее участившееся дыхание, а затем...

Чуть хрипловатый голос Немершева ворвался на несущую частоту коротким приказом:

– Синхронизируем двигатели. Начало маневра по моему сигналу.

Еще через несколько мгновений три «Х-страйкера» резко провалились вниз, переходя в режим турбореактивной тяги.

Глава 13

Норман. Бункерная зона.

За десять лет до текущих событий...

В век высочайших технологий сильные мира сего уже не уходят со сцены истории.

Первая Галактическая война, развязанная Джоном Уинстоном Хаммером, придала невиданный импульс развитию механики, кибернетики, физики, биологии, – в период противостояния Земли и Колоний было совершено множество великих открытий, созданы образцы техники, на столетия опередившей свое время, колонизированы десятки новых планет, найдены многие поселения эпохи Первого Рывка.

Прогресс развития цивилизации достиг невиданных высот... однако большинство перечисленных открытий было брошено на алтарь войны, служило узким интересам текущего момента, использовалось без оглядки на этику.

Официально Джон Хаммер умер в 2623 году и был похоронен на Луне.

Обелиск и специальная капсула с прахом кремированного главы Всемирного Правительства до сих пор находятся в одном из залов бывшего главного штаба флота.

У Джона Хаммера не осталось наследников, а при его кремации присутствовал только Александр Нагумо – личность не менее одиозная, чем он сам.

Адмирал Нагумо командовал объединенными военно-космическими силами Альянса вплоть до 2630 года. Именно он являлся главным инициатором строительства так называемого «Внешнего Кольца», включающего в свой состав несколько десятков секретных военных баз, расположенных вне зоны обитаемого космоса.

Где, как и когда скончался адмирал, никто не знает. История не сохранила ни единого документа по этому поводу.

Все ли объекты секретной инфраструктуры баз флота были ориентированы на войну?

Сомнительно, учитывая то, что после подписания капитуляции Альянса рецидивы возникали, в основном, в зоне так называемой «Линии Хаммера» – последнего рубежа обороны на пути к Земле. Планеты, блокированные силами Флота Колоний, пришлось закрыть на бессрочный

карантин, их переполняла боевая техника, оснащенная модулями искусственного интеллекта, и количество рецидивов, попыток механизированных соединений вырваться из блокады, с целью выполнения поставленных еще в период войны задач, исчислялось сотнями.

При этом базы «Внешнего Кольца», информация по дислокации которых была уничтожена, хранили таинственное, зловещее молчание.

Что за процессы протекают на их просторах, оставалось только гадать...

* * *

Два терминала в глухой тиши бункерной зоны.

Трепетный свет контрольных индикаторов едва разгоняет мрак, стынет бликами на облицовке из черного пластика, отражается прихотливым узором искр в установленных один над другим десятках кристалломодулей.

Казалось, здесь нет и никогда не было жизни.

Хотя кто может поручиться в наш век, что жизнь прекращается вместе с последним ударом сердца?

Это не так. Зачастую не так, и подтверждением тому служили два сознания, размещенные на десятках кристалломодулей, собранных в единые схемы.

Достаточно, чтобы мыслить, но не более. Ощущение затянувшегося, лишенного смысла существования в отсутствие чувств и внешних раздражителей, – хуже, чем пытка.

Когда-то одно из этих сознаний соединялось с модулями виртуальной реальности, но статичный виртуальный мирок приелся, он не нес ничего, кроме раздражения, – сколько еще десятилетий или веков можно тешить себя иллюзией, если ты не способен изменить даже малость?

Два сознания попали в ловушку.

Они не могли изменить данность, потому что не знали, как это сделать. При жизни в их распоряжении было все, любое желание или прихоть исполнялись, если не мгновенно, то в самые сжатые сроки, но задумывались ли власть предержащие, сколько профессиональных специалистов трудилось во исполнение их воли?

Ставка на машины оказалась ошибочной. Кибернетическими системами нужно управлять, особенно когда речь идет не о стандартных функциях машин, а об исследованиях.

Пытливый разум человека, при поддержке специальных программ и множества разнопрофильных кибермеханизмов, вне сомнения, способен

справиться с любыми, самыми сложными исследовательскими задачами при одном условии – у такого рассудка должна сохраниться прижизненная привычка к творческой мысли.

Они же умели командовать, являлись прожженными политиками, прошли суровую школу власти, могли сплести либо распутать любую интригу, распоряжаться флотами, поддерживать экономику планет, принимать решения, влияющие на жизнь миллиардов людей, но как оказалось – этого мало. Ни один, ни другой никогда не вникали в тонкости исследовательских или технологических процессов – при жизни на это не оставалось ни времени, ни желания, а «после смерти» наверстывать упущенное было поздно.

Они все реже общались друг с другом, хотя два компьютерных терминала имели многократно дублированные каналы взаимного обмена данными.

Джон Уинстон Хаммер и адмирал Александр Нагумо.

Кто мог предположить, что они вознамерятся обмануть время в надежде восстать из мертвых, когда их имена, преданные проклятию, потеряют кричащую остроту звучания, станут для новых поколений не более чем набором байт в электронных справочниках или учебниках истории.

Первым «тишину» нарушил Джон Хаммер.

– Нужно поговорить.

– Слушаю, – безэмоционально откликнулся Нагумо.

– Хочу извиниться. В последний раз наше общение завершилось весьма печально.

– Упреки были справедливы. Положение действительно незавидное, и я не вижу выхода из тупика.

– Может, попробуем сначала? В конце концов, при жизни мы справлялись и не с такими проблемами.

– Опасное заблуждение, Джон. Я признаю, что допустил ошибку в погоне за секретностью, меньше всего мне хотелось, чтобы рядом с нами продолжал существовать «человеческий фактор» с его непредсказуемостью, но машины, следует признать, не справились с задачами научного поиска.

– Не думаю, что все так плохо, – возразил ему Хаммер. – Я тут предпринял некоторые шаги. Существует реальная опасность, что нас найдут.

Последнее утверждение не оставило Нагумо равнодушным.

– Даже так? Что же произошло во внешнем мире? Проект «Киберхаг»

так и не сдвинулся с мертвой точки, а в границах системы Норман пока что не появлялись неизвестные нам космические корабли. Откуда такие мрачные предположения, Джон?

– Из космоса, – скупо ответил Хаммер. – Ты не забыл, что у нас есть связь с планетарными базами, расположенными в радиусе пяти световых лет?

– Если бы я мог что-то забыть, то, наверное, был бы счастлив.

– Ладно, речь не об этом. Пришло известие с Эрихайма. В системе появились корабли некоего Конфедеративного Содружества. Автоматическим станциям слежения удалось перехватить и дешифровать переговоры, прежде чем устройства контроля дальних подступов к планете были сбиты.

– Конфедеративное Содружество? – переспросил Нагумо. – Это какой-то союз планет?

– Глобальный союз, насколько я понял. Фактический преемник Свободных Колоний.

– Скверно. Они ведут активную разведку сектора?

– Да.

– Быстро колонии оправились после войны. Им что, не хватает жизненного пространства? Или они целенаправленно ищут элементы военной инфраструктуры Альянса?

– Скорее последнее. Я наблюдал за ними – действуют грамотно и осмотрительно. Чувствуется опыт: силы, появившиеся в границах Эрихайма, явно специализируются на зачистке планет. Не думаю, что речь идет о жизненных пространствах, скорее они ведут целенаправленную разведку, чтобы избежать возможных рецидивов с участием законсервированной техники Альянса.

– Это означает, что вскоре они могут добраться сюда?

– Не думаю, что скоро, но сам факт появления боевых кораблей говорит, что рано или поздно они обнаружат Норман.

– Джон, ты что-то недоговариваешь.

– Александр, между нами не может быть тайн. Тебе следовало внимательнее следить за происходящими вне виртуальной среды Нормана процессами.

– Я не видел смысла в этом. Мне кажется, что существование на электронном носителе – это пытка.

– Все познается в сравнении. Подумай и ответь: ты хочешь, чтобы у нас исчезли всякие шансы?

– Их и так нет, Джон. Проект «Киберхаг» остановился, машины

способны лишь выращивать искусственные тела и снабжать их микрогенераторами нейронных импульсов, но все опыты по перемещению личности завершились провалом. У нас нет расходного материала для экспериментов. Научно-исследовательские комплексы зашли в тупик. Им не хватает творческого потенциала, чтобы успешно завершить все перспективные стадии эксперимента, без участия подопытных людей. Новая жизнь так же далека от нас, как и много веков назад. Что толку в биомеханических куклах, если нет гарантии успешной инсталляции личности?

– Справедливо, – согласился Хаммер и тут же возразил: – Александр, мы больше не можем позволить себе пребывать в стасисе и уповать, что машины рано или поздно отыщут решение проблемы. Нужно действовать.

– Каким образом?

– Мы должны научиться экспериментировать. К тому же есть рамки нашей с тобой компетенции, как направляющей силы: мы в состоянии эффективно командовать боевыми соединениями, можем организовывать сложные по замыслу операции.

– Что конкретно ты предлагаешь?

– Для начала мне потребуется твоя помощь, чтобы отразить вторжение в систему Эрихайма. Это задача-минимум. Не думаю, что Конфедерация настолько сильна, чтобы раз за разом терять боевые корабли на подступах к заурядной военной базе. Ее, в худшем случае, блокируют, запретив посещение системы на добрый десяток лет. Это остановит исследование потенциально опасной области пространства и даст нам время для дальнейших шагов в области экспериментов по проекту «Киберхаг».

– Почему ты так озабочен Эрихаймом, Джон?

– А разве не ты сетовал, что последние экспериментальные образцы по проекту отправлены из Земных лабораторий на склады консервационных хранилищ Эрихайма? Мне лично совершенно не хочется, чтобы их нашли. Поэтому планету нужно отстоять, а образцы при возможности уничтожить.

– Согласен. Я помогу тебе. Насколько устойчива связь с исполнительными системами базы Эрихайм?

– В нашем распоряжении три независимых плавающих канала гиперсферных частот. Ретрансляторы сигнала расположены на окраине системы, и найти их будет сложно. Скоординировав действия машин, мы уничтожим десант.

– Вне сомнения. Но что станем делать дальше? Я не представляю, как

сдвинуть проект с мертвой точки. Ни тебя, ни меня не устроят искусственные тела, не прошедшие всех испытаний, к тому же нам неизвестно, как повлияет отключение контроллеров. Затем существует еще одна опасность – допустим, мы сможем скопировать наши личности на искусственный носитель, и что дальше? Появится еще один Джон Хаммер вместе с Александром Нагумо, наши копии с непредсказуемой линией поведения? Меня не устраивает появление двойника. Если идти на риск, то нужно, чтобы этот риск был оправдан, а в результате появилась бы не копия, а *перемещенное*сознание.

– Именно эти вопросы я и собираюсь решать после устранения угрозы Эрихайму. В сфере нашего контроля есть потерянная колония, Саргон, если ты помнишь. Почему бы не начать эксперименты там? Мы можем расконсервировать часть «Нибелунгов» и начать торговлю с колонистами.

– Торговлю? Что же мы станем продавать?

– Андроидов. Боевых андроидов, замаскированных под хорошо известную колонистам бытовую модель «Хьюго». Таким образом, мы создадим на планете пятую колонну, которая в любой момент по внешнему приказу сможет захватить власть в колонии. Но это крайний случай.

Ты только что сетовал: у машин нет расходного материала для опытов по перемещению сознания. Мы сдвинем проект с мертвой точки следующим образом: отправим в систему Саргона смешанные группы из андроидов и искусственных людей. Пусть организуют полевые лаборатории в труднодоступных местах, отлавливают аборигенов и ставят свои опыты, накапливают статистику перемещения сознаний. Этим мы добьемся сразу двух результатов: во-первых, получим необходимый прогресс в исследованиях, во-вторых, при успехе операций трансляции личностей в нашем распоряжении окажется достаточно искусственных людей, которыми мы сможем подменить фактическое население колонии. При полной реализации моего плана могу гарантировать, что через несколько лет мы с тобой получим новые тела, а вместе с ними и чистую биографию.

– Мы станем жителями Саргона? – догадался Нагумо.

– Это будет идеальным вариантом. Нас, как потомков колонистов, никто не станет подвергать тщательной проверке. Планетные суверенитеты – это то, за что сражался Флот Колоний.

– Звучит заманчиво. И выполнимо, – после некоторой паузы признал Нагумо. – Я готов поддержать тебя, Джон, во всех начинаниях. Иначе бездействие окончательно добьет нас.

* * *

Их план относительно Эрихайма был осуществлен лишь частично.

Под руководством Нагумо и Хаммера машинам, обороняющим планету, действительно удалось сорвать высадку десантных подразделений, которые были вынуждены эвакуироваться, едва переступив порог бункерных зон.

ВКС Конфедерации потерпели поражение, но, прежде чем покинуть систему, они нашли и уничтожили ретрансляторы гиперсферных частот.

Лишившись связи, Хаммер и Нагумо не смогли далее руководить действиями машин, и состоявшаяся на следующие сутки повторная высадка прошла более успешно – две бункерные зоны были уничтожены, а перед этим с поверхности планеты стартовало несколько транспортов с трофейными вооружениями и механизмами.

Среди них был трехметровый контейнер непонятного предназначения.

В контейнере был обнаружен погруженный в низкотемпературный сон искусственный человек, у которого произошел сбой в работе генераторов нейронных импульсов.

Он не помнил своего прошлого, но и не находился под прессингом боевых программ.

Удалось установить только имя и воинское звание «донора»: им оказался капитан Вадим Немершев, бывший командир десантного батальона ВКС Альянса.

Судьба, в лице военных медиков Конфедерации Солнц, подарила ему вторую жизнь, с тем чтобы спустя десять лет он возглавил окончательную зачистку Эрихайма.

Джон Хаммер и Александр Нагумо ничего не знали об этом. Они осуществляли намеченный план вторжения в систему Саргон, успешно продвигали эксперименты по перемещению сознаний, даже начали торговать с отчаянными пилотами Окраины, рискнувшими проникать в неисследованные области пространства.

Получаемые от торговцев сведения становились все более тревожными, экспансия человечества подбиралась все ближе к Норману и Саргону.

Тянуть дальше было бессмысленно. Нагумо и Хаммер уже подготовили *собственные тела*, но перемещение сознаний еще не началось – они ждали известий от группы штурмовых носителей, отправленных на захват соседней планеты. Получить новую жизнь и оказаться заложниками Нормана им не хотелось. Оба привыкли действовать наверняка, не

полагаясь на случайность.

* * *

Система Норман. Настоящее...

– «Нибелунги» возвращаются.

– У них не было приказа на возвращение, – заметил Нагумо.

Ни один, ни другой по-прежнему не могли испытывать эмоции.

– Наш план провалился. Предстоит оборона Нормана.

– Я готов, – отозвался адмирал. – Полтора десятка «Нибелунгов» не смогут прорвать планетарную оборону. Дадим им возможность войти в атмосферу и уничтожим, когда они перейдут в режим низкого маневрирования.

– Согласен. Но после нам придется начать перемещение сознаний и срочно покидать Норман.

– Да, оставаться здесь уже нельзя. Я передал приказ кибернетическим системам планетарной обороны, чтобы не проявляли активности, пока штурмовые носители не войдут в зоны стопроцентного поражения. Что будем делать с накопленными киберхагами, Джон?

– Подготовим криогенные залы к подрыву, – ответил Хаммер. – Если операция на Саргоне провалилась, киберхаги нам не нужны. После перемещения наших сознаний уничтожим все свидетельства проекта.

– Хорошо. Я отдам приказ андроидам: минировать лаборатории и каждую камеру низкотемпературного сна. Таймеры мы активируем сами.

* * *

Мощные пласты облачности разлетелись рваными полосами перистых облаков, и три машины ворвались в тонкую прослойку между поверхностью планеты и низкими, давящими небесами.

Реальность Нормана удивительно напоминала ландшафты древней Земли, когда на прародине человечества только зарождалась жизнь.

Группа извергающихся у горизонта вулканов окрашивала серые краски полудня в багряные тона, из темных свинцовых туч хлестал ливень, лавовые равнины истекали паром, повсюду виднелись следы недавних извержений, молодые горы вздымались острыми пиками, новорожденные океаны кипели, беспрестанные разряды молний рвали сумрак ветвистыми вспышками.

– Внимание, начинаем разведку. Двигаемся на минимальной высоте.

– Это не наш случай, командир. – Эльза все же сумела справиться с внезапно всколыхнувшимися в душе чувствами и сейчас говорила с

понятным напряжением текущего момента. – Базу не станут возводить среди молодых вулканических гор. Нужно искать равнину. Ты силен в геологии?

– Понял тебя. Геологию и планетографию зубрил не за страх, а за совесть. Участки планетарной коры в разных районах имеют различный геологический возраст. Начинаем облет территорий. Возможно, предстоит совершить несколько витков в режиме атмосферного полета.

– Мы ищем сформировавшуюся материковую плиту? – вступила в диалог Лори.

– Да. Эльза абсолютно права – база, простоявшая триста лет, должна располагаться в сейсмоустойчивом районе.

– Странно, что в системах «Нибелунгов» мы так и не нашли подробных карт поверхности Нормана.

– Ничего странного, – ответил Немершев, разворачивая «Х-страйкер» на новый курс. – Те, кто обосновался тут, обладают не только человеческим сознанием, но и огромным опытом боевых действий. Если бы нашими противниками были машины, мы, без сомнения, обнаружили бы в навигационных блоках штурмовых носителей данные для безопасного снижения и выхода в зону посадки.

– Они не люди, Вадим, – внезапно произнесла Лори.

– А кто?

– Не хочу оскорблять животных. У меня нет подходящего эпитета для этих тварей, пусть они когда-то и были людьми.

– Спокойнее. Держи себя в руках. Ярость – не лучший помощник в бою, – сухо откликнулся Вадим.

* * *

После первого витка они вышли к обширному материку, со всех сторон окруженному первобытным океаном.

– Расходимся – Немершев только что передал данные, собранные во время витка, на орбиту. – База наверняка имеет отличную маскировку, иначе мы бы уже обнаружили ее. Придется обшаривать сканерами каждый квадратный километр.

– Ты заметил – нам не противодействуют?

– Заметил. Но это не значит, что нас не видят. Скорее всего присматриваются.

– Значит, ты был прав, командир. – Эльзе казалось, что она сумела полностью совладать с внезапной вспышкой чувств, и теперь подчеркнуто сухо обращалась к Вадиму, настраивая себя на деловой тон. – Машины

неспособны на проявление осторожности и терпения. Они видят цель и начинают действовать.

– Держим дистанцию в пять километров. Начинаем сканирование. Курс по спирали от центра материка.

Спустя час, когда штурмовые носители вышли в зону низких орбит, стало ясно: ситуация складывается патовая. Планета не реагировала на появление разведывательных кораблей, горячая равнина хранила свои тайны, из-за повышенного температурного фона и обилия металлов в вулканических породах сканеры «Х-страйкеров» не смогли обнаружить ничего, кроме нескольких засыпанных вулканическим пеплом древних шахт. Возможно, в прошлом они принадлежали к инфраструктуре военной базы, но уже давно не использовались.

– Кирилл, мы полностью прочесали материк. База под нами, уверен, но огневые точки молчат.

– Они рассчитывают на нашу неосмотрительность, Вадим. Ждут, что мы поведем «Нибелунги» на высадку десанта. Я поднял материалы по первой зачистке Эрихайма. Там было то же самое. Машины кто-то заставил ждать, пока десантно-штурмовые модули не вошли в сектора стопроцентного поражения. Знакомый почерк.

– У меня есть план, – неожиданно ответил Немершев. – Я знаком с материалами по первой высадке на Эрихайм. Изучил их перед нашей последней операцией.

– И что предлагаешь?

– Я ожидал встретить нечто подобное. И потому попросил Соула переоснастить «Х-страйкеры». Будь готов работать по целям. Большего по связи не скажу. Не подведи, Кирилл.

Переключившись на командную частоту звена, Вадим сухо произнес:

– Передаю данные дальнейшего курса. Следовать инструкциям неукоснительно.

Эльза недоуменно смотрела на тактический монитор. Руки уже положили «Х-страйкер» на новый курс, уводящий к океану. Три машины расходились по разным направлениям, с тем чтобы развернуться и ринуться навстречу друг другу. Она не вполне понимала, что задумал Вадим. В днище многофункциональных машин имелись бомболюки, предназначенные для сброса двух десятков стокилограммовых тактических боеприпасов. С учетом рассеивания, даже при пиковой скорости машин, падающие бомбы не затронут и сотой части площади материка. Это даже не укус, а так... насмешка.

Впереди показалась курящаяся испарениями, волнующаяся

поверхность первобытного океана.

Она развернула машину, ложась на атакующий курс, при этом расчетная высота составила пять тысяч метров – минимально допустимый предел для сброса тяжелых боеприпасов с ядерной начинкой.

«Х-страйкер» начал набирать заданную скорость, перегрузка росла, первую сотню километров от кромки прибоя Эльза миновала меньше чем за три минуты, и в следующий миг сработал таймер сброса автоматики бомболюка.

Выдерживая курс, она взглянула на сканеры и в первый миг не поверила своим глазам: по данным приборов, от днища «Х-страйкера» одна за другой отделялись килотонные боевые части – они падали по пологой баллистической траектории, зона тотального поражения начиналась в пятистах километрах от побережья и тянулась к центру материка, где три «Х-страйкера» должны были разминуться на встречных курсах.

Проклятье... Что же это?! В бомболюках не может поместиться такое количество зарядов!

Но тем не менее они продолжали отделяться от днища машины, создавая на сканерах полную иллюзию ковровой ядерной бомбардировки.

Маленькие цилиндрические устройства, разработанные корпорацией «Галактические Киберсистемы», имели в своей основе фантом-генератор и открывающуюся емкость с наномашинами.

В результате каждый цилиндр длиной в тридцать сантиметров, окруженный облаком нанопыли, создавал для сканирующих устройств точную копию падающей к поверхности планеты ядерной боеголовки.

* * *

Известно, что у машин нет нервов, но и они в определенных ситуациях подвержены действиям, которые можно определить словом «паника».

Каждый узел планетарной обороны имеет несколько режимов функционирования, самым жестким из которых является полная автономия. Это крайняя мера, когда инфраструктура охраняемого объекта вдруг распадается на отдельные очаги сопротивления, которые продолжают противодействие даже при разрушении глобальных сетей управления, поддерживая свою боеспособность до последнего в защищенном автоматическом режиме.

Для активации этой функции должны наступить определенные обстоятельства.

* * *

В тиши бункерной зоны внезапно взвыли глухие и неуместные при полном отсутствии людей ревуны тревоги.

Сотни сканирующих комплексов, непрерывно следящих за маневрами «Х-страйкеров», одновременно выдали сигнал о массированном ядерном ударе, нанесенном с малых высот.

Машины не оценивали возможность или невозможность подобного действия, принципиальной схемы «Х-страйкеров» и их тактико-технических характеристик не было в базах данных древних тактических комплексов планетарной обороны, они, вооруженные устаревшими сенсорами, наблюдали одно и то же, сравнивая тысячи показаний, с каждой долей секунды повышая уровень достоверности полученной информации, приходя к одинаковому выводу: к поверхности Нормана устремились ядерные боезаряды, удар которых неизбежно разрушит глобальную командную сеть.

Предупреждая наступление роковых последствий, автоматически включилась схема защиты: все узлы планетарной обороны в течение нескольких секунд перешли в автономный режим, начиная активное противодействие.

Ни Джон Хаммер, ни адмирал Нагумо попросту не успели предотвратить лавинообразный процесс – Немершев *переиграл*их, до тонкости изучив поведение кибернетических систем в различных боевых ситуациях.

Переиграл, но какой ценой?

Кирилл Вронин увидел, как центр безликой вулканической равнины вдруг содрогнулся, – сотни огневых точек разворачивались в боевое положение, демаскируя свои позиции, автоматика пятнадцати «Нибелунгов» мгновенно фиксировала каждый узел обнаруженной обороны, на таймерах плазмогенераторов уже убегали мгновения обратного отсчета, корпуса штурмовых носителей содрогались от ракетных залпов всех установок нижних полусфер, но для трех многофункциональных истребителей, несущихся по прежним курсам бомбометания, активация системы противокосмической обороны Нормана являлась смертным приговором.

Зачем же ты так сделал, Вадим?!

Горькая мысль, смешанная с яростью и бессилием что-либо изменить, совпала с маршевым ускорением – штурмовые носители, сбросив плазму, устремились вниз навстречу пухлому покрывалу укутывающей планету

облачности...

* * *

И Лори, и Эльза видели, как по вулканической равнине, которой еще не коснулась ни одна из падающих «боеголовок», внезапно прокатилась судорога: стряхивая прах времен, оживали узлы планетарной обороны Нормана, открывались люки пусковых ракетных шахт, ломая корку вулканического туфа, поднимались огромные башенные орудийно-ракетные комплексы, стационарные лазеры, вздымая тучи пыли, распахивались расположенные плашмя ворота, за которыми скрывались подразделения серв-машин.

Кибернетический ад, оживший за доли секунд.

Лори вдруг закричала, Эльза лишь крепче сжала астронавигационные рули, понимая – спасения нет. Пусть первый залп будет направлен не по ним, он поразит падающие боезаряды, но «Х-страйкерам» уже не вырваться из-под прицела мощнейших комплексов противокосмической обороны.

Жить оставалось секунд десять, не больше.

* * *

Вадим ждал.

Он не мог проиграть, бросив навстречу смерти свою *любовь*.

Слишком многое он переосмыслил за последние сутки.

В тот страшный миг запредельного напряжения, когда в коммуникаторе раздался вскрик Лори, он взял управление всеми «Х-страйкерами» на себя.

Три истребителя, мгновенно изменив вектор тяги, вдруг тремя свечами взмыли вверх, оставляя за кормой лазерные лучи и снарядные трассы, выпущенные с использованием точных расчетов курса бомбометания и логики исполнительных машин.

От невероятной, предельной перегрузки сознание троих пилотов на несколько мгновений погасло, но автоматика истребителей, отрабатывая заранее заложенные программы, уже сбросила бронеплиты, закрывающие рубки, и три аварийно-спасательные катапульты синхронно отстрелили пилот-ложементы на границе стратосферы Нормана.

...Лори пришла в себя на пятой секунде после катапультирования.

Ужас предчувствия близкой смерти еще стыл в расширенных зрачках...

Жива...

Она верила Вадиму. Верила до последней секунды, когда чудо уже казалось невозможным.

И вот она падала, ощущая, как автономные двигатели пилот-ложемента отрабатывают импульсами торможения, а внизу покрывало облачности вдруг начало вспухать, скручиваться гигантскими смерчами, рваться, образуя «окна», в которых отчетливо просматривалась поверхность материка, объятая ослепительными вспышками «растекающегося» всепоглощающего пламени, порожденного синхронным залпом тридцати тяжелых генераторов плазмы.

На фоне сминающихся, рвущихся облаков скользили, озаренные частыми вспышками ракетных запусков, силуэты штурмовых носителей.

* * *

Внизу горела земля.

Посадочные опоры лидирующего носителя коснулись поверхности Нормана в сотне метров от огромного провала, в котором полыхали остовы десятка серв-машин.

Второй массированный плазменный удар, произведенный с малых высот, довершил начатое, полностью уничтожив систему планетарной обороны.

Вронин, чувствуя, как по спине катятся крупные градины ледяного пота, следил за высадкой десантных групп.

Из-под днища «Нибелунгов» выскользнули полтора десятка боевых машин космодесанта, и тут же, разделившись на группы, БМК исчезли среди дыма, огня и поднятых ураганным ветром туч пепла.

Их автопилоты ориентировались на аварийные маяки трех снижающихся пилот-ложементов.

Кирилл выдержал еще несколько минут, пока не пришел доклад: «Зона посадки ложементов блокирована, контакт с пилотами установлен».

Они совершили невозможное!..

На экране связи внезапно возникло землистое лицо Вадима, наполовину скрытое маской дыхательного аппарата.

Человек бы не выдержал той перегрузки, с какой «Х-страйкеры» ушли из-под огня, теперь Вронин полностью понимал замысел командира, тщательно продуманный и блестяще исполненный.

Немершев, пошатнувшись, встал с деформированного от удара кресла.

Изображение и звук передавали сенсоры одной из БМК:

– Все в порядке... Кирилл... Мы целы...

* * *

Первыми на нижний уровень бункерной зоны ворвались Хельга и Дункан.

Они внезапно оказались в сумеречном зале, где концентрическими кругами располагались криогенные камеры с тысячами спящих киберхагов.

Здесь ждало своего часа население Саргона: те, кого они давно оплакали, считая погибшими.

В самом центре зала на небольшом возвышении располагались два компьютерных терминала, связанных оптическими кабелями с камерами биологической реконструкции.

Дункан и Хельга подошли ближе.

Несомненно, в недрах двух кибернетических систем шла передача данных, множество индикаторов ритмично вспыхивали, меняя свои узоры на контрольных панелях.

В камерах биологической реконструкции под прозрачными колпаками лежали два тела. Их импланты были соединены с кибернетическими комплексами толстыми шунтами нейросенсорного контакта.

– Это они? – глухо спросил Дункан.

Хельга подошла ближе, поднялась на возвышение и посмотрела на данные, отраженные в оперативных окнах информационных экранов.

«Джон Уинстон Хаммер. Начало перемещения матрицы личности через одну минуту сорок секунд».

«Александр Нагумо. Начало перемещения матрицы личности через одну минуту двадцать две секунды».

Хельга не стала трогать шунты.

– Да, это они. – Ствол модифицированной импульсной винтовки в ее руках резко пошел вверх, и в тиши зала вдруг оглушительно грохнули два выстрела.

Колпаки камер биологической реконструкции брызнули кровавым крошевом пластика.

Она не взглянула в их сторону.

Хельга опустила оружие, понимая, что только что убила двух киберхагов.

Единственных, на кого у нее могла подняться рука в этом зале.

* * *

Лори, прихрамывая, шла через опаленное пространство, по которому неистовый ветер гнал тучи вулканического пепла.

Тихо попискивал навигационный маяк.

Ее рассудок еще не восстановился после всего пережитого. Она чувствовала, что жива, но еще не верила в окончательность событий.

Не верила до тех пор, пока из окружающей мглы не вынырнула боевая машина космодесанта.

БМК резко притормозила, осев на подвеску, и из открывшегося люка спрыгнул Вадим.

Они медленно шли навстречу друг другу, считая шаги и гулкие удары сердец.

Слова были лишними. Она прижалась к нему и долго стояла, впитывая новые ощущения счастья, рожденные посреди горячей, беснующейся бури...

...В двух километрах от них, подле полузарывшегося в вулканический туф пилот-ложемента, притормозила еще одна боевая машина космодесанта, из нее появился Вронин, кинулся к погнутому от удара амортизационному каркасу, но кресло пилота оказалось пустым.

Он обернулся.

В двух шагах от него стояла Эльза.

Ее лицо наполовину скрывала дыхательная маска, но Кирилл вдруг понял – она плачет.

Плачет от счастья.

Он сделал шаг и, поддавшись внезапному порыву, обнял ее.

Эльза не отстранилась, она доверчиво прижалась к Кириллу не в силах унять сотрясающие тело рыдания.

Война наконец отпустила ее...

Эпилог

Матрицы сознания Джона Уинстона Хаммера и адмирала Александра Нагумо были уничтожены по решению Совета Безопасности Миров.

Корпорация «Галактические Киберсистемы» реализовала часть технологий из проекта «Киберхаг» только спустя семьсот лет, использовав их при тиражировании биороботов модели «КОРГ-1202»[29] .

Цивилизация Саргона вошла в состав Конфедерации Солнц. В результате реализации программы «Генезис» новые поколения саргонцев были признаны биологически «чистыми» людьми.

Говорят, что в отдаленных уголках Саргона и сегодня можно встретить ведущие уединенный образ жизни вечные семьи, посвятившие себя исследованиям в области человеческой души...

notes

Примечания

1

«Линия Хаммера» – звездные системы Линии Хаммера являлись опорными пунктами ВКС Альянса, одновременно образуя рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После войны все попытки зачистить планеты от многочисленной боевой техники не принесли результата, и миры были объявлены зоной строгого карантина. Как выяснилось позже, самодостаточные кибернетические системы не только успешно пережили века «забвения», но и инициировали собственную эволюцию, выразившуюся в борьбе за энергетические и иные ресурсы. Крайне опасные миры, враждебные человеку, изобилующие боевой техникой и скрытыми в толще земли военными базами.

2

Битва за Землю была проиграна не машинами, а адмиралом Табановым, который, по сути, спас человечество от полного взаимного истребления. Подробнее см. роман «Омикрон».

3

Суспензорное поле – в отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие установку на космических кораблях специальных электромагнитных улавливателей, предназначенных для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок. После открытия феномена гиперсферы данная технология утратила свою актуальность – изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использования пыли на безвоздушных мирах), попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, возникли различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной и вспомогательный, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

4

«Х-страйкер» – современная разработка Корпораций Окраины. Универсальная машина, способная с одинаковой эффективностью действовать как в космосе, так и в атмосферах планет. Вооружение: четыре орудийно-лазерных комплекса «Ураган», смещенных к корме, расположены симметрично. В носовой части круговая обойма из десяти пусковых тубусов ракет класса «космос-космос», с функцией оперативной автоматической перезарядки. Имеет собственный гипердрайв, турбореакторы для атмосферного полета и выдвигающиеся крылья.

5

Станции ГЧ (гиперсферной частоты) передают информацию через линии напряженности аномалии космоса, при этом трансляция данных происходит практически мгновенно.

6

FKPK – картографическо-разведывательный корабль. Выделяется в особый класс разведывательных единиц флота, рассчитан для осуществления длительных автономных поисков.

7

Штурмовой носитель класса «Нибелунг» был разработан ВПК Земного Альянса, как основное средство доставки, огневой и технической поддержки мобильных серв-соединений. Штатная комплектация «Нибелунга» состоит из десяти серв-машин, двух взводов пехотной поддержки и одного технического взвода. К окончанию войны пехотные и технические подразделения, как правило, комплектовались сервомеханизмами андроидного типа.

8

«DL-37» – унифицированный многоствольный миномет, оснащенный собственным приводом.

9

Сигнатура – в данном контексте этот термин обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

10

Режим дрейфа – движение боезаряда по инерции с выключенными системами.

11

FOPK – орудийно-ракетный комплекс. Штатное вооружение, входящее в комплект бронескафандра. Три пусковых ракетных тубуса крепятся на правой руке от запястья к локтевому суставу, два (или одно в облегченном варианте) безоткатных орудия закреплены на плечевых бронепластинах, система боевого скафандра также оснащена устройствами компенсации нагрузок при выстреле.

12

Залив Эйкон назван именем Антона Эйкона, одного из членов экипажа колониального транспорта «Кривич», с борта которого была колонизирована планета Элио.

13

Раворы – исконные древовидные формы планеты Элио. Выражение «Пламенеющий Равор» возникло в результате свойства растущих на мелководье деревьев испускать по ночам алое сияние, вызванное свечением микроорганизмов, сосуществующих в симбиозе с исполинскими (достигающими высоты 50 метров) деревьями.

14

Колониальный транспорт «Кривич» осуществил посадку на Элио в 2216 году.

15

FРТВ – робототехнические вооружения.

16

Системы «Хьюго-БД12», обладающие тремя степенями программной свободы. – Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы. Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих. Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы. Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки. Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а также жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

17

Эреснийская травка – легкий наркотик, во многих мирах приравненный к табаку.

18

Зомби-сеть – сеть зараженных компьютеров, используемых злоумышленниками для атак на сервера, рассылки вирусных программ, сбора информации.

19

Транслятор – в информатике программа для автоматического перевода программ, обычно с языка программирования на язык конкретной машины.

20

Знающий человек всегда отличит программу от живого существа, скажет, что ее ответы всего лишь похожи на ответы разумного существа, но не более. Алгоритм самообучения тут – лишь запоминание вариантов ответов, полученных от людей (чем их больше, тем «живее» машина), комбинация этих вариантов и выбор из них тех, которые наиболее соответствуют реакции человека на предложенную ситуацию. Таким образом, машина лишь рационально копирует человеческое поведение, но не сопереживает совершаемым действиям или произносимым словам.

21

Диахр – древовидная форма с планеты Флиред. Знаменита своим соком, скапливающимся в соцветиях. Сок Диахра обладает целым рядом ценных фармакологических свойств. Произрастает исключительно в условиях климата родной планеты. Все попытки привить Диахр на иных мирах окончились неудачей.

22

Промежуточное всплытие – существуют разные виды гиперпривода, обычно у небольших кораблей накопители энергии рассчитаны на один-два прыжка, затем корабль вынужден подниматься из аномалии в трехмерный космос для зарядки гипердрайва.

23

Седьмой Омикрон станет вотчиной корпорации «Эхо» намного позже, спустя столетия после описываемых событий.

24

Цокольный этаж мегаполиса – сразу после посадки колониального транспорта на планету начинает свою работу планетопреобразующая и строительная техника. На месте посадки (стерилизованной от исконных форм жизни колонизируемой планеты) начинается строительство Цоколя – многокилометрового основания будущего города. Внутри Цоколя располагаются системы жизнеобеспечения, реактор, очистные сооружения, цеха по производству необходимых для дальнейшего строительства машин и материалов. Пробуждение людей начинается после завершения работ по возведению Цоколя. Известен целый ряд планет, где при успешно возведенном Цоколе пробуждение колонистов так и не состоялось. Есть примеры частичного выполнения запланированных работ с тем же трагичным исходом.

25

«НАВАКС» – навигационная система спутникового контроля.

26

Энергосканирование – фиксирование сканерами характерных признаков, сопутствующих работе энергетических цепей или силовых установок.

27

«Хамелеон» – маскирующий мимикрирующий состав. Используется для покрытия бронепластин. Мимикрия – свойство некоторых животных и растений маскироваться под окружающий фон.

28

Кибстек – персональный кибернетический модуль, оснащенный системой голографического проецирования. Как правило, имеет форму браслета, используется в качестве личного компьютера.

29

О биороботах модели «КОРГ» см. роман «Роза для Киборга».